

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

**Общественно-политическое развитие
и общественное сознание в России**

- Степанова А.В.** Русская адвокатура и общественно-политическая борьба в пореформенной России 3
- Калашников М.В.** Понятие «либерализм» в русском общественном сознании 1855–1858 годов 8
- Кочуков С.А.** К вопросу о взглядах русского общества на войну с Турцией 1877–1878 годов 19
- Назаров В.В.** К вопросу о роли земства в становлении гражданского общества в России во второй половине XIX века 25
- Карпачев М.Д.** Власть, крестьянство и город в Воронежской губернии накануне падения монархии 27
- Варфоломеев Ю.В.** «Его политическое и нравственное значение всеобъемлюще для всей страны...»: Политико-правовые коллизии судебного процесса над участниками Севастопольского восстания 33
- Рязанов Д.В.** Российская полиция и ее методы в контексте противодействия революционному терроризму (XIX – начало XX века) 38

**Личность в общественно-политической жизни
и внешней политике России**

- Лёвин С.В.** В. С. Норов – «декабрист без декабря» 47
- Чернов О.А.** Деятельность российского политического агента Н.В. Чарыкова в Бухарском эмирате 52
- Артамонов Д.С.** Александр I и тайные общества 57
- Соломонов В.А.** 1928 год в судьбе профессора Сергея Николаевича Чернова (к истории одного университетского конфликта) 63
- Степанов Ю.Г.** С.Ю. Витте и след гапоновщины в Саратове 68
- Китаев В.А.** П.В. Анненков и русский либерализм (вторая половина 50-х – начало 80-х годов XIX века) 73
- Кочукова О.В.** «На новом Государе не должно быть крови...» (отклик К. Д. Кавелина на события 1 марта 1881 года) 78
- Дмитриева О.Н.** Новое о Степане Григорьевиче Ширяеве 83
- Мраморнов А.И.** Национальный вопрос в системе взглядов епископа Гермогена (Долганова) 92

История Саратовской губернии

- Платонова Т.В.** Дворянские родословные книги Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века 97

Вопросы всеобщей истории

- Баранов А.В.** За ширмой исламской революции 103
- Галямичев А.Н.** Программа курса «Историческая география стран Западной Европы в Средние века и Раннее Новое время» 111

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**Главный редактор**

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Белов Владимир Николаевич
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Данилов Виктор Николаевич
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Зимняков Дмитрий Александрович
Кабанин Вячеслав Кузьмич
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Худяков Глеб Иванович
Чумаченко Алексей Николаевич
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ**Главный редактор**

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Герман Аркадий Адольфович
Чернова Лариса Николаевна

Ответственный секретарь

Золотавина Татьяна Сергеевна

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич
Девятайкина Нина Ивановна
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Мирзаханов Велихан Салманханович
Мосолкина Татьяна Валентиновна
Парфенов Виктор Николаевич
Черевичко Татьяна Викторовна

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трушина Валентина Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Агальцова Людмила Владимировна

Корректор

Рогова Галина Александровна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 14.04.08.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15).

Уч.-изд. л. 14,9.

Тираж 500 экз. Заказ 26.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2008

CONTENTS

Scientific Part

Social and Political development and social cosciosness in Russia

Stepanova A.V. Russian Advocacy and Society is a Political Fight in Russia after Reforms 3

Kalashnikov M.V. The Conception «Liberalism» in Russian Public Consciousness of 1855–1858 8

Kochukov S.A. The Views of the Russian Society on the Russo-Turkish War of 1877–1878 19

Nazarov V.V. On the Role of Zemstvo in the Formation of Civil Society in Russia in the Second Half of the XIX th Century 25

Karpachyov M.D. The Administration Peasantry and the City in Russia on the Eve of the Revolution of 1917 27

Varfolomeev Yu.V. «Its Political and Moral Importance for the Whole Country Comprehensively...» (The Politician-Legal Collisions of the Lawsuit on Participant Sevastopol Rebellion) 33

Ryazanov D.V. Russian Police and its Methods in the Context of Counteraction to Revolutionary Terrorism (the XIXth – beginning of the XXth century) 38

Persons in social and political life of Russia and in Russian foreign policy

Lyovin S.V. V.S. Norov – a ‘Decembrist without December’ 47

Tchernov O.A. This Activiti Russian Politic Agent N.V. Tcharykow in the Bokhara Emirate 52

Artamonov D.S. Alexander I and Secret Societies 57

Solomonov V.A. The Year 1928 in Professor’s Sergey Nikolaevich Chernov Destiny 63

Stepanov Yu.G. S. Yu. Vitte and Track of Gaponovschiny in Saratov 68

Kitaev V.A. P.V. Annenkov and Russian Liberalism (the Second Half of the 1850-s – the Beginning of the 1880-s.) 73

Kochukova O.V. There Should Be no Blood on the New Sovereign (K.D. Kavelin’s Reaction to the Events of March 1, 1881) 78

Dmitriyeva O.N. New Facts on Stepan Grigoryevich Shirayev 83

Mramornov A.I. The Formation of Views on National Question of Bishop Hermogenes (Dolganov) 92

The history of Saratov Province

Platonova T.V. The Nobility Family Register Books of the Saratov Province in the End of the XVIII – the First Half of the XIX Century 97

The issnes of World History

Baranov A.V. Behind the Screen of the Islamic Revolution 103

Galyamichev A.N. The Programme of the Course «Historical geography of Western Europe during the Middle Age» 111

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В РОССИИ

УДК 34(09)

РУССКАЯ АДВОКАТУРА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Степанова

Саратовский государственный университет,
кафедра Отечественной истории и культуры
E-mail: StepanovUG@list.ru

В статье исследуется русская адвокатура 2-й половины XIX века. Рассмотрен вопрос о роли и значении адвокатуры. Проанализирован процесс борьбы русских адвокатов с властью за свое существование. Сравниваются образцы российской и зарубежной адвокатуры.

Russian Advocacy and Society is a Political Fight in Russia after Reforms

A.V. Stepanova

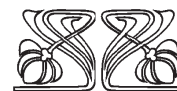
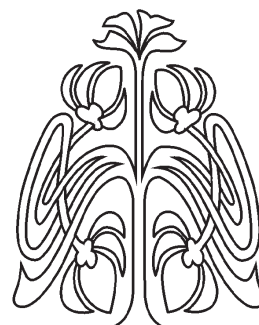
The report considers the role and importance of Russian advocacy in the second half of the 19th century. The author analyses the process of struggle of Russian and advocates with the authorities for their existence also models of Russian and foreign advocacy are compared.

Девятнадцатый век – существенный рубеж в развитии Российского государства. Рубежный он и для судебной системы, поскольку преобразование судопроизводства вызывало ожесточенные споры, но в итоге оказалось самой завершённой из всех реформ царствования Александра II. Профессиональная адвокатура, в соответствии с положениями судебной реформы 1864 г., явилась учреждением совершенно новым по содержанию и форме. На место «юридических знахарей» пришли высокопрофессиональные юристы. Адвокаты стали одновременно правозаступниками и поверенными своего клиента. В 70-х гг. XIX в. в литературе впервые был поставлен вопрос о юридической природе адвокатуры. А.М. Пальховский в своем исследовании сделал вывод: «Адвокатура, в силу самой своей природы, должна занимать не подчиненное, а высшее положение сравнительно с магистратурой»¹.

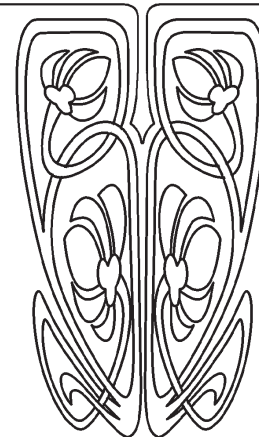
Общезвестно, что «судебные уставы вступили в действие 17 апреля 1866 г., именно этот день считается фактическим днем рождения адвокатуры в России. 29 сентября и 20 ноября 1864 г. «прозвучали как бы два первых свистка на собирающемся отчалить пароходе» русской адвокатуры, но только «по третьему свистку пароход снялся с места...»².

Однако работа над уставами и оформлением структуры присяжных поверенных в России шла задолго до «первого свистка». Уже в проектах эпохи царствования Александра I осторожно звучала идея о возможности заимствования некоторых элементов европейского судопроизводства.

И.В. Гессен привел любопытный факт: жалоба чиновника Военного министерства Лунина на Хвицкого, служащего Министерства государственных имуществ, с обвинением в злоупотреблении служебным положением возымела действие. Правительствующий Сенат пришел

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

к однозначному решению: «...вопрос о совместительстве стряпчества с государственной службой разрешается отрицательно»³. Этот прецедент способствовал созданию «комиссии составления законов», которая «широко раздвинула рамки своей задачи» и, ссылаясь на пример иностранных государств, а также польских и остзейских провинций, пришла к выводу о необходимости создания института стряпчих. «Надобно последовать примеру других государств (курсив мой. – А.С.) и учредить сословие стряпчих на таком положении, на каком они везде существуют, с нужными только переменами по местным обстоятельствам России»⁴.

Комиссия выдвинула и регламентировала ряд постановлений, запрещающих «...чиновникам заниматься стряпчеством <...>»⁵, пояснив все обстоятельства по пунктам, не дозволяющим служащим заниматься подобным видом деятельности. В связи с тем, что правительство «...изъявило уже свои намерения, то остается рассмотреть основания, на коих должно быть учреждено звание стряпчих, советуясь с примерами, представленными ныне Францией, Англией, Германией (курсив мой. – А.С.). Заведенное в сих странах судебное устройство имеет, может быть, <...> недостатки, коих по счастью у нас в России нет, но в рассуждении устройства стряпчих и способов защищения могут быть они без сомнения служить нам примером»⁶.

Показательно, что Комиссия выдвинула основания для учреждения сословия стряпчих. Предполагалось собрать все сведения о лицах, занимающихся данным видом деятельности, затем министр на основании доказательных сведений отбирал в списки наиболее достойных по способностям и поведению. Был даже очерчен круг обязанностей⁷. Более того, точно регламентирована ответственность, расписаны и указаны различные размеры штрафов, взятые из французского законодательства, с утверждением, «что с некоторыми переменами установление сие могло бы быть введено и у нас»⁸. Для повышения доверия, а соответственно и авторитета подобной организации детально перечислены все возможные виды ответственности⁹. «А чтобы сословие стряпчих, долженствующее совокупно отвечать за своих членов, имело возможность для сего наблюдать за их поступками, надлежало бы из них учредить (так, как во Франции) особую управу или Совет, избираемый стряпчими между собой, под непосредственным покровительством министра юстиции»¹⁰. Деятельность Совета скрупулезно расписывалась и уточнялась. Было выдвинуто предложение о наградах и отличиях тем стряпчим, которые за долгий свой труд непорочный содействовали утверждению законности в государстве Российском, другими словами, предполагалось «дать им права по службе, равняющие их с другими чиновниками»¹¹, т. е. приравнять их к государственным служащим.

Тем не менее проект не был утвержден: «гора родила мышь». В 1832 г. правительство попыталось создать представительство сторон для коммерческих судов, так называемый институт присяжных стряпчих: «не меняя ничего по существу», оно «только повторяло мероприятия, принятые в конце XVIII в. <...>»¹².

Безусловно, ссылка на то, что «должно быть учреждено звание стряпчих, советуясь с примерами, представленными ныне Францией», настораживала власти и тормозила реализацию проекта. Более того, отторжение европейских образцов и стало причиной неоднократных, но бесплодных попыток вернуться к обсуждению вопроса. Отрицательное отношение к идее введения адвокатуры на европейских принципах прослеживается на всех этапах подготовки проекта судебной реформы.

Следует отметить несколько важнейших причин такого отношения к адвокатуры:

- 1) стремление решить вопрос о новом судоустройстве без института адвокатуры;
- 2) под сомнение ставился принцип состязательности;
- 3) не решенным оставался и вопрос о соотношении новой судебной системы с самодержавным устройством;
- 4) неопределенность того, что именно должно служить образцом для новых судебных уставов.

По словам Е.В. Васьковского, в самодержавной России, где миловать или казнить было исконной, незыблемой прерогативой монарха, «дискреционная власть, действующая ради общественного блага», была вне закона¹³.

Во второй половине 1850-х гг. вновь началась реформаторская лихорадка. Объективные и субъективные причины, которые осознавало самодержавие, подготовили почву для реформ¹⁴. Обновление суда, если не перестройку, считали необходимым во II отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии (с. Е. И. В. к.), в защиту преобразований выступил К.П. Победоносцев, в дальнейшем ярый противник суда присяжных и особенно адвокатуры.

Проекты росли как грибы, похожие друг на друга, однако правительство каждый раз находило возможность отложить решение этого вопроса. Лишь на первый взгляд казалось, что правительство сознательно шло на судебные преобразования, подчиняясь духу времени. Если же верховная власть шла на уступки, то весьма незначительные и с учетом своих интересов. Охранительная позиция прослеживается на всех этапах подготовки проектов. Так, в 1857 г. «обсуждение Государственным Советом ... проекта началось с чтения Высочайшего повеления, коим воспрещалось касаться вопросов о суде присяжных и адвокатуры»¹⁵.

Система правосудия с институтом адвокатуры – элемент контроля над обществом. Дать

ей самостоятельность – создать прецедент неизбежной эволюции к политическим свободам. Это прекрасно понимали российские самодержцы. Так, еще Екатерина II заявляла: «Адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуют и никогда законодательствовать не будут пока я жива, а после меня будут следовать моим началам»¹⁶. Не менее «тверд» в этом вопросе был и ее внук Николай I.

Царизм, идя на вынужденные реформы, не допускал и мысли об изменении существующего строя, предполагая лишь возможность подкорректировать систему власти с учетом «новых времен». Стратегически просчитывая варианты улучшения системы управления, правительство руководствовалось политической целесообразностью в рамках опять же самодержавной идеологии¹⁷.

Устройство адвокатуры во Франции было следствием революцией, закреплялось конституцией, а в дальнейшем являлось неотъемлемой частью судебного-процессуального действия. Это вынуждало авторов проектов судебных преобразований энергично отпираться и решительно отвергать все доводы и аргументы в пользу сравнения статуса российской и французской адвокатуры.

Так, Д.Н. Блудов (автор одного из первых проектов судебной реформы), вынужденный под давлением сверху искать компромиссы и лавировать, защищал идею адвокатуры, но опасался за судьбу всей судебной реформы¹⁸. Об этом свидетельствует проект судебной реформы 1857 г. – так называемая записка гр. Блудова, в которой автор доказывал существенную разницу между адвокатурой как организацией вообще и французской адвокатурой: «Во Франции адвокаты образуют отдельное сословие, самоуправляющееся», именно «при таком устройстве... адвокаты во Франции достигли политического значения, несогласного с действительным их призванием». Но в Германии, Голландии, Пьемонте, Неаполе, Греции «нет гибельного деления на поверенных («*avoques*») и адвокатов. <...> Они назначаются от правительства, состоят в зависимости и под надзором судебных мест, <...> и мы смеем думать, даже полезно будет еще более удалиться от основного учреждения адвокатов во Франции»¹⁹. В 1859 г. на двух заседаниях Государственного совета Блудов достиг согласия с мнением II отделения с.Е.И.В.к., что «наше учреждение поверенных должно получить направление, совершенно отличное от Франции»²⁰.

Казалось бы, компромисс достигнут, однако вопрос о принципе состязательности судебного процесса, роли и значении в нем адвокатов оставался очень острым. Принцип безусловного административного диктата входил в противоречие с принципом состязательности, т. е. необходимости участия в процессе адвокатуры. По словам Гессена, состязательность процесса неизбежно вела к «насаждению французского образца обязательно участия адвокатуры»²¹.

Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, сенатор Н.А. Буцковский²², профессор-юрист Б.А. Кистяковский, многие другие настойчиво стремились отделить проблемы судопроизводства от вопросов сугубо политических: «...суд присяжных возможен и необходим не только при представительном строе, что он полезен и совместим и с самодержавным режимом, так как это есть институт юридический, а не политический»²³. Именно политическая сторона деятельности адвокатуры настораживала самодержавие, заставляя юристов доказывать, что профессия адвоката имеет сугубо гражданский характер. По словам Е.В. Васковского, «адвокатура – институт юридический, а не политический. Она преследует те же задачи, что и суд: защиту права, осуществление закона. Поэтому и политическое значение не более того, какое имеет правильно организованный беспристрастный и независимый суд»²⁴.

Отметим, что изрядная доля оппозиционности действительно заложена в самой идее и организации института адвокатуры, подразумевающей самостоятельность, сословность и выборность. Более того, эта организация предполагает свободный суд как самостоятельную ветвь власти с принципами гласности и состязательности, а также защиту прав человека. Все это шло вразрез с самодержавным правлением. Учитывая возросшее влияние общественной мысли, приобретающей большей политической резонанс, подъем революционного движения, а также складывающиеся новые экономические отношения, правительство шло на вынужденную уступку, но ни о каком компромиссе по части уступок политических свобод речь не могла идти.

Между тем появление присяжных поверенных как правозащитного органа было необходимо, так как деспотизм и беззаконие власти на всех уровнях превышали все пределы. Даже государственные чиновники понимали сложность положения русского судопроизводства: «Мы поставлены в следующее безвыходное положение: с одной стороны, у нас судопроизводство дурное потому, что нет адвокатов, а с другой стороны, адвокатов у нас нет потому, что судопроизводство дурно»²⁵.

Самодержавие вполне осознавало, что к середине XIX в., помимо его воли, интеллигенция отражала интересы населения в периодической печати, формировала общественное мнение. Игнорировать запросы общества было невозможно, а оно все настойчивей предъявляло права на участие в решении хотя бы своих проблем. В итоге судебная реформа состоялась.

В результате утверждения судебной реформы 1864 г. были провозглашены и реализованы следующие принципы судопроизводства и судопроизводства: отделение суда от администрации, создание всесословного суда, равенство всех граждан перед судом, несменяемость судей, гласность, устность, состязательность процесса²⁶, презумпция невиновности, прокурорский надзор, выборность (миро-

вых судей и присяжных заседателей). Два года спустя получила право на жизнь и адвокатура²⁷. Так, с 1866 г. первой общественной организацией самодержавной России, официально признанной государством, стала адвокатура²⁸.

С первых же дней существования российский институт присяжных поверенных подвергся непрестанному натиску правых, доказывавших его французские корни. Таким образом, консерваторы стремились подчеркнуть политическую неблагонадежность и чуждость адвокатуры «национальным устоям» и принципу самодержавности.

Русские юристы, стремясь защитить адвокатуру от нападков, подчеркивали независимость и обособленность ее от французской системы правозащиты. Так, Е. В. Васильковский прямо указывал «что история нашей адвокатуры в сущности история ябедничества»²⁹. Еще откровенней высказался известный адвокат П.А. Потехин: «Мы народились не из них, мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди, ни исторического рода, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться»³⁰. «Король» адвокатов первой волны В.Д. Спасович вторил ему в унисон: «Зоологи доискиваются, но пока не доискались, а верят в самозарождение организма. У нас именно имеется пример такого самозарождения. Ничего подобного не бывало на Руси. Мы вышли не ex ovo, мы не вылупились из скорлупы, мы без роду и племени»³¹.

Наряду с этими эмоциональными эскападами некоторые специалисты пытались теоретически доказать полную самостоятельность русской адвокатуры. Например, А. Барымов настаивал на этическом несовершенстве французской адвокатуры, от которого будто бы свободны русские присяжные: «Французские писатели <...> главным профессиональным достоинством адвоката, его высшею добродетелью считают беспристрастие и правдолюбие». По мнению русского юриста, «главнейший недостаток этого взгляда» – отождествление «обязанностей профессиональных, <...> специально присущих адвокатской функции с началами и обязанностями общежитической морали»³². «Второй недостаток <...> полное отсутствие какого бы то ни было критерия для определения справедливости и несправедливости уголовного дела»³³. Знаменитый К.К. Арсеньев писал: «Русская адвокатура идет своим самостоятельным путем, во многом отличаясь от французской. В ее молодости – и слабость ее, и сила: слабость потому, что она не имеет ни прошлого положения, ни всеми признанных бесспорных прав, ни твердо установленных традиций; сила потому, что она меньше спутана рутиной, меньше усвоила себе шаблонных приемов». Главный вывод автора: «Подражание французскому образцу было бы, во всяком случае, крайне опасно»³⁴. Сходные «умозаключения» делали П.В. Макалинский³⁵, А.Н. Стоянов³⁶.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, несмотря на официальное отмежевание от европейских образцов адвокатуры, мерилom авторитетности и значимости института защиты для составителей судебных уставов (а тем более для адвокатов) оставалась система организации адвокатуры во Франции, Германии, Англии³⁷. Косвенным тому доказательством служат и бесконечные «самооправдания» представителей русской защиты в печати.

При детальном изучении специальных юридических исследований выявляется масса общего в устройстве и принципах деятельности русской и французской адвокатуры. Так, Советы присяжных поверенных, правила аттестации, прохождения процедур создавались один в один по образцу французских.

Самодержавное правительство в 1870–1880-х гг. в законодательном порядке стало проводить политику ущемления прав адвокатуры. В январе 1874 г. Последовало высочайшее повеление о «временном» приостановлении учреждения советов присяжных поверенных и передаче функций Советов присяжных поверенных окружным судам. Это ограничило независимость

Еще до 1917 г. ряд авторитетных специалистов указывали, что именно французская адвокатура послужила образцом для основания сословия присяжных поверенных в России. Наиболее объективно к этому вопросу подошел М.М. Ковалевский, который после глубокого сравнительного анализа новой судебной-правовой системы России и судоустройства западных указал, «что законоведы <...> приняли в соображение не столько судебные утверждения, сколько общие принципы, господствующие у всех цивилизованных народов Европы»³⁸. Вывод автора однозначен: «В главных чертах реформа 1864 года, несомненно, следовала иностранным образцам и, преимущественно, английскому и французскому»³⁹. Касаясь организации Советов присяжных поверенных, М.М. Ковалевский прямо заявлял: «Ясно, что они были созданы по образцу уже существовавших во Франции учреждений этого рода <...>»⁴⁰.

Не сомневаются в генетическом родстве русской адвокатуры с европейскими «собратьями» и современные исследователи. В частности, Н.А. Троицкий подчеркивает, что у организации присяжных поверенных в России «оказалось много общего с адвокатурой передовых стран Запада. Откуда творцы Судебных уставов 1864 г. немало позаимствовали для статуса «русской адвокатуры»⁴¹. Н.В. Черкасова указывает, что при создании русской адвокатуры «отчасти был воспринят немецко-австрийский тип адвокатуры, особенность которого состояла в соединении в одних руках функций правозаступничества и судебного представительства. Организационное же устройство адвокатуры во многом напоминало французское...»⁴² (имеется в виду внутреннее самоуправление, система дисциплинарных взы-

сканий и порядок дисциплинарного производства. – А. С.).

Российская адвокатура всегда оставалась ненавистой для власть предержащих. Самодержавие уже в 1870–1880-х гг. в законодательном порядке стало проводить политику ущемления прав адвокатуры. В январе 1874 г. последовало высочайшее повеление о «временном» приостановлении учреждения Советов присяжных поверенных и передаче их функций окружным судам. Это ограничивало независимость адвокатуры, искажало принципы ее организации. Не сразу добилась русская адвокатура и надлежащего общественного признания. Новизна этого института и неясное представление о роли адвоката в процессе порождали нападки со стороны как реакционных, так и либеральных кругов. Нападки продолжались до тех пор, пока адвокатура не проявила себя на больших политических процессах 1870-х гг.

Подводя итоги, следует сказать, что вопрос о создании в России института адвокатуры решался при огромном сопротивлении со стороны самодержавия. Чтобы сдвинуть его решение с мертвой точки, судебные деятели до времени отвергали прямые ассоциации с европейской правовой системой. И далее, в сложной общественно-политической ситуации пореформенных лет прогрессивные русские юристы стремились не дать правительству шансов уничтожить нарождающийся правовой порядок. Отрицание сходства русской адвокатуры с европейскими аналогами было тактическим маневром, жизненной необходимостью, заботой о будущем России. Это позволяло не только рассчитывать на развитие правовой базы гражданского общества, но и предопределило формирование плеяды выдающихся юристов, поколения правоведа-защитников, пополнивших золотой фонд выдающихся деятелей русской общественной жизни.

Но в целом отечественная юридическая мысль, оставаясь на почве фактов и профессионализма, конечно, признавала отечественную адвокатуру аналогом европейской.

Примечания

- 1 Пальховский А.М. О праве представительства на суде М., 1876. С. 124–125.
- 2 Спасович В.Д. Две речи. Берлин, 1892. С. 56.
- 3 История русской адвокатуры / Под ред. И. В. Гессена. М., 1914. Т. 1. С. 16.
- 4 Там же.
- 5 Там же С. 17.
- 6 Там же. С. 18.
- 7 Там же. С. 19.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 Там же. С. 21.
- 10 Там же. С. 22.
- 11 Там же. С. 23.

- 12 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 24.
- 13 Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893. Ч. 1. С. 320.
- 14 По мнению М.В. Немытиной, хотя «на момент введения судебных уставов 1864 г. в правительственном лагере, в обществе, в юридической среде для подавляющего большинства авторов была характерна их идеализация» (Немытина М. В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. Саратов, 1999. С. 13).
- 15 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 25.
- 16 Цит. по: Васильковский Е.В. Указ. соч. С. 321.
- 17 Подобная политическая традиция сохранилась и по сей день. Властители нынешние как и прошлые, стремятся законодательно оправдать и, возможно, укрепить собственную власть.
- 18 Е.В. Васильковский отметил, что поскольку «организация сословия адвокатуры становилась необходимой», то «возникла опасность для судебной реформы вообще» (Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 320).
- 19 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 45.
- 20 Там же. С. 47.
- 21 Там же. 51.
- 22 Н. А. Буцковский (1811–1873) – один из главных деятелей судебной реформы. Был председателем комиссии, разработавшей в 1863 г. Устав уголовного судопроизводства.
- 23 См.: История русской адвокатуры. Т. 1. С. 31.
- 24 Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 320.
- 25 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 38.
- 26 Образованное русское общество с живейшим интересом и сочувствием встретило учреждение новых судов. Однако уровень правосознания русской публики в целом оказался невысоким. Отсюда чрезвычайно любопытный феномен восприятия в обществе принципа состязательности. Так, известный русский юрист отмечал: ««Провозглашение начала состязательности встретило живейший отклик в обществе, как провозглашение свободной борьбы личных интересов, в которую государство не вправе вмешиваться, которую судья должен созерцать беспристрастно». Прения обвинения и защиты воспринимались «как осуществление свободной борьбы личных интересов, а с этой точки зрения обязательное участие адвокатуры или даже монополия ее рисовались как ограничения в распоряжении своими гражданскими правами, квалифицировалось как нарушение естественного права, как нравственное насилие» (История русской адвокатуры. Т. 1. С. 52–53).
- 27 См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с рассуждениями, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 3. Разд. 9. Гл. 2. Ст. 353–406. О судебной реформе и русской адвокатуры см. также: Васильковский Е.В. Указ. соч.; История русской адвокатуры. Т. 1. С. 116–243; Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуры. Тула, 2000; Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904. Тула, 2000.
- 28 Адвокатура России, чтобы приобрести приемлемый статус и признание, должна была открещиваться от своих предшественников – стряпчих и частных ходатаев – того «крапивного семени», мрачная слава которого

тяжелым бременем лежала на репутации вновь создаваемого института. В полной мере присяжной адвокатуре того времени освободиться от предшественников не удалось: ходатаи по гражданским делам под разными вывесками сохранялись. Объяснялось это не только традицией, но и элементарной нехваткой дипломированных специалистов. Именно поэтому, спустя 10 лет после начала судебной реформы (в 1874 г.) правительство вынуждено было узаконить наряду с присяжными поверенными институт частных поверенных.

²⁹ Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 312.

³⁰ Потехин П. А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. №47. С. 2213.

³¹ Спасович В. Д. Застольные речи (1873 – 1901). Лейпциг, 1903. С. 85. Справедливости ради стоит отметить, что, откровенно говоря от родства русской адвокатуры с европейскими аналогами, отечественные правоведы заодно подчеркивали и недостатки отечественной судебной системы: крючкотворство и затягивание судебного процесса, несовершенство судопроизводства, которое приводило к преобладанию розыскного процесса, характеризовавшегося совмещением функции суда, обвинения и защиты.

³² Барымов А. Защита по уголовным делам // Юридический вестник. 1878. № 9. С. 383.

³³ Там же. С. 391.

³⁴ Арсеньев К.К. Указ. соч. С. 75.

³⁵ См.: Макалинский П.В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. СПб., 1889.

³⁶ См.: Стоянов А.Н. Английская адвокатура // Юридический вестник. 1880. № 8.

³⁷ Н.А.Троицкий отмечает, что «вообще <...>специалисты сравнивали русскую адвокатуру именно с французской, которая считалась наиболее искусственной и авторитетной в Европе и не зря послужила для корпорации русских адвокатов преимущественным образцом» (Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 51).

³⁸ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С. 189.

³⁹ Там же. С. 188.

⁴⁰ Там же. С. 189.

⁴¹ Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 39–40.

⁴² Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-гг. XIX в. М., 1987. С. 30.

УДК 30.01(470–89)

ПОНЯТИЕ «ЛИБЕРАЛИЗМ» В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ 1855–1858 ГОДОВ

М.В. Калашников

Саратовский государственный университет, кафедра истории России
E-mail: Kalashmv@mail.ru

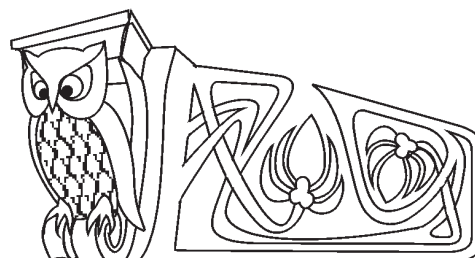
В статье использован метод историко-семантического анализа, в рамках которого естественный язык понимается как знаковая система общественного сознания. Показано изменение смысла понятия «либерализм» в русском общественном сознании 1855–1858 гг. под влиянием социальной практики и политических процессов, происходивших в России.

The Conception "Liberalism" in Russian Public Consciousness of 1855–1858

M.V. Kalashnikov

In the article the method of historical-semantic analysis is used. Natural language is understood as a sign system of public consciousness. The change of the meaning of the conception «liberalism» in Russian public consciousness of 1855–1858 under the influence of social practices and political processes, which proceeded in Russia, is shown.

До конца 1840-х гг. в русском общественном сознании понятие «либерализм» в основном означает политическое течение, которое для достижения своих целей использует радикальные, революционные средства, воспринимаемые все тем же

общественным сознанием как безнравственные. А слово «либерал» означает: безнравственный и, как следствие этого, неумный человек.

Частичная семантическая «реабилитация» понятия «либерализм» в русском общественном сознании конца 1840 – начала 1850-х гг. была связана с революциями 1848 г. в Европе, в ходе которых бывшие радикально (революционно) настроенные либералы решительно выступили против новых радикалов (революционеров) – демократов, социалистов, коммунистов и анархистов.

Вместе с тем в русском общественном сознании, по крайней мере, до середины 1850-х гг. сохранялись и прежние смыслы понятия «либерализм», характерные для 1830 – 1840-х годов. Так, например, Б.И. Сциборский, вспоминая годы учебы в Главном педагогическом институте, в письме к Н.Г. Чернышевскому от 10 февраля 1862 г. писал о кружке Н.А. Добролюбова, действовавшем в конце 1854–в 1856 гг.: «Наконец был кружок ненавистный властям, клеймившим его головорезами, алчными крокодилами, либералами и другими позорными кличками. Это были отъявленные враги существовавших тогда порядков в Институте, изо всех сил бившиеся из-за того, чтобы дать понять

начальству всю нелепость их (т. е. начальства. – М. К.) мелочных требований – за отступление от правил институтских...»¹.

Одним из первых, если не первым, кто в новых условиях попытался вложить новый смысл в понятие «либерализм» стал Б.Н. Чичерин. В статье «Современные задачи русской жизни», датированной июнем 1855 г. и вероятно доработанной в августе – начале сентября 1855 г., Чичерин выдвинул и обосновал политическую программу либеральных реформ.

Вынеся в начале статьи вердикт недалекому прошлому, Чичерин, находясь под впечатлением падения Севастополя, с чувством полной безысходности писал: «Настоящее тяжело и печально: извне страшная гроза, ополчение народов, которого мы не в силах отразить, внутри всеобщее расстройство и распадение. Повсюду беззакония, повсюду притеснения, повсюду жалобы и неудовольствия. Нет в общественной жизни отрадного явления, на котором бы взор мог с участием остановиться и успокоиться. Один был город на краю государства, где сосредоточивался весь героизм русского народа, и который своею мужественной защитой искупал бедствия тяжелого времени. Но и этот город пал в неравной борьбе. Уныние распространилось всюду, и будущее стало, если можно, еще темнее»².

Определяя пути выхода из создавшегося положения, Чичерин писал: «Нам нужны не сословные права, не ограничения царской власти, о котором никто в России и не думает. Нам нужна свобода! Мы хотим, чтобы все, что есть внутри нас, могло свободно высказываться и развиваться, чтобы царь знал, что думает и делает Россия, и мог править нами с ясным сознанием дела и с разумной любовью к своему народу»³.

Именно в статье «Современные задачи русской жизни» Чичерин выдвинул концепцию ограниченной свободы. Он писал: «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение, если мы только стряхнем с себя губящую нас лень и равнодушие к общему делу. Это слово, которое излечит глубоко проникнувшие язвы, которое изгонит из нас всю внутреннюю порчу, которое даст нам возможность стать наряду с другими народами и с обновленными силами идти по тому великому пути, которого залог лежит в высоких доблестях русского народа. В либерализме, – патетически восклицал Чичерин, – вся будущность России. Да столпятся же около этого знамени и правительство и народ с доверием друг к другу, с твердым намерением достигнуть предположенной цели»⁴.

По мнению Чичерина, желания «либеральной партии в обществе» должно совпадать с мерами,

которые «должно принять либеральное правительство». В этой же статье он определил и «главные начала», которые, по его мнению, «вытекают из понятия о либерализме».

Первым таким началом Чичерин назвал *свободу совести*. Второе начало, согласно Чичерину, *свобода от крепостного состояния*, являющегося, по его мнению, одним из «величайших зол, которыми страдает ныне Россия». Третье начало – *свобода общественного мнения*, которую Чичерин назвал «краеугольным камнем либеральной политики», она же, по его мнению, «есть выражение народной мысли». Четвертое начало – это *свобода книгопечатания*, для ее достижения необходимо отменить цензуру. Пятое начало – *свобода преподавания*, чрезвычайно актуальная для самого Чичерина. Шестое начало – *публичность всех правительственных действий*, которых обнаружение, – по мнению Чичерина, – не может быть вредно для государства, и прежде всего бюджета, государственных доходов и расходов». Седьмое начало – *публичность и гласность судопроизводства*⁵.

Таким образом, согласно представлениям Чичерина в середине 1855 г. признание необходимости именно этих свобод составит либеральный консенсус между властью и гипотетической «либеральной партией», то есть либерально настроенной частью общества.

Необходимо отметить, что статью «Современные задачи русской жизни» Чичерин писал в спокойной деревенской обстановке в родовом имении Караул Тамбовской губернии. В Москву Чичерин приехал только в конце декабря 1855 г., как он пишет, «перед Рождеством». Москва в канун нового 1856 года поразила Чичерина. Позднее в мемуарах он писал об этом так: «Какой-то электрический ток носился в воздухе. Все были полны надежд и ожиданий; все порывались к общественной работе»⁶.

Вероятно, в конце декабря – начале января 1856 г. Чичерин «поехал в Петербург и представил К.Д. Кавелину свои рукописные произведения», написанные за полгода пребывания в деревне, в том числе и статью «Современные задачи русской жизни». В ходе этого визита и общения с Кавелиным было принято, по воспоминаниям Чичерина, решение «послать всю нашу рукописную литературу для напечатания к Герцену». Но так как «направление Герцена, выразившееся в «Полярной звезде» и разных речах и брошюрах, было, – вспоминал Чичерин, – до такой степени противно нашим целям и убеждениям», что соратники решили вместе со статьями послать лондонскому издателю «письмо с заявлением несогласия с его взглядами»⁷.

«Письмо к издателю» за подписью «Русский либерал», написанное, вероятно, в январе 1856 г., Чичерин и Кавелин вместе со своими статьями отправили А.И. Герцену в Лондон через Н.А. Мельгунова⁸.

Первоначальный вариант «Письма к издателю» был написан Чичериным. «Одоблив его вполне по существу, – вспоминал Чичерин, – Кавелин счел, однако, нужным прибавить нечто от себя в более мягком тоне. Он приделал начало, <...> Первая половина, до 20 страницы (по нумерации «Голосов из России». – М. К.) принадлежит Кавелину, вторая половина мне»⁹.

В советской историографии «Письмо к издателю» было принято считать одним из программных документов московских и петербургских либералов, который ярко характеризует их политическую платформу и тактические приемы¹⁰. Еще более однозначную оценку «Письма к издателю» дал Н.Г. Сладкевич. Назвав его ярким публицистическим документом «русской либеральной политической мысли 50-х годов XIX в.», исследователь писал: «Оно («Письмо к издателю». – М. К.) носило характер программного выступления, заостренного против общественных сил, боровшихся за коренное изменение основ русской жизни»¹¹.

В середине 1990-х гг. Л.М. Искра уже в несколько иной тональности писал, что именно Кавелин и Чичерин «попытались в 1855 г. в известном «Письме к издателю» убедить Герцена отказаться от пропаганды революционно-демократических идей, причем, – как справедливо заметил исследователь, – главная и наиболее резкая часть письма принадлежала Чичерину»¹².

В «Письме к издателю» Чичерин повторил краткий вариант программы необходимых преобразований, намеченных им в статье «Современные задачи русской жизни». Излагая своеобразную программу-минимум либеральной партии, Чичерин писал: «Мы думаем о том, как бы освободить крестьян без потрясения всего общественного организма, мы мечтаем о введении свободы совести в государстве, об отменении или, по крайней мере, об ослаблении цензуры»¹³.

Обозначив цели, Чичерин определил и единственно возможный, по его мнению, путь для их достижения. Он писал: «Мы готовы столпиться около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддерживать его всеми силами, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов»¹⁴.

Выступая против всяких проявлений политического радикализма, Чичерин писал Герцену: «Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторскою трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение»¹⁵.

Необходимо, однако, сказать, что часть «Письма», написанная Чичериным, была не только, как справедливо заметил Искра, «главной и наиболее резкой». Обращает на себя внимание и смысловое различие самого понятия «либерализм», употребляемого соратниками в разных контекстах.

Кавелин, в частности, писал: «Существование в России сильной либеральной партии, могущей быть опасною для правительства – чистая выдумка, которая родилась после венского конгресса, утвердилась в правительстве в течение минувшего царствования и поддерживается умышленно: людьми либерального образа мыслей – чтобы придать своему мнению некоторый авторитет и похвастаться перед иностранцами, а нашими чиновниками и сановниками, чтоб удобнее и легче держать государей в своих руках с помощью пугалы, называемого революцией, и отклонять их от всяких полезных для народа, но вредных для бюрократии нововведений»¹⁶.

Для Кавелина либерализм все еще имеет, по крайней мере, оттенок революционности, причем независимо от того, является ли он для него реальностью или фикцией. Совершенно в духе предыдущей эпохи понятие «либерализм» в представлении Кавелина все еще связано и с безнравственным поведением. Политику министра просвещения А.С. Норова он определяет как «лицемерное кокетничанье с русскими литераторами», называя ее «лукавым либерализмом теперешнего министра»¹⁷. Складывается впечатление, что самого себя Кавелин в начале 1856 г. к числу «людей либерального образа мыслей» не относил.

В отличие от соратника Чичерин в своей части письма проводил четкую грань между революционностью и либерализмом. Противопоставляя желание реформ безнравственности революции, он писал Герцену: «Если бы вы могли на время возвратиться в отечество, вы бы пришли в отчаяние. Либералов еще вы встретите довольно много; либерализм в настоящую войну сделал даже довольно значительные успехи. Но революционеров вы не встретите вовсе. К нам революционные теории не только неприменимы: они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство»¹⁸.

Отмежевываясь от революционеров, Чичерин вместе с тем позиционировал свой либерализм как всецело центристское течение. С меньшей определенностью он писал Герцену: «Вы не думайте, однакож, чтобы мы стояли на точке зрения русских и западных тупоумных консерваторов. Значение революций мы понимаем; мы знаем, – совершенно в духе французских доктринеров школы Ройе-Коллара и Ф. Гизо писал Чичерин, – что там, где господствует упорная охранительная система, не дающая места движению и развитию, там революция является, как неизбежное следствие такой политики. Это вечный закон всемирной истории»¹⁹.

Обозначая позиции, если еще не врагов, то уже идейных противников, Чичерин от имени представлявшей ему и представляемой им либеральной партии, то есть части общества, выступающей за реформы в союзе с правительством, писал Герцену: «...вы социалисты <...> вы всеми

своими воззрениями принадлежите прошедшему. Вы даже не люди XIX века, а наследники благодородных, но поверхностных мыслителей XVIII столетия; от них вы не ушли ни на шаг»²⁰.

Характерно, что для Чичерина либералы, противопоставляемые социалистам, – это именно «люди XIX века», впрочем, не все и не всего века. Это позитивисты, то есть позитивно или реалистически мыслящие люди новейшей формации, которые «не довольствуются уже общими фразами и безотчетными верованиями. С неба они сошли на землю; от метафизики они перешли к изучению явлений; от социальных утопий к практическому приложению мысли к жизни, не путем отрицания, а путем постепенного развития»²¹.

Под эту характеристику попадали и доктринеры – классические французские либералы 1830 – 1840-х гг., как их понимали в кругах, близких Чичерину. Молодой профессор Харьковского университета, юрист Д.И. Каченовский писал в «Русском вестнике» о школе доктринеров: «Она не увлекалась чисто отвлеченными понятиями, а только возвела в теорию то, что нашла в действительности. Доктринеры не были идеологами, а следовали строго, может быть уж слишком строго, положительному направлению»²².

Относительный позитивизм Чичерина в этот период распространялся только на сферу политического. В области философии он оставался метафизиком – последователем спекулятивной философии Гегеля, *положительно* применяя ее к истории. В середине 1860-х гг. в условиях торжества позитивистского нигилизма Чичерин вернет метафизику и в качестве философского основания своего представления о политике и политическом.

Завершая разбор «Письма к издателю» отметим, что Чичерину, вероятно, принадлежал и выбор псевдонима – «Русский либерал», за которым скрылись авторы письма к Герцену. Такой псевдоним должен был, как представлялось Чичерину, однозначно свидетельствовать адресату о политической позиции новых корреспондентов.

Если Чичерин находился на переднем крае семантической борьбы за понятие «либерализм», то провинция, впрочем, как и Кавелин, явно отставала. В этом отношении вполне характерно письмо одного из членов кружка казанских студентов, ядро которого составляли бывшие ученики Чернышевского по Саратовской гимназии. Благодаря жандармской перлюстрации сохранилась выписка из этого письма.

Не установленный III отделением студент Казанского университета писал 5 апреля 1856 г. в Горы-горки Могилевской губернии студенту П.И. Зайцевскому: «Начиная с Нового года у нас были славные кутежки. На Новый год мы делали складчину и перепились до зела, так что забыли о Старом годе и Новом». Эти откровения казанского студента не имели бы отношения к теме нашего исследования и вряд ли бы в свое время заинте-

ресовали жандармов, если бы не следующий за ними пассаж.

Далее не установленный автор писал: «Кутежки наши имеют свой особенный характер: у нас обыкновенно являются разговоры о политике, о свободе и т. п. (известно, что саратовцы и сибиряки – отчаянные либералы); являются тосты – за Н.Г. Чернышевского первым долгом, потом мы воспевали вольность, свободу, браним всё и всех без пощады, начиная с Н. П. [Николая Павловича] – ну, да ты, я думаю, догадываешься с кого... потому что не может быть, чтобы тебе в душу не запали слова Николая Гавриловича, нашего просветителя».

Впрочем, не установленный автор специально для адресата и как будто для III отделения оговаривался: «Ты не подумай, чтобы мы говорили о таких вещах за одними только кутежками; напротив, такие разговоры составляют самое лучшее, самое отрадное препровождение времени. Я говорю не шутя, а серьезно»²³.

В письме казанского студента лишний раз дал о себе знать родовой грех понятия «либерализм», этимологически восходящего к имени древнеримского бога Либера, аналога древнегреческого Вакха, бога вина и веселья. В отличие от позитивно настроенного и реалистически мыслящего либерала в понимании Чичерина, «отчаянные либералы» в представлении казанского студента – это люди вполне органично сочетающие «славные кутежки» с воспеванием вольности и свободы, сопровождаемые при этом тотальной и радикальной критикой и отрицанием окружающей действительности – «браним всё и всех без пощады». Отметим, что именно такой смысл понятия «либерализм» был господствующим в русском общественном сознании 1830–1840-х гг.

Однако политическая ситуация в стране менялась стремительно. Не менее стремительно менялось и общественное сознание. Известная речь Александра II, с которой он выступил 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства, сделала достоянием гласности понимание властью необходимости отмены крепостного права – главной из числа всех насущных реформ.

И уже в июне 1856 г. сенатор К.П. Лебедев делает симптоматичную запись: «Гр. [П.Д.] Киселев назначен послом в Париж. Многие видят в этом перемену системы, спустя либерала и назначив какого-нибудь тори. Но, во-первых, тори не назначен, да нет их: в современной атмосфере искренне или притворно – все либералы»²⁴. То есть консерваторов («тори»), открыто стоящих на позициях незыблемости старого порядка и отрицающих необходимость каких-либо реформ, как пишет Лебедев, практически не было. Все – сторонники курса на реформы, осуществляемые, как писал Чичерин, «путем постепенного развития» и в согласии общества и правительства. И пока не суть важ-

но: искренни эти сторонники или притворны – летом 1856 г. именно их называли либералами. Либерализм, который надо понимать скорее как общественное умонастроение, связанное с желанием перемен, в 1856 г. овладевает русским общественным сознанием до такой степени, что, по воспоминаниям современников, входит в моду²⁵. Впрочем, ретроспективная оценка такого либерализма как моды лишней раз подчеркивает изменчивость, «ветреность» общественного сознания в представлении самих современников.

В октябре 1856 г. «Русский вестник» публикует статью Чичерина «О политической будущности Англии, соч. графа Монталамбера»²⁶. Позднее эта статья была переиздана Чичериным в «Очерках Англии и Франции»²⁷. Формальным поводом к написанию статьи стала недавно изданная во Франции и популярная в России книга Монталамбера «О политической будущности Англии». Согласно Чичерину Монталамбер – «...один из замечательных представителей французского либерализма», который написал «книгу в защиту английских учреждений, с уверенностью в их несокрушимости»²⁸.

Обращает на себя внимание то, что в трактовке Чичерина вполне центристский либерализм Монталамбера имеет не аристократический, а демократический оттенок. И нам не важно, какую позицию в действительности занимал Монталамбер, для нас важно, что думал об этом автор статьи. Чичерин, в частности, писал: «Граф Монталамбер <...> одинаково противник и абсолютизма, и той демократии, которую он называет унитарною, которая стремится к водворению равенства и единства в государстве». Далее, с явным сочувствием к позиции Монталамбера, Чичерин писал: «Стараясь водрузить свое знамя посреди этих крайностей, на почве либерализма, он признает однако некоторые существенные результаты демократического движения нового времени – равенство всех перед законом, перед внешним врагом, равенство в уплате податей и доступность должностей достойнейшим лицам из всех классов народа»²⁹.

Конечно же, комплекс политических идей, изложенных в книге Монталамбера, был созвучен идеям самого Чичерина. Сама же форма, избранная автором, – статья-рецензия, лишь камуфлировала вполне прозрачную цель – изложение взглядов политической группы, объединившейся вокруг редакции «Русского вестника».

Почти весь 1857 г. прошел под знаком нарастания в русском обществе нетерпеливого ожидания начала подготовки крестьянской реформы. Почти потерявший терпение Герцен 15 мая 1857 г. писал, имея в виду Кавелина и Чичерина: «События двух целых лет показали, кто из нас был прав, – умеренные либералы, писавшие млеком и медом долю статей, изданных нами в первой книжке “Голосов из России”, или мы в наших

статьях “Полярной звезды”»³⁰. Вполне понятно, что самого себя Герцен к умеренным либералам не относил.

Проходит полгода, и реформаторские намерения власти начинают воплощаться в жизнь. И, как это не покажется парадоксальным, именно с действиями правительства оказалось связано изменение смысла понятия «либерализм» в русском общественном сознании того времени.

К началу января 1858 г. Александр II уже направил три рескрипта об образовании губернских комитетов для разработки проектов крестьянской реформы в ответ на адреса Литовского, Петербургского и Нижегородского дворянства. Правительство ждало инициативы из Москвы, которая в масштабах страны делала необратимым процесс против крепостного права. Однако поступление адреса от Московского дворянства затягивалось. На Москву, как писал Н.М. Дружинин, «были обращены взоры всей землевладельческой России»³¹. И только 7 января 1858 г. состоялось общее собрание представителей и депутатов дворянства Московской губернии, на котором был подписан адрес с изъявлением «полной готовности содействовать благим намерениям августейшего монарха». Однако московское дворянство выступило против наделения крестьян землей, желая ограничиться только предоставлением им личной свободы.

16 января 1858 г. на имя московского генерал-губернатора А.А. Закревского последовал рескрипт Александра II, в котором он отвергал условия освобождения крестьян, предлагаемые московским дворянством и требовал от него составить проект освобождения на тех же условиях, что и в рескриптах Литовскому, Петербургскому и Нижегородскому дворянству – то есть с выкупом усадеб и сохранением за крестьянами полевого надела. В жесткой форме правительство потребовало от московского дворянства завершить все работы по составлению проекта по крестьянскому вопросу в течение шести месяцев со дня открытия губернского комитета.

«Московский адрес и рескрипт Закревскому, – как отметил все тот же Дружинин, – сыграли роль могущественных возбудителей: с этого момента дворянские адреса Александру II стали поступать из разных губерний Европейской России»³². Вместе с тем это совсем не означало, что большинство консервативно настроенного помещичьего дворянства было согласно на условия освобождения крестьян, предложенные правительством. И если противники предоставления крестьянам личной свободы были в явном меньшинстве, то противников выкупа крестьянами усадеб и тем более сохранения за ними полевых наделов среди помещиков было большинство.

Известия о радикальном ускорении реформ быстро распространились не только в России, но и за границей. 29 января 1858 г. В.П. Боткин писал И.И. Панаеву из Рима: «Здесь есть слухи,

что новые распоряжения встречают большую оппозицию со стороны помещиков. Этого надобно было ожидать. Где этим паразитам, отрешенным и от государственной и от народной почвы, понять, что в крепостном праве заключается узел, связывающий Россию по рукам и ногам. Вконец испорченные своим крепостным правом и гаремною жизнью эти паразиты менее всякого другого сословия способны на какой-либо великодушный поступок. <...> Отвратительнее всего, что эти же самые помещики, на словах почти все ужаснейшие либералы, любят читать запрещенные книжки и с самодовольствием указывают на соломинки в глазах европейских, не замечая целых бревен в собственных своих...». Заканчивалось письмо Боткина так: «Говорят, что из Парижа двинулись в Россию множество русских барынь с воплем и проклятиями»³³.

В ответном письме Панаев писал Боткину из Петербурга: «Слава и благодарение Царю, мы ожили. Последнему великому делу придана полная гласность по Высочайшему повелению. <...>. Самоеды-дворяне в бешенстве (неразб.) и ругаются... С некоторыми – удары, а один сходит с ума»³⁴.

Власть взяла инициативу либеральных реформ на себя, и либералами в это время становились не только вследствие собственных убеждений или под влиянием моды, но и вследствие привычной ориентации на власть, которая не только разрешала подданным быть либералами, но и сама призывала их к этому.

Такие изменения в политической ориентации части публики и желание следовать линии правительства, не имея при этом собственных политических принципов, не осталось незамеченным в общественном сознании. 17 марта 1858 г. Е.Я. Колбасин писал И.С. Тургеневу из Петербурга: «Здесь, по городу, ходит следующая эпиграмма на [А.Н.] Майкова, неизвестно кому принадлежащая, но очень недурная:

В России странный век настал:
Затмилось Третье Отделение!
И вновь стал Майков либерал –
С Монаршего – соизволения»³⁵.

В апреле 1858 г. Чичерин подготовил к изданию сборник своих статей – «Очерки Англии и Франции». Введение к «Очеркам», под которым стоит дата 13 апреля 1858 г., представляет собой квинтэссенцию взглядов Чичерина этого периода. По сути, это манифест политического направления, которое, почти в одиночестве, представлял сам Чичерин. Обращает на себя внимание то, что Чичерин, явно под воздействием тех изменений в общественном сознании, которые размывали тот смысл понятия «либерализм», который он в него вкладывал, позиционировал уже свой либерализм как «истинный».

Чичерин так обосновывал свою мировоззренческую и политическую позицию: «Истинный

либерализм состоит не в отрицании государственных начал; цель его должна быть водворение в обществе законной свободы согласно с условиями народной жизни, а правильное развитие свободы обеспечивается только сильным развитием власти». Напрямую обращаясь к М.Н. Каткову и компании, выступавшим в это время против усиления государственных начал, Чичерин писал: «...непоследовательность могут видеть здесь только те, которые не в силах выбиться из одностороннего направления и совладать мысленно с разнообразием стихий, из которых состоит общественная жизнь».

По мнению Чичерина, «...избрание середины тогда только служит признаком внутренней пустоты, когда оно основано на бессилии мысли, на слабодушном эклектизме, который, не находя в себе живых начал, хочет держаться в равновесии между противоположными воззрениями и собирает чужие крохи без всякого разумного руководства. Сочетание же противоположностей, которые неразрывно соединены и в теории и в жизни, есть дело всякого мыслящего человека»³⁶. Как гегельянец Чичерин выступал за органический синтез противоположных начал в каждый отдельно взятый период развития настоящего.

Во введении к «Очеркам» Чичерин выделяет и три различных направления умов, которые, по его мнению, «одинаково односторонни». Не называя сами направления, он дает их качественную характеристику, по которой их не сложно узнать. О консерваторах и реакционерах в правительственных кругах, да и среди помещиков Чичерин пишет так: «Одни, опираясь на существующую старину, считают опасным всякое новое движение, трепещут перед революционными призраками, не доверяют свободе испытующей мысли и стараются удержать общество в пеленках, из которых оно давно выросло»³⁷.

О революционной партии, которая у него отождествлялась с Герценом, Чичерин писал: «Другие наоборот, мучаясь недостатками современного быта, одержимые безграничным стремлением к новизне, отрицают все прошедшее во имя идеального будущего»³⁸.

Третьими были славянофилы, стремления которых менее всего понятны Чичерину. О них он писал так: «Третьи наконец, сочетая в уродливом представлении давно отжившую старину с не оставшим еще будущим, ищут себе опоры в смутных зачатках, в дремлющих силах, в таинственном сознании неразвившихся еще слоев народа»³⁹. Свою позицию Чичерин заявляет ясно и недвусмысленно: «...мы одинаково должны восставать и против упрямых защитников старины и против мечтательных отрицателей существующего порядка»⁴⁰. Именно так он в это время понимал свой «истинный либерализм».

Чичерин, будучи безусловным сторонником принципа историзма, совершенно в духе французских доктринеров, писал: «История, как и

природа, не делает скачков, ибо она составляет продолжение того постепенного развития, которое, начиная с геологических формаций, приходит к высшему сознанию человека»⁴¹. Для Чичерина противопоставление эволюции – революции необходимо основание его либерализма, становящегося политической доктриной.

Прошло несколько месяцев, и уже в 8-м и 9-м номерах «Современника» за 1858 г. была опубликована большая статья Чернышевского «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». Не называя напрямую имени своего оппонента, Чернышевский выступил не против предложенного Чичериним понимания либерализма, а именно с критикой либерализма как политической доктрины. Причем сделал он это с демократических позиций. Впрочем, Чернышевский попытался развенчать либерализм не только как политическую доктрину, но и стремился вложить свой смысл в само понятие «либерализм». Это выступление Чернышевского можно квалифицировать как начало его размежевания не только с Чичериним, но прежде всего с либеральной «партией», как идеологическим направлением.

Течения мысли, представителями которых были: с одной стороны – Чичерин, с другой – Чернышевский, размежевавшись не только аксиологически (ценностно), но и семантически – становятся с этого времени партийными по сути. Собственно только с этого времени о двух этих направлениях, то есть о либерализме и демократии, и возможно говорить как об идеологиях, складывающихся в русском общественном сознании. Поскольку размежевание между ними происходит не только на аксиологическом, но и на семантическом уровнях. В России буквально на глазах рождались новые идеологии – идеологии эпохи Модерна (Современности). Начавшийся весной-летом 1858 г. процесс идеологического оформления либерального и революционно-демократического направлений становится необратимым зимой 1858 – 1859 гг. и окончательно завершается в 1862 г.

Вернемся, однако, к статье Чернышевского «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», написанной летом 1858 года⁴². Уже в начале статьи Чернышевский вполне определенно обозначил свою позицию. Он писал: «От времен Реставрации досталось в наследство нашему времени пресловутое и, по правде говоря, превздорное слово “либерализм”, которое до сих пор порождает столько путаницы в головах, столько глупостей в политической жизни и приносит столько бед народу, о благе которого так суетливо и так неудачно хлопотали либералы от Кадикса до Кенигсберга, от Калабрии до Нордкапа».

Далее Чернышевский, пытаясь определить значение понятия «либерализм», производит и собственное идеологическое позиционирование. Он пишет: «Впрочем, несмотря на то, что слово “либерализм” повсюду очень употребительно,

его значение и в Западной Европе, а тем более у нас остается очень сбивчивым. Либералов совершенно несправедливо смешивают с радикалами и с демократами». Главная задача Чернышевского, как он сам об этом пишет, «определить либерализм в точном смысле слова». Высшие интересы «либеральной партии», согласно Чернышевскому, это «право свободной речи», то есть свобода слова, и «конституционное устройство», то есть институционализация законодательной власти в виде парламента на основании принципа разделения властей.

По мнению Чернышевского, «...либерал почти всегда находит, что только при известной степени аристократизма общество может достичь либерального устройства. Поэтому либералы, – как он считает, – питают к демократам смертельную неприязнь, говоря, что демократизм ведет к деспотизму и гибели для свободы». Напомним, что для Чичерина современный либерализм предполагает учет «некоторых существенных результатов демократического движения нового времени», читай – революции 1848 года.

Характерно, что, согласно Чернышевскому, эволюционизм, противопоставленный революционности – необходимое и обязательное свойство, присущее либерализму. Он пишет: «Из всех политических партий одна только либеральная непримирима с радикализмом, потому что он расположен производить реформы с помощью материальной силы и для реформы готов пожертвовать и свободой слова, и конституционными формами. Конечно, – замечает Чернышевский, – в отчаянии либерал может становиться радикалом, но такое состояние духа в нем не естественно, оно стоит ему постоянной борьбы с самим собою, и он постоянно будет искать поводов, чтобы избежать надобности в коренных переломах общественного устройства и повести свое дело путем маленьких исправлений, при которых не нужны чрезвычайные меры».

«С теоретической стороны либерализм, – по мнению Чернышевского, – может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливой судьбой от материальной нужды: свобода – вещь очень приятная. Но либерализм, – продолжает Чернышевский, – понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения».

По мнению Чернышевского, в настоящее время «нет такой европейской страны, в которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно к правам, составляющим предмет желаний и хлопот либерализма. Поэтому, – делает вывод Чернышевский, – либерализм повсюду обречен на бессилие...». «Не переставая быть либералом, – замечает Чернышевский, – невозможно выбиться из этого узкого понятия о свободе, как о простом отсутствии юридического запрещения».

Вероятно по цензурным соображениям, из статьи Чернышевского был исключен небольшой, но достаточно важный пассаж, в котором он определял главную цель своей статьи. Чернышевский предполагал в ней «...объяснить, что такое либерализм, прозвонивший уши Европе в эпоху Реставрации», и ставил перед собой задачу «...разоблачить это обманчивое понятие, обнаружить его совершенную пустоту, показать, что между так называемыми либералами было с самого начала так же мало здравых понятий о свободе, как и между так называемыми роялистами...». Также необходимо отметить, что, по мнению Чернышевского, либералами в точнейшем смысле слова являются приверженцы английской конституции⁴³.

Чичерин как демиург творил новые для русского общественного сознания смыслы понятия «либерализм». Чернышевский же, подвергая их нигилистической критике, разрушал эти положительные смыслы.

Если Чичерин и Чернышевский весной-летом 1858 г. занимались теоретическим определением своих позиций, то в дворянских губернских комитетах шло практическое оформление и размежевание партий. Так, например, помещик Ржевский писал из Орла 16 ноября 1858 г. Тургеневу: «Теперь уж ясно обозначились партии нашего Комитета: крайняя правая, т. е. защитница крепостного права, <...> [и] левая или либеральная...»⁴⁴.

Осенью 1858 г. происходит и окончательный разрыв Чичерина с Герценом. Поводом к нему стала публикация Герценом в 25 листе «Колокола» от 1 октября 1858 г. анонимного «Письма к редактору», в котором содержался открытый призыв к отмене крепостного права революционным путем. Поскольку в примечаниях к письму Герцен не выразил своего несогласия с этим положением, общественность, в том числе и Чичерин, восприняли публикацию этого письма как манифестирование позиции издателя «Колокола».

Чичерин в письме из Парижа от 11 октября 1858 г., не сомневаясь в намерении правительства отменить крепостное право, с иронией писал Герцену: «Вам придется опять принести покаяние, а частые покаяния вредны». Чичерин намекал на непоследовательность позиции своего политического оппонента⁴⁵.

Ответом Чичерину на его выпады в письме от 11 октября 1858 г. стала публикация Герценом в 27 листе «Колокола» небольшой, но ярко эмоционально окрашенной заметки под названием «Нас упрекают». Именно в адрес Чичерина Герцен писал: «Нас упрекают либеральные консерваторы в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно. <...> Нас упрекают прямолинейные доктринеры в легкомыслии и шаткости...»⁴⁶. Отметим, что в мае 1857 г. Герцен называл Чичерина «умеренным либералом». Прошло чуть больше года, и он для него уже «либеральный консерватор» и «прямолинейный доктринер». Изменилась ли за

это время позиция Чичерина? Нет. Радикализуется сам Герцен. Меняются его представления о действительности и ее явлениях. Меняются понятия, с помощью которых он описывает казалось бы такие не изменившиеся явления, как либерализм Чичерина.

Самолюбие Чичерина было уязвлено, он написал резкую статью в «Колокол» и вместе с письмом послал в Лондон. В письме уже от 11 ноября 1858 г. Чичерин писал Герцену: «Вы бросили перчатку, я должен ее поднять, высказать вам все напрямик. Вот вам статья, которую прошу вас при первой возможности напечатать в "Колоколе"». Предвосхищая Э. Фромма, Чичерин писал в этом письме: «Нас разделяет, как я сказал в статье, вещь, которая, может быть, важнее всех прочих: политический темперамент. Я об этом догадывался с самого начала, а теперь совершенно в этом убедился»⁴⁷.

Непосредственно в статье, опубликованной в «Колоколе», Чичерин писал: «...мне кажется даже, что вы не совсем поняли, в чем вас именно упрекают <...> Позвольте же мне объяснить это несколько подробнее. Здесь речь идет о различных направлениях русского общества, о различии взглядов на современные вопросы, скажу более, – о различии политических темпераментов, что, может быть, глубже всего разделяет людей»⁴⁸.

Особое возражение Чичерина вызвал волюнтаристский пассаж Герцена в заметке «Нас упрекают» о выборе средств для отмены крепостного права как «поэтическом капризе истории», которому «мешать <...> неучтиво»⁴⁹. В статье для «Колокола» Чичерин, обвиняя Герцена в политической безответственности, писал: «Поэтический каприз истории! Скажите, пожалуйста, когда вы писали эти слова, как вы на себя смотрели: как на политического деятеля, направляющего общество по разумному пути, или как на артиста, наблюдающего случайную игру событий? Политический деятель имеет в виду не только цель, но и средства»⁵⁰.

В статье содержалось прямое обвинение Герцена в дискредитации «либерального направления» и свободы слова. Каждое слово Чичерина как будто разрывало звенья цепи, ранее их связывавшей: «Все, что есть невежественного, отсталого, закоснелого в предрассудках, погрязшего в мелких интересах, – все это с торжеством указывает на вас и говорит: вот последствия либерального направления, вот что производит слово, освобожденное от оков!»⁵¹. «Либеральное направление» Герцена Чичерин все еще понимает как освободительное. Впоследствии, однако, он назвал свою статью «...первым протестом русского человека против политического направления лондонской эмиграции»⁵².

Уже 15 ноября 1858 г. Герцен ответил Чичерину: «Статейка ваша будет напечатана 1 декабря. <...> Что касается до наших личных отношений, то уверяю вас, что я не сомневался никогда в

откровенности ваших убеждений, но я считаю ваше направление вредным для России. Вы считаете такую всю мою деятельность. <...> в чем же смогут состоять наши личные отношения? В том уважении, которое имеют два офицера в двух разных армиях. Не думаю, чтоб на этом можно было основать что-нибудь»⁵³.

Чичерин ответил Герцену письмом от 30 ноября 1858 г. Используя и развивая метафору, предложенную оппонентом, Чичерин конкретизировал причины разрыва: «Наконец, в заключение, вы правы: мы – офицеры, стоящие в различных армиях. Только вот что здесь любопытно: знамя у обеих армий одно – освобождение крестьян с землею, свобода совести, свобода от цензуры, всеобщая гласность, независимость общественного мнения, гарантии личности и т. д. Стало быть, почва, на которой мы стоим, одна, а между тем мы глубоко разделены и разделены тактикой. Каждая армия считает манеры другой вредными для общего дела. Тут что-нибудь да не так, а в чем дело – это окажется, вероятно, впоследствии. Может быть, – пронизательно писал Чичерин, – тут скрывается различие между либерализмом и радикализмом, может быть, и что-нибудь другое. Во всяком случае, – добавлял он расстроено, – это – явление грустное»⁵⁴.

Со временем стало ясно, в каких они были армиях. Вспоминая об отношениях с Герценом после 1 декабря 1858 г. и используя все ту же метафору, Чичерин недвусмысленно писал: «Мы с ним теперь могли смотреть друг на друга только как офицеры враждебных армий, но уважающие издали друг друга»⁵⁵.

Герцен не ограничился публикацией статьи Чичерина в «Колоколе» и частной перепиской. Публикацию он сопроводил специальной заметкой – «Обвинительный акт». Задетый за живое и смертельно обиженный словами о том, что вся его деятельность, дело всей его жизни «приносит вред России», Герцен решил передать обвинение Чичерина «на суд общественного мнения». Сравнивая статью Чичерина, публикуемую в «Колоколе» 1 декабря 1858 г. с «Письмом к издателю», написанным Чичериным и Кавелиным в начале 1856 г., Герцен писал: «Обвинительное письмо», печатаемое нами сегодня, существенно отличается от прошлых писем против «Колокола». В тех был дружеский упрек и тот дружеский гнев, в негодовании которого звучала знакомо и приветливо родная струна. <...> Те были писаны с нашей стороны, оттого в самых несогласиях и упреках было сочувствие. Это письмо писано с совершенно *противной* точки зрения, то есть с точки зрения административного прогресса, государственного доктринаризма. Мы ее никогда не принимали, что же удивительного, что не ее путями и шли»⁵⁶.

Если понимать политику как искусство достижения возможного, то в «Обвинительном акте» Герцен публично отказывался от каких бы то ни

было рациональных политических действий и окончательно вставал на позицию политического волонтаризма. И до этого являвшаяся относительной герценовская рациональность окончательно заменялась политически безответственным эмоционально мотивированным действием. Герцен в каком-то смысле предвосхищал русский экзистенциализм начала XX века.

В ответ на чичеринскую рациональность и политическую логику, названную губернментальным доктринаризмом, Герцен, по сути, опубликовал политический манифест волонтаристского эмпиризма. Бунт и революционная стихия противопоставлялись «административному прогрессу», то есть продуманным реформам, которые проводит власть. В «Обвинительном акте» он писал: «Мы не представляли себя никогда ни правительственным авторитетом, ни государственным людьми. Мы хотели быть протестом России, ее криком освобождения и криком боли, мы хотели быть обличителями злодеев, останавливающих успех, грабящих народ, – мы их тащили на лобное место, мы их делали смешными, мы хотели быть не только мезью русского человека, но его иронией – не больше»⁵⁷.

С унижением, которое паче гордости Герцен писал: «Какие мы Блудовы и Панины – мы книгопечатальщики ”значительной части людей, страдающих в России”». Если Чичерин упрекал своего политического оппонента в шаткости и легкомыслии от имени «значительной части мыслящих людей в России», то Герцен сознательно занял экзистенциальную позицию, противопоставив разуму – чувства, мысли – страдание. Он объявил себя книгопечатальщиком «значительной части людей, страдающих в России».

Публичная полемика Герцена и Чичерина выявила не только две политические позиции, но и, что было гораздо существеннее, диаметрально противоположные мировоззренческие основания этих позиций. Ретроспективно для Чичерина это было очевидно. В начале 1890-х гг. о публикациях 1 декабря 1858 г. он писал: «С этой минуты резко обозначились два противоположные лагеря, на которые разделялось русское общество»⁵⁸. Однако в конце 1858 г. внутренней уверенности в этом у Чичерина еще не было. Он декларировал разделение, которое было скорее тенденцией, а не свершившимся событием.

В условиях разрыва с Герценом для Чичерина важна была поддержка Кавелина. Поэтому, отправив материалы в Лондон, Чичерин 26 ноября / 8 декабря 1858 г. писал Кавелину: «У нас слишком развито (нрзб.) критическое направление, которое в Лондоне достигает крайних пределов. Меня это возмущает, и я по этому поводу написал в «Колокол» письмо, от которого не думаю отречься и которое я хотел даже подписать своим именем. Но у нас выражение умеренности всегда принимают за подлость. Никому в голову не приходит, чтобы можно было совершить такое вот иначе,

как с согласия правительства. Я, – как думал Чичерин, – отказался от явной битвы. Но одобрение некоторых людей, вполне либеральных, мнением которых я дорожу, поддержало меня в намерении выступить наконец против этого безумного легкомыслия. Ах, как бы мне хотелось знать Ваши мнения на этот счет!»⁵⁹.

Именно в этом письме Чичерин декларировал неизбежность создания в России либеральной партии уже как политической партии и определил свою позицию в отношении нее. Он писал: «Либерализм, который при всей своей независимости не смотрит враждебно на правительство, который не довольствуется отрицанием, а хочет основать твердую политическую систему, – это особенная партия, которая должна со временем образоваться. Но наступило ли время поднять ее знамя? Или мы должны молча работать, накапливать сведения, приготавливаться, чтобы в удобную минуту выступить во всеоружии? Я стою за последнее, мне кажется, что время еще не созрело, но думаю, что и теперь уже можно при случае дать почувствовать, на какой почве мы стоим. Для этого я и написал письмо (Герцену. – М. К.)»⁶⁰.

Кавелин еще до получения письма Б.Н. Чичерина ознакомился с публикацией в «Колоколе» от 1 декабря 1858 г., поэтому он ответил сразу. В письме от 8 января 1859 г. Кавелин выразил свое несогласие с Чичериным по целому ряду вопросов. «...к крайнему моему изумлению, – писал в воспоминаниях Чичерин, – на меня всеми силами ополчился Кавелин»⁶¹.

Кавелин считал недопустимым и оскорбительным тон чичеринской статьи в «Колоколе» и поставил в вину ее автору преувеличение революционности Герцена. «В высших кружках, – писал Кавелин, – все от письма Вашего в восторге. “Либеральная партия решила покончить и разорвать с партией революционной”, – вот стереотипная фраза, которую приветствуется Ваше письмо (Герцену. – М. К.) во дворцах и высших административных сферах. <...> Письмом Вашим вы оказали им существенную услугу. Такой помощи и поддержки они, конечно, не ожидали»⁶².

Последнее обстоятельство, вероятно, более всего в это время настраивало Кавелина против позиции Чичерина, так как он был крайне оскорблен своей отставкой в мае 1858 г. с должности воспитателя наследника престола и испытывал чувство личной неприязни к Александру II. Вместе с тем, как оказалось, Кавелин опять, как и в начале 1856 г., не торопился причислить себя к «либеральной партии» в том виде, как понимал ее Чичерин. Он вновь, в силу каких-то внутренних противоречий или неудовлетворенных амбиций оказался где-то посередине между Чичериным и лондонской эмиграцией.

Заслуживает внимания понимание Чичериным того, что именно их полемика с Герценом послужила катализатором начала размежевания двух политических направлений – умеренного

и радикального, партии «мыслящих» и партии «страдающих». Ретроспективно Чичерин полагал, что окончательное разделение произошло в 1859 г., когда «...Катков <...> задетый, в свою очередь, Герценом, <...> разразился против него бешеною ругатнею, что окончательно разделило обе партии»⁶³.

В ответном письме Кавелину Чичерин высказался вполне определенно: «Я не ожидал такого успеха. Успехом я считаю, как возбужденные прения, которые ведут к выяснению мысли, к обозначению направлений, так и то, что письмо было принято за желание либеральной партии разделиться с революционными стремлениями. Одного не признаю – существование у нас партий. У нас есть только общественное шатание, в котором все бродит, как в хаосе. Затем я именно желал выразить протест либерализма против легкомыслия и раздражительности, которые во мне и во многих других возбуждают негодование. <...> Я, впрочем, – писал Чичерин о Герцене, – не считаю его ни недобросовестным, ни даже революционером, разумея под этим словом человека, имеющего последовательное направление. Он просто ничего не понимает (разрядка Чичерина. – М. К.). У него нет ни такта, ни мысли»⁶⁴.

Возможно, сразу после получения двойного письма из России Чичерин 5/17 февраля 1859 г. написал из Ниццы письмо Л.Н. Толстому, в котором сделал ряд характерных признаний. «...я тем беспристрастнее, – писал он, – что русский либерализм часто мне более противен, нежели самый консерватизм. Признаюсь, общественные явления моего любезного отечества, особенно как знаешь закулисную жизнь, внушают мне большею частью глубокое отвращение, и если я о чем жалею, так единственно об деревне, о своем саде, да об некоторых друзьях, которых бы мне хотелось видеть, только вдали от среды, в которой они живут, т. е. от всероссийского омота»⁶⁵.

Действительно, понятие «либерализм» в русском общественном сознании конца 1858 г. не было ясным и понятным. Неопределенность, изменчивость явлений, их несоответствие, казалось бы, еще совсем недавно привычным о них представлениям порождало у современников ощущение хаоса и неопределенности самой действительности. Из хаоса представлений рождались новые смыслы, казалось бы, старых понятий, которые, теряя общепринятый или, по крайней мере, общепонятный смысл, становились многозначными и неопределенными. Социальный водоворот порождал новые явления, хаос сознания – новые смыслы старых слов для их понимания и объяснения.

В частности, в русском общественном сознании этого времени начинается и семантическая фрагментация понятия «либерализм», которая свидетельствует о начавшейся идеологической фрагментации, или парцелляции, самого общества.

Примечания

- 1 *Сциборский Б.И.* Воспоминания о Н.А. Добролюбова [Письмо к Н.Г. Чернышевскому]. 10 февраля 1862 г. // Литературное наследство. М., 1936. Т. 25–26. С. 302.
- 2 [Чичерин Б.Н.] Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Лондон, 1857. Кн. 4. С. 52–53.
- 3 Там же. С. 110–111.
- 4 Там же. С. 111–112.
- 5 Там же. С. 112–125.
- 6 Русское общество 40–50-х годов XIX в.: В 2 ч. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 118.
- 7 Там же. С. 121.
- 8 См.: *Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 48–49.
- 9 Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. С. 121.
- 10 См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1978. С. 87.
- 11 *Сладкевич Н.Г.* Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. Л., 1979. С. 8.
- 12 *Искра Л.М.* Жизнь и творческий путь Б.Н. Чичерина // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. тр. Воронеж, 1997. С. 58–59.
- 13 Русский либерал [Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.]. Письмо к издателю // Голоса из России. Лондон, 1856. Кн. 1. С. 21.
- 14 Там же. С. 22.
- 15 Там же. С. 27.
- 16 Там же. С. 17.
- 17 Там же. С. 16.
- 18 Там же. С. 25–26.
- 19 Там же. С. 26.
- 20 Там же. С. 29–30.
- 21 Там же. С. 30.
- 22 *Каченовский Д.И.* Взгляд на историю политических наук в Европе // Русский вестник. 1857. Т. 12. (Ноябрь). Кн. 1. С. 22.
- 23 Два документа о Чернышевском из архива III отделения / Публ. С.А. Макашина // Литературное наследство. Т. 67. Революционные демократы. Новые материалы. М., 1959. С. 302.
- 24 Из записок сенатора К.П. Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1, вып. 4. С. 353.
- 25 Все тот же Б.Н. Чичерин, спустя тридцать лет писал: «...с новым царствованием, либерализм вошел в моду...» (Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. С. 50).
- 26 См.: Русский вестник. 1856. Т. 5. (Октябрь). Кн. 2.
- 27 *Чичерин Б.Н.* О политической будущности Англии // Чичерин Б. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 1–44.
- 28 Там же. С. 3.
- 29 Там же. С. 6.
- 30 *Герцен А.И.* От издателя // Голоса из России. Лондон, 1857. Кн. 3. С. III.
- 31 *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 года // Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М., 1988. С. 195.
- 32 Там же. С. 195.
- 33 Переписка В.П. Боткина с И.И. Панаевым / [Публ. и примеч.] М.А. Цявловского и Н.А. Чебышевой // Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М.; Л., 1930. С. 435–437.
- 34 Там же. С. 441.
- 35 Из писем к И.С. Тургеневу Е.Я. и Д.Я. Колбасиных / [Публ.] Е.П. Населенко и М.Н. Мотовиловой // Тургенев и круг «Современника». С. 354; *Щербина Н.Ф.* Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры / Под ред. Р.В. Иванова-Разумника. Л., 1929. С. 79.
- 36 *Чичерин Б.* Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. XI–XII.
- 37 Там же. С. XV.
- 38 Там же. С. XV–XVI.
- 39 Там же. С. XVI.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. XVII.
- 42 См.: *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. (Т. 16 дополнительный). М., 1950. Т. 5. С. 213–291.
- 43 Там же. С. 223.
- 44 [Громов В.А.] Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л., 1968. С. 233.
- 45 *Герцен А.И.* Сочинения: В 9 т. М., 1958. Т. 7. С. 603. Примечание.
- 46 *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 361.
- 47 *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем / Под ред. М.К. Лемке. Пгг., 1919. Т. 9. С. 407.
- 48 *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. С. 409; То же см.: [Б.Н. Чичерин] Обвинительное письмо // Колокол. Лист 29. 1 декабря 1858. С. 236.
- 49 *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. 13. С. 363.
- 50 *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. С. 411.
- 51 Там же. С. 413.
- 52 Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. М., 1932. С. 52–53.
- 53 Цит. по: *Порох И.В.* Poleмика Герцена с Чичериным и отклик на нее «Современника» // Историографический сборник. Саратов, 1965. № 2. С. 50.
- 54 *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. С. 417.
- 55 Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 67.
- 56 *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. 13. С. 405.
- 57 Там же.
- 58 Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 54.
- 59 *Порох И.В.* Poleмика Герцена с Чичериным и отклик на нее «Современника». С. 55.

- ⁶⁰ Порох И.В. Полемика Герцена с Чичериным и отклик на нее «Современника». С. 55.
⁶¹ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 54.
⁶² Там же. С. 61.

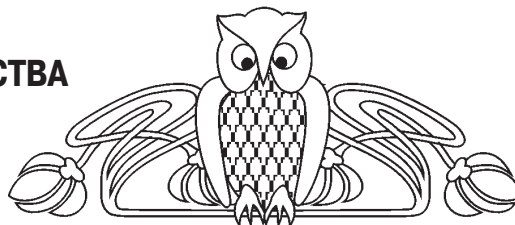
- ⁶³ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина... С. 54.
⁶⁴ Там же. С. 65.
⁶⁵ Письма Б.Н. Чичерина // Письма Толстого и к Толстому: Юбил. сб. (Тр. публ. 6-ки им. В.И. Ленина). М.; Л., 1928. С. 277.

УДК [9:355.48](470-89)«1877/1878»

К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА ВОЙНУ С ТУРЦИЕЙ 1877–1878 ГОДОВ

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Российской цивилизации
E-mail: KochukovSA@mail.ru

В статье рассматривается, какое отражение в мемуарной литературе получило отношение русского общества к войне с Турцией 1877–1878 гг. Автор выявляет три точки зрения на определение задач Российской империи. Представлены взгляды В.П. Мещерского, Д.И. Иловайского, Г.К. Градовского и К.И. Воронича.

The Views of the Russian Society on the Russo-Turkish War of 1877–1878

S.A. Kochukov

The article focuses on the issue of the Russian society attitude to the Russo-Turkish War of 1877–1878, its reflection in the memoirs literature. The author brings to light three viewpoints on the tasks the Russian Empire has been facing then. The views of V.P. Mescherskii, D.I. Ilovayskii, G.K. Gradovskii and K.I. Voronich are represented in the article.

События на Балканах в 1877–1878 гг. оставили, безусловно, значительный след в русской мемуаристке, но большинство воспоминаний и дневников были написаны людьми военными, для которых боевые действия были напрямую связаны с их жизнью. Что же касается представленного в мемуарах отношения к войне русского общества, то этот аспект показан в исторической литературе фрагментарно¹. Круг лиц, попавших в поле зрения историков, был достаточно традиционным: Ф.М. Достоевский, В.М. Гаршин, Д.И. Менделеев, И.И. Сеченов, Н.В. Склифасовский, В.В. Верещагин, И.А. Щеглов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой. В результате эти имена плавно переключаются из одного исследования в другое. Источники личного происхождения в работах ряда исследователей, которые занимались проблемой русско-турецкой войны на Балканах в 1877–1878 гг., так и остались не востребованы. По всей видимости, это объясняется тем, что так называемые «штатские авторы» были заслонены «профессионалами» – военными – П. Гейсманом, С.П. Зыковым, Е.И. Мартыновым, А.М. Зайончковским, А.Н. Куропаткиным². Два последних оставили первоклассные воспоминания о бал-

канском конфликте³. Тем не менее, несмотря на доминирование военных, существует целый ряд мемуарной литературы, созданной людьми сугубо штатскими.

С древнейших времен между русским и болгарским народами существовали глубокие и многообразные связи. В период всего многовекового пребывания под османским владычеством болгары не теряли надежды на помощь со стороны Российской империи, что особенно показательно в русско-турецких войнах 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Однако военные действия против Османской империи так и не смогли разрешить балканский вопрос. Причины этого кроются, во-первых, в поражении России в период Крымской войны, а во-вторых, в недостаточно твердой и последовательной политике самой Российской империи по отношению к национально-освободительному движению на Балканском полуострове. Само известие о готовившихся боевых действиях и начало войны были восприняты в русском обществе в основном доброжелательно⁴. Споры возникли лишь в той части, где требовалось определить задачи Российской империи. По сути, здесь можно выделить три точки зрения.

Сторонники первой позиции были более идеологически сплоченными, а главное, те догмы, которые они отстаивали, были понятны буквально всем слоям русского общества. Определить эту точку зрения можно так: предстоящая русско-турецкая война – это «борьба за идею». У истоков этой позиции был своеобразный дуэт князя В.П. Мещерского и историка Д.И. Иловайского.

Князь Владимир Петрович Мещерский, публицист и издатель-редактор газеты «Гражданин», впервые обратился к балканской проблеме еще в 1876 г., после Апрельского восстания. Вообще это событие наделало много шума в русском обществе. В первую очередь откликнулась русская печать. И хотя практически все периодические издания выражали полное сочувствие восставшим, необходимо отметить разницу в оценке этого события. Такие петербургские газеты, как «Рус-

ский мир», «Голос», «Новое время» изображали восстание как результат заранее подготовленных действий, хотя и отмечали, что движение началось преждевременно и это послужило причиной его неудачи. Для корреспонденций «Русского мира» характерно некоторое преувеличение степени подготовленности восставших. Генерал М.Г. Черняев, редактор газеты «Русский мир» и «архистратиг славянской рати», как отозвался о нем Г.К. Градовский⁵, писал из Белграда: «Все, что было возможно, сделано народом для предстоящей борьбы. Оружие, какое только было в Румынии, закуплено... Они (болгары. – С.К.) действуют по определенной программе»⁶. Газета «Новое время» в статье «Народ-мученик» выражала надежду, что восстание будет удачным и для болгар «заблестит заря новой жизни, о которой он так бесплодно мечтал в течение последних веков и которую заслужил вековыми страданиями»⁷. В своих мемуарах, где описывалась поездка в Сербию, князь Мещерский был далек от эйфории близкой победы, хотя и слыл ярым сторонником борьбы с Турцией за свободу Балкан. Причина такой позиции – неприятие «шекспировской драмы», которую устроил генерал Черняев⁸. В результате Владимир Петрович Мещерский вернулся в Россию с Балканского полуострова с чувством «не то грусти, не то досады... Я (Мещерский. – С.К.) чувствовал и сознавал, что видел жалкую комедию, и возвращался, как из театра возвращается зритель, ожидавший наслаждений и ничего не испытывавший, кроме разочарований»⁹.

В своей работе «Правда о Сербии» Мещерский неоднократно утверждал, что война с Турцией: «...Божьей милостью война за идею»¹⁰. Диаметрально противоположные утверждения Мещерский категорически не воспринимал: «Людам, сомневающимся в том, что движение умов в пользу славян истинно народное, я бы посоветовал прочитать хотя бы частицу писем, получаемых И.С. Аксаковым как председателем Славянского комитета из разных концов и от разных лиц России. Именно в Москве, средоточии русской жизни, возможно это сочувствие в том виде, а каком оно проявляется»¹¹. В доказательство своему утверждению, что он не одинок, Владимир Петрович приводил значительное число высказываний представителей русского общества о предстоящей войне: «Купец пишет из своей лавочки на Нижегородской ярмарке: «Да когда же, Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее». Там другой купец пишет из глуши Сибири: «Да нельзя ли всем верноподданым сказать царю, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого царь велит». Тут священник дальнего прихода пишет: «Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас в избавление братьев от гнета, скорби и печали». Здесь студент пишет: «Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию»¹². Отношение князя Мещерского к войне

с Турцией фактически не изменилось даже после ее объявления. Если ориентироваться на воспоминания Владимира Петровича, то возникает ощущение, что он был прекрасно осведомлен о планах России в предстоящей кампании¹³. Более того, князь Мещерский считал, что эти намерения России чрезвычайно скромны. Необходимо идти до конца в деле освобождения балканских народов, а не довольствоваться малым и заигрывать с Европой в виде передачи «под иго Австрии двух народов-героев, Боснии и Герцеговины»¹⁴. Однако война с Турцией развивалась несколько иначе, чем ее планировали в Генеральном штабе России. Неподготовленность русских войск к затяжной борьбе с противником наиболее ярко проявилась во время двух штурмов крепости Плевна. Всю вину за это Мещерский перекладывал на генерала М.Д. Скобелева, который якобы настаивал на третьем штурме. Позиция князя Владимира Петровича очевидна, она в полной мере являлась идентичной позиции официального Петербурга – вызвать из столицы гвардию, которая покончила бы с противником¹⁵.

Сходным с точкой зрения князя Мещерского являлось отношение к войне 1877–1878 гг. историка Д.И. Иловайского. Имя Иловайского было известно в дореволюционной России в первую очередь как автора многотиражных учебников по отечественной и зарубежной истории¹⁶. Что же касается научных трудов Дмитрия Ивановича¹⁷, то они были встречены специалистами, можно сказать, в штыки. Русское прогрессивное общество конца XIX – начала XX в. уже не воспринимало великодержавные идеи как во второй четверти XIX в., что же касается историков советского периода, то труды Иловайского были отнесены к категории яро монархических, к «исключительному русскому национализму»¹⁸.

Однако помимо фундаментальных исторических трудов по древней Руси Иловайского интересовали события, современником которых он являлся. В частности, он обращался к теме национально-освободительного движения в Польше и Белоруссии. К событиям на Балканах он, безусловно, не мог оказаться безучастным. Считается, что Иловайский впервые обратился к проблеме русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах «Русской Старины», где были опубликованы его воспоминания с описанием поездки под Плевну¹⁹. Но впервые Дмитрий Иванович затронул южно-европейский кризис на страницах газеты «Русский мир»²⁰. По всей видимости, к решению Иловайского взяться за перо подтолкнули апрельские события 1876 г. в Болгарии и июльские в Сербии и Черногории. Рассматривая очередной балканский кризис, Дмитрий Иванович стоял на позиции усиления русского влияния в данном регионе и пытался обосновать мессианскую роль России по отношению к братьям по вере²¹.

Иловайский был сторонником войны до победного конца, так как боялся, что Россия может,

как это не раз было, пойти на какие-то закулисные переговоры не только с Турцией, но и с Англией, Пруссией или Австрией. В результате будет до-вольствоваться малым, и не о каком освобождении братских народов не может идти речь. Помимо упрямого утверждения о необходимости войны, Иловайский считал, что каждый должен заниматься своим делом, в частности, военные – стратегическими вопросами, Министерство иностранных дел – взаимоотношениями с соседями и т.д. Еще 1 октября 1876 г. историк отмечал в своем письме: «Войну угнетенных славян с турецкой ордой я понимаю только как войну в высшей степени энергичную, войну без колебаний и усталости. А иначе не следовало совсем и начинать ее. ... Система приостановок и толки о перемирии уже начали обнаруживать свои плоды. Вожди армии вместо того, чтобы всецело отдаться своим стратегическим боевым задачам, принуждены бороться с политикой колебаний и приостановок. Отсюда рождаются новые затруднения»²².

Неудачи под Плевной произвели на Иловайского удручающее впечатление, так же как и на князя Мещерского. В результате Дмитрий Иванович совершает поездку на театр боевых действий, под крепость Плевна. Причем это «путешествие» явилось лишь его личной инициативой, так как он не имел никакой протекции. Необходимо отметить, что в то время посещение мест боев было сопряжено с определенным риском и дело не только в чисто военной опасности. С началом боевых действий на Балканах русским Главным штабом, в частности, полковником М.А. Газенкампом, были разработаны специальные правила, где указывалось, кто имеет право присутствовать в местах проведения боевых действий. В сущности, Иловайского могли и арестовать, и объявить его иностранным шпионом. Однако, несмотря на все «драконовские правила», Дмитрию Ивановичу удалось осмотреть позиции русских войск, вооружение, госпитали, побеседовать с офицерским корпусом и даже с героем русско-турецкой войны – генералом М.Д. Скобелевым. Именно «Белому генералу» и посвятил в будущем свои воспоминания историк Иловайский. По всей видимости, Дмитрию Ивановичу был свойственен в определенной степени авантюризм. Иловайский не только беседовал с офицерами, но и старался проанализировать ситуацию с неудачами третьей попытки взятия Плевны. По словам самого историка, его интересовали два основных вопроса: «Я спрашивал, между прочим, зачем поспешили приступом 30-го августа, имея недостаточные для того силы? Зачем не подождали гвардии, которая была уже на пути в Болгарию?»²³. И как явствует из мемуаров, четкого ответа он нигде не получил. Значительная часть воспоминаний Иловайского относится к характеристике высших офицеров А.К. Имеретинского, Э.И. Тотлебена и М.Д. Скобелева. Но если Имеретинский производил лишь впечатление «симпатичного генерала»²⁴, герой

севастопольской обороны Тотлебена – «старого, честного служачки»²⁵, то Михаилу Дмитриевичу уделено в воспоминаниях значительное место. В частной беседе со Скобелевым Иловайский попытался вторично поднять вопрос о неудаче под Плевной: «Я спросил, между прочим, зачем 30-го августа, если у нас были недостаточные силы, мы серьезно атаковали неприятеля почти на всех пунктах, вместо того, чтобы всю силу удара сосредоточить на одном или двух, а на остальных ограничиться лишь демонстрациями. Он согласился, что так было бы лучше; но воздержался от дальнейших объяснений; так что я на этот счет не приобрел от него более подробных сведений»²⁶. Из разговора со Скобелевым Иловайский сделал вывод, что в деле с Плевной замешана большая политика. В определенной степени Дмитрий Иванович был прав, так как главной причиной неудач русских являлась несогласованность действий. Формальным главой отряда, блокировавшего турок, был румынский князь Карл, но реально руководство осуществлялось генералом П.Д. Зотовым, кроме того, в дело вмешивался командующий румынскими войсками генерал Чернат, также к этому необходимо добавить императора Александра II, военного министра Д.А. Милютину и главнокомандующего Дунайской армии великого князя Николая Николаевича. Весь этот набор высших лиц, безусловно, в большей степени мешал, чем помогал вести бои.

Вторая точка зрения в основном была распространена среди офицеров. С одной стороны, это может показаться странным, ведь военные всегда были сторонниками решения проблем радикальными способами. В частности, кн. Мещерский отмечал: «Здесь офицеры такого-то полка пишут совокупно: «Нас много, желающих сражаться за освобождение славян; авось будет война; а пока скажите, Бога ради, можем ли мы ехать в Сербию на средства Славянского комитета и что нужно предпринять? Не ехать как-то стыдно»²⁷. Однако не нужно забывать, с какой точки зрения рассматривал войну князь Владимир Петрович. В основной же своей массе российское офицерство стояло на несколько других позициях, нежели издатель-редактор «Гражданина» и внук Н.М. Карамзина. В многочисленных мемуарах, посвященных русско-турецкой войне 1877–1878 гг., авторами которых являлись офицеры-участники балканских событий, неоднократно отмечалось: война это не пикник²⁸. Кроме того, российским офицерством предстоящие бои воспринимались еще и как смена обстановки. В своих воспоминаниях А.А. Брусилов так описывал это время: «Трудно описать восторг, охвативший весь полк по получении этого известия (объявления войны. – С.К.). Радовались предстоящей новой и большинству незнакомой боевой деятельности (все почему-то уверовали, что без войны дело не обойдется); радовались неожиданному перерыву в однообразных ежедневных занятиях по распи-

санию; радовались, наконец, предстоящему, хотя бы и мирному, походу, который заменял особо скучную до приторности штаб-квартирную казарменную жизнь... Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно сама война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо...»²⁹. Дело в том, что российский офицерский корпус переживал не лучшие времена, постоянно находясь в кризисном состоянии. Кризисное состояние ярко проявилось уже в ходе Крымской войны, а последующие затем реформы гр. Д.А. Милютина должны были реанимировать вооруженные силы и офицерство. Однако мероприятия главы военного ведомства не могли положительно себя проявить в кратчайшее время, что и обнаружилось в русско-турецкую войну 1877–1887 гг. С одной стороны, политическая подготовка боевых действий была неудовлетворительной, силы турецкой армии недостаточно известны, а с другой – некачественная подготовка и шапкозакидательские настроения среди основной массы офицеров и солдат.

Видимо, сторонники первой точки зрения, в частности, историк Иловайский, в определенной степени были знакомы с положением армейских дел, особенно после неудачной Крымской войны. Несмотря на глубокое убеждение о необходимости решения России своей исторической миссии, Дмитрий Иванович неоднократно заявлял: «Никогда мы не говорили о легкости предстоявшей нам борьбы... Напоминаем о том возможном еще в нашем обществе благодушным людям, которые на освобождение славян смотрят как на военную прогулку за Дунай. Нет, мы имеем дело с врагом многочисленным, а главное ловким и хитрым»³⁰.

Наконец третья точка зрения, сторонников которой было не особенно много. К таким можно причислить Г.К. Градовского и К.И. Воронича. Григорий Константинович Градовский был одним из популярнейших военных корреспондентов в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начало русско-турецкой войны 1877–1878 гг. совпало с его личным несчастьем. Дело в том, что Градовский в 70-х гг. XIX в. издавал газету «Русское обозрение», но после трех официальных предупреждений цензоров выход данного периодического издания был приостановлен на шесть месяцев³¹. Позже Григорий Константинович вспоминал: «Обезоруженный, приговоренный к молчанию и бездействию в то горячее время, когда не только публицист, но всякий мыслящий человек жаждет печатного слова и обмена мыслей, я не в силах был сидеть, сложа руки. Я решился отправиться на театр войны и с этой целью предложил редакции «Голоса» быть ее военным корреспондентом»³².

Современники относили Градовского к среде либералов, но отмечали, что ему не свойственны высокомерие и презрительность

к военной среде – «военщине», а также то, что, будучи государственным, он никогда не смотрел на армию как на институт насилия. Именно с таких позиций Григорий Константинович собирался освещать события русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В отечественной историографии бытует мнение, что материалы, предложенные военными корреспондентами, были подготовлены лишь с «ура-патриотических» позиций и в них нет ни анализа боевых действий, ни сколько-нибудь примечательных наблюдений. Особенно данными утверждениями грешат исследования В.А. Золотарева³³. Безусловно, Градовский писал свои корреспонденции с позиций человека XIX столетия, в его материалах четко виден человек, любящий свою Родину и то, что современным исследователям кажется «бесполезным словоблудием», было для Григория Константиновича истиной. В своих корреспонденциях³⁴ Градовский отмечал: «В первый раз русская печать получила возможность иметь своих корреспондентов на театре войны. Это – глаза и уши общества, а отчасти и всего государства. Чем быстрее, вернее и подробнее освещаются события, тем живее и непосредственнее поддерживаются связи народа с армией, тем шире и глубже проявляются патриотические чувства, тем лучше уход за ранеными, тем обеспеченнее участь инвалидов, тем более растет число приверженцев хорошего мира и плодотворного внутреннего развития, для упрочения общего порядка и благоденствия»³⁵. Фактически Градовский был свободен в выборе приоритетов освещения боевых действий, хотя многие офицеры русской армии боялись со стороны печати неосторожных слов³⁶. Корреспондент расценивал свою миссию и с позиции разоблачения фальшивых сведений о «зверствах русской армии» на кавказском театре военных действий. Дело в том, что перед началом и в ходе самой войны турецкая пресса рисовала русских солдат «почти людоедами», в отличие от турок, которые несли просвещение и цивилизацию народам Кавказа. Преодолеть же такие убеждения было нелегко, но это была одна из задач военных корреспондентов. Градовский прекрасно осознавал, что военная корреспонденция как таковая явление для России фактически новое, но полагал, что «...военные корреспонденты имеют одинаково важное значение, как в интересах общества, так и в интересах армии, которая неразрывными узами связана с этим обществом». Вообще Г.К. Градовский был противником войны с Турцией. Боевые действия на Балканах рассматривались им не более как война колониальная, навязанная не только переделом сфер влияния в Европе, сколько быстрым экономическим развитием России. С одной стороны, Григорий Константинович считал, что начав кампанию с Турцией, «...мы рискуем втянуться в разорительную войну, без ясно осознанной цели и не-

обходимости. Дела славян можно и должно было устраивать международным путем, как это и следовало по условиям Парижского трактата»³⁷. С другой стороны, корреспондент полагал, что Балканские страны, в частности «Сербия вообще не бедствовала, а вздумала разыграть роль Пьемонта на Балканском полуострове, не имея для того ни малейшей подготовки»³⁸. Что же касается позиции Мещерского и Иловайского, которые настаивали на помощи «братьям по вере», то Градовский им в противовес заявлял, что подобные высказывания это «хвастовство и игра в патриотические порывы»³⁹.

Другой противник войны К.И. Воронич также пытался доказать, что война на Балканах идет не по идеологическим причинам. Он отметал призывы Иловайского, Мещерского и других к выполнению Россией на Балканах своей исторической миссии по спасению несчастных братьев славян. Рассматривая боевые действия через призму личности, мемуарист доказывал, что война ведется и будет вестись только из-за корыстных целей. Причем эти цели, по его мнению, одинаково подходили как для характеристики стран-участниц военной кампании, так и персоналий этой войны. Поражает описание самого состава добровольцев, желавших принять участие в боях: «...партия людей, набранных, где попало: здесь были отставные старые офицеры, бывшие мастера, разные старые нижние чины – герои пятидесятих годов, юнкера, тоже отставные, статские с длинными волосами, в очках, костюмах неопределенного цвета от старости и медико-хирургические студенты, наиболее выделяющиеся своим видом»⁴⁰. Именно такие фигуранты, по мнению Воронича, и чернили образ войны: «Нужно было задаваться одним из двух следующих вопросов: посылать ли на Балканы исключительно людей порядочных, способных к делу или каких попало? Если поддерживать первого правила, то следовало посылать только знающих службу, способных офицеров и людей трезвых... Если же задаться вторым вопросом, т.е. помочь просто количеством, то в таком случае посылать тысячами уже без разбора. Посылать же мало, да притом дурных, значит не достигать никакой цели, что в сущности и было»⁴¹.

Несмотря на разброс мнений о задачах России на Балканах и о самой войне, боевые действия развивались совсем не так, как планировалась в российском Главном штабе. Если русской армии и удалось сравнительно беспрепятственно переправиться через Дунай, то дальнейшее продвижение шло чрезвычайно медленно. Тем не менее весь набор предложенных мнений показывает, что в русском обществе не существовало единой позиции по Балканскому вопросу. Разброс мнений очевиден: от «ура-патриотических» Мещерского и Иловайского до подчеркнуто критических оценок Градовского.

Примечания

- ¹ В первую очередь это работы И. Козьменко (*Козьменко И.* Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 года // *Вопросы истории.* 1947. №5); С.А. Никитина (*Никитин С.А.* Россия и освобождение Болгарии // *Вопросы истории.* 1978. №7); О.В. Орлик (*Орлик О.В.* Представители русской прогрессивной интеллигенции России – участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Вопросы истории.* 1978. №4); В.М. Хевролиной (*Хевролина В.М.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // *Вопросы истории.* 1978. №9) и наконец достаточно старое, но не потерявшее своей актуальности диссертационное исследование О.А. Яковлева – «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество». Л., 1980.
- ² См.: *Гейсман П.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. Вып. 1–2. СПб., 1906; *Зыков С.П.* Война 1877–1878 гг. Вып. 1–6. СПб., 1879–1880; *Мартынов Е.И.* Блокада Плевны (По архивным материалам). СПб., 1900; *Зайончковский А.М.* Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях под Ловчей, Плевной и Шейново. СПб., 1893; *Куропаткин А.Н.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. СПб., 1885. Ч. 1–2.
- ³ См.: *Зайончковский А.М.* Сражение под Ловчей 22 августа 1877 года. СПб., 1895; *Куропаткин А.Н.* Записки о русско-турецкой войне. Берлин, 1909; *Он же.* Под Плевной (Практика траншейной войны) // Сборник военных рассказов. СПб., 1879. Т. 2; *Он же.* С полей сражений // Военный сборник. 1877. Т. 118, №12.
- ⁴ Исключение составляет, пожалуй, только Д.А. Милютин, который считал, что если война с Турцией и нужна, то необходимо ее отсрочить насколько можно. Причину военный министр видел в том, что в случае начала боевых действий Россия может остаться в международной изоляции: «Может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас» (*Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58).
- ⁵ *Градовский Г.К.* Архистратиг славянской рати // Образование. 1909. №1. С. 117.
- ⁶ Цит. по: *Козьменко И.* Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 года. С. 100.
- ⁷ Там же.
- ⁸ «Вокруг Черняева были люди; но между этими людьми, во-первых, не было ни одной выдающейся личности, во-вторых, между этими людьми ничего не было связующего и животворящего. Заметил я здесь с глубокомысленною физиономиею – точно решающего какие-то головоломные задачи и напускавшего на себя много важности – Комарова, начальника Черняевского штаба, но, увы, ничего из этой важности, кроме вздохообразных звуков, не выходило; и один, всегда один, бедный Черняев должен был свою душу героя вложить в разыгрывание роковой комедии, быть архистратигом без воинства, быть героем эпоса без сподвижников...» (*Мещерский В.П.* Воспоминания. М., 2001. С. 364).
- ⁹ *Мещерский В.П.* Воспоминания. С. 365–366.

- ¹⁰ *Мецкерский В.П.* Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.
- ¹¹ Там же. С. 20.
- ¹² Там же. С. 20–21.
- ¹³ «В кабинете князя Горчакова рассуждали так: Россия войдет с своими несколькими корпусами в Болгарию, ей не нужно содействие ни сербских, ни румынских войск, ни болгарского народа; русские войска дойдут к концу лета до Балкан, и Турция предложит нам мир, который мы примем... Надо-де стараться не утратить Европу слишком большим количеством русских войск на Балканском полуострове и в то же время не привлекать к военным действиям славянских войск, во избежание славянского пожара, – вот что приблизительно повторяли наши дипломаты в ту минуту, когда тронулась наша армия к Дунаю» (*Мецкерский В.П.* Воспоминания. С. 384).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 388.
- ¹⁶ *Иловайский Д.И.* Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М., 1860.
- ¹⁷ *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1884; *Он же.* Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870; *Он же.* Разыскания о начале Руси. М., 1876; *Он же.* История России. М., 1876–1906. Т. 1–5.
- ¹⁸ *Рогожин Н.М.* Д.И. Иловайский // *Историография истории России до 1917 г.*: В 2 т. Т. 1. С. 105.
- ¹⁹ *Иловайский Д.И.* Поездка под Плевну // *Русская Старина*. 1883. № 2. С. 351–374.
- ²⁰ *Иловайский Д.И.* Письма о русско-турецкой войне // *Русский мир*. 1877. № 6.
- ²¹ «Если наша доблестная армия будет призвана к решению своей настоящей великой задачи, мы всегда останемся на стороне самого энергического образа действий. Заранее хорошо рассчитанные удары, конечно, будут исполнены быстро и решительно, не озираясь на каждом шагу по сторонам, как это было на Дунае в 1854 г. Враги пугали нас новым избиением славян при первом движении русской армии. На это можно отвечать только одно: новое избиение снимет с нас все бывшие дипломатические обязательства по данному вопросу. Чем более прольется крови беззащитных населений, тем радикальнее должно быть их освобождение и очищение их земли от мусульман. Впрочем, мы говорим все это только на случай; ибо возможно и то, что сегодня же или завтра телеграф принесет нам известия уже другого свойства. Могут завязаться переговоры; а между тем, пока черногорцы остаются в выжидательном положении, Орда успеет подавить миридитов и затем принудить Черную Гору к миру, на основаниях status quo. Англо-австрийские друзья Орды, конечно, не дремлют» (*Иловайский Д.И.* Письма о русско-турецкой войне. С. 84).
- ²² *Иловайский Д.И.* Письма о сербо-турецкой войне // *Мелкие сочинения, статьи и письма 1857–1887 гг.* М., 1888. С. 234.
- ²³ *Иловайский Д.И.* Поездка под Плевну. С. 365.
- ²⁴ Там же. С. 368.
- ²⁵ Там же. С. 367.
- ²⁶ Там же. С. 369.
- ²⁷ *Мецкерский В.П.* Правда о Сербии». С. 20.
- ²⁸ «...жилось плохо: обозы отставали, припаса не было, табак выкурили, хлеб поели, а достать ничего нельзя. ... Появились раненые, забегали санитары с носилками, слышались стоны умирающих и все обширное пространство обратилось в какой-то ад» (*Воспоминания стрелка*. СПб., 1886. С. 14, 19); «Двигались медленно, мы совершенно истощили наши запасы, а так как все окрестные деревни были разорены, то нельзя было достать ни хлеба, ни соли. Гвардия была в продолжение нескольких дней в таком же положении, ибо вследствие невылазной грязи, обозы и транспорты отстали» (*Гусман*. Описание действий летучих отрядов Общества Красного креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878. С. 4.); «Бессонные ночи с 18-го августа весьма утомительны. Наши траншеи не защищают от навесного огня, а для устройства блиндажей нет здесь материала. Большое количество убитых и раненых. Турецкие батареи действуют замечательно согласно, чего так не хватает нам...» (Пять месяцев на Шипке в 1877 году. (Из дневника офицера Подольского полка) // *Военный сборник*. 1883. №4. С. 150–151).
- ²⁹ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2004. С. 20–21.
- ³⁰ *Иловайский Д.И.* Письма о русско-турецкой войне. С. 248.
- ³¹ «Временные правила» о цензуре от 6 апреля 1865 г., которые несколько смягчали знаменитый николаевский «Чугунный устав», отменяли предварительную цензуру для изданий общим объемом в 10 печатных страниц и периодических изданий в Петербурге и Москве.
- ³² *Апушкин В.А.* Г.К. Градовский, гласность и война // *Публицист – гражданин: Лит. сб., посвящ. памяти Г. К. Градовского*. Пг., 1916. С. 97.
- ³³ *Золотарев В.А., Межевич М.И.* История нелегкой победы. М., 1979; *Золотарев В.А.* Россия и Турция: Война 1877–1878 гг. М., 1983; *Он же.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- ³⁴ *Градовский Г.К.* Из воспоминаний военного корреспондента // *Киевлянин*. 1902. 12 апр.
- ³⁵ Цит. по: *Апушкин В.А.* Г.К. Градовский, гласность и война. С. 95–96.
- ³⁶ *Апушкин В.А.* Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // *Военный сборник*. 1902. № 7. С. 206–207.
- ³⁷ *Градовский Г.К.* Архистратиг славянской рати. С. 116.
- ³⁸ Там же. С. 116.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Воронич К.И.* Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 20–21.
- ⁴¹ Там же. С. 23.

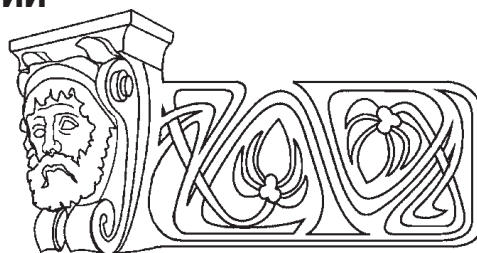

УДК [9:352.001.7](470–89)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЗЕМСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В.В. Назаров

Саратовский государственный университет,
Балашовский филиал, кафедра истории
E-mail: kon@bf.sgu.ru

В статье рассматривается роль органов земского самоуправления в становлении гражданского общества в России во второй половине XIX века. Участие в работе земства представителей различных сословий, выборность гласных, возможность проявления общественной инициативы в решении социальных вопросов позволили ему стать стержнем формирующегося гражданского общества. В работе обращается внимание на различные формы проявления общественной инициативы: съезды земских служащих, ходатайства и адреса губернских и уездных земств по различным поводам. Основной вывод статьи сводится к тому, что развитие органов местного самоуправления представляло собой важный сектор модернизации страны, являлось одним из движущих факторов становления гражданского общества в России, способствовало демократизации российского общества.

On the Role of Zemstvo in the Formation of Civil Society in Russia in the Second Half of the XIX th Century

V.V. Nazarov

In the article the role of the institutions of zemsky government in the formation of the civil society in Russia in the second half of the XIX th century is discussed. The participation of representatives of various classes of society in the work of zemstvo, appointment of the members of the zemstvo by election and the possibility to show the initiative in solving social problems allowed zemstvo to become the core of the developing civil society.

In the article we pay attention to various forms of social initiative: meetings of zemsky officials, petitions and addresses of provincial and district zemstvo on different subjects. The conclusion of the article shows that the formation of the institutions of local government represented an important sector of country's modernization. It was one of the moving factors of formation of civil society in Russia which contributed to the democratization of Russian society.

Гражданское общество – это система взаимоотношений в структурах негосударственной сферы общественной жизни, а также способы взаимодействия этой сферы с государством и его органами. Данная сфера охватывает область личных, частных, бытовых и других непосредственных интересов членов общества, структурно представляет собой совокупность объединений, ассоциаций, союзов по интересам (хозяйственным, профессиональным, творческим, культурным, конфессиональным, просветительским, досуговым и другим), связанных не вертикальными, иерархическими зависимостями, а главным

образом горизонтальными взаимоотношениями. Сюда входят, в частности, такие социальные институты, как семья, церковь, община, органы самоуправления, негосударственные рыночные институты, кооперативы и мелкие предприятия, землячества, трудовые коллективы, политические партии, общественные организации и движения, средства массовой информации, творческие союзы и т. п.

Во взаимодействии с государством через эти структуры реализуются непосредственные потребности и интересы населения, осуществляется воздействие граждан на всю деятельность государства. Развитое гражданское общество обычно выступает как противовес государству. Здоровое состояние и функционирование общества, его прочность и стабильность обеспечиваются при сохранении баланса, когда, с одной стороны, государство не подавляет и не поглощает структуры гражданского общества, а обеспечивает создание условий и защиту свободы их деятельности, гарантию прав граждан и их объединений, в том числе прав на участие в управлении; а с другой – структуры гражданского общества и объединенные в них индивиды соблюдают законы государства и активно участвуют в реализации общегосударственных целей. Если такого баланса нет, могут возникнуть либо тоталитаризм, либо хаос и разрушительная анархия. И гражданское общество окажется неспособным выполнять свои функции – обеспечивать социализацию индивидов и их личностную самореализацию, интеграцию индивидов в общественную систему через горизонтальные связи и каналы информации, способствовать самоорганизации и самоуправлению общественных структур, стимулировать межличностную солидарность членов общества и правовое нормотворчество¹.

В истории России вторая половина XIX в. была периодом динамичного развития государства и общества. После отмены в 1861 г. крепостного права в 60-е–70-е гг. XIX в. последовала серия реформ: земская (1864 г.), судебная (1864 г.), городская (1870 г.), военная (1874 г.) и другие реформы². Особого внимания в плане исследуемой нами проблемы заслуживает вопрос о земстве, ставшем стержнем формировавшегося в России

гражданского общества. Земство было введено правительственным Положением с 1864 г. Земская реформа ввела органы местного самоуправления в 34 губерниях Европейской России. Земства состояли из распорядительных (губернских и уездных земских собраний) и исполнительных (губернских и уездных земских управ) органов. Гласные (депутаты земских собраний) в уездные земские собрания избирались на три года тремя куриями (съездами) избирателей: землевладельцами уезда (независимо от сословной принадлежности), владельцами недвижимости в городе (с определенным имущественным цензом) и коллегией выборщиков от крестьянских обществ. Гласные в губернские земские собрания избирались уездными земскими собраниями. На уездных и губернских земских собраниях избирался состав земских управ³.

Земство было создано для решения проблем местного значения и вместе с тем как своеобразная отдушина, допущенная самодержавием в ответ на императивы общедемократического движения на Западе и требования либеральной общественности в России. Это была выборная форма местного самоуправления, в круг ведения которой входили забота о школах, больницах, местных дорогах, учреждениях общественного призрения, ведение земской статистики, земского страхования и т. п. Доминирующую роль в земствах играли дворянство и купечество, активное участие в их работе принимала разночинная интеллигенция. Это, несомненно, был шаг к учреждению основ гражданского общества. При этом учитывались особые условия России: сохранялись общинные начала хозяйственно-культурной деятельности на местах, сословно-иерархическое избрание (по куриям) и построение земских собраний и органов, коллективистский характер взаимоотношений и взаимодействия в низовых звеньях земских учреждений, общества и группы взаимопомощи и т. п.

В рамках земского самоуправления общественная инициатива находила выражение в обсуждении вопросов местного значения. Важную роль в создании общественных механизмов обсуждения вопросов местного значения играли съезды земских служащих (врачей, ветеринаров, статистиков, агрономов и др.), на которых обсуждался самый широкий круг проблем, затрагивающих различные стороны организации земской деятельности. Их основным содержанием стали вопросы улучшения санитарно-гигиенических условий труда и быта сельского населения, профилактика заболеваний, разработка противоэпидемических мероприятий, совершенствование методов статистических исследований, улучшение агрокультуры и др.

Профессиональные съезды земских служащих явились одной из немногих возможностей публичного обсуждения вопросов местного значения. Выступления на них часто носили

острый, злободневный характер, выходя за рамки узкопрофессиональных интересов. Часто возникали дискуссии, велась полемика по наиболее актуальным вопросам. Материалы съездов публиковались, что делало их доступными для широкой общественности. Постепенно в процессе работы съездов сложился механизм обсуждения вопросов местного значения⁴. Важно отметить, что инициатива организации и проведения съездов исходила именно от представителей общественности, а не была спущена «сверху».

Но даже такая форма самоуправления встревожила правительственные круги, особенно после того, как земские собрания и съезды стали требовать расширения сферы своей деятельности и усиления полномочий, участия в принятии более масштабных решений. Министр финансов С.Ю. Витте опубликовал записку, в которой земство рассматривалось как угроза самодержавию, предтеча введения конституционной формы правления. Витте в своей записке приходит к следующему выводу: «правильное и последовательное развитие всесословного представительства в делах местного управления неизбежно приведет к народному представительству в сфере центрального управления, а затем и к властному участию народа в законодательстве и в управлении верховном. <...>Если же это так, то в отношениях правительства к земствам <...> может быть только два вполне ясных и точных пути». Или, «имея перед собой пример Запада, нам следует прилагать все усилия к скорейшему и правильному развитию начал самоуправления» и смотреть на оппозиционное земское движение как «на естественный и здоровый рост того зерна, которое в 1864 году было брошено на нашу политическую ниву», или же «можно верить – и лично я исповедую это убеждение, – что конституция вообще “великая ложь нашего времени”»⁵.

Формой выражения гражданской позиции являлись ходатайства и адреса губернских и уездных земств по различным поводам. Одним из наиболее острых был вопрос о созыве общеземского съезда. «Сплотить, соединить, вдохнуть жизнь в наши разъединенные земства, – писали в 1873 г. «Современные известия», – может только взаимное общение и заимствование, обмен мыслей и совместное обсуждение мер к общему благу, установление общих норм и взаимная материальная помощь. Средством, и притом самым действительным, для этого сплочения могли бы служить съезды представителей земства»⁶. Правительство категорически отказалось дать разрешение на проведение таких съездов, что свидетельствует о преобладании этактистских настроений в среде высшей российской бюрократии⁷.

В 90-е гг. XIX в. земства выступают с ходатайствами об отмене телесных наказаний, об издании общеземского печатного органа, о введении земской адвокатуры, об освобождении учителей начальных школ от воинской повинности, уста-

новлении некоторых льгот при отбывании этой повинности по семейному положению, увеличении числа гласных в отдельных уездах и т. д. Ответы на ходатайства часто затягивались, и только приблизительно одна третья часть из них получала удовлетворение⁸.

Восшествие на престол Николая II оживило в земских кругах и в обществе надежду на перемену правительственного курса, дало некоторым земствам повод выступить с адресами, в которых выражалась идея введения конституции. Как известно, император назвал эти надежды «бесмысленными мечтаниями». Тем не менее сам факт достаточно смелого политического обращения к царю представителей местного самоуправления говорит о начавшемся процессе демократизации российского общества.

Таким образом, развитие органов местного самоуправления представляло собой важный сектор модернизации страны, являлось одним из движущих факторов становления гражданского общества в России. Вне всякого сомнения, земство сыграло свою положительную роль в демократизации российского общества.

УДК 94(470.342)

ВЛАСТЬ, КРЕСТЬЯНСТВО И ГОРОД В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ

М.Д. Карпачев

Воронежский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: m_karpach@mail.ru

В статье исследуется социально-экономическая обстановка в русской провинции в годы Первой мировой войны. Анализируются последствия мероприятий центральной и местной администрации по сдерживанию цен на потребительские товары и организации продовольственного снабжения. Показано, что не дефицит материальных ресурсов, а просчеты властей сыграли решающую роль в нарастании политической напряженности накануне падения монархии.

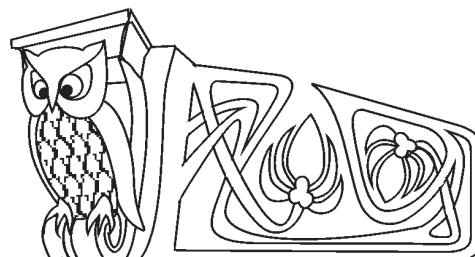
The Administration Peasantry and the City in Russia on the Eve of the Revolution of 1917

M.D. Karpachyov

The social and economic situation in the black-soil region of Russia at the times of World War I is the main object of the article. The author analyses the activities of the central and local administrations, especially their efforts to protect internal markets of consumer goods. The article shows that the Russian peasantry produced sufficient quantities of grain and could supply army and industrial centers. The political stability was ruined because of concrete mistakes of imperial and local authorities.

Примечания

- 1 См. напр.: *Лопата П., Порохнюк Е.* Проблемы становления гражданского общества в России // Диалог. 2000. № 1. С. 10.
- 2 Подробнее см.: *Великие реформы в России: 1856–1874.* М., 1992.
- 3 *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990; *Лантева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1993; *Верецагин А.Н.* Государство и местное самоуправление в России: теория, исторический опыт и современность // Общество, политика, наука: новые перспективы / Моск. обществ. науч. фонд. Сер. Научные доклады. М., 2000. Вып. 103; ПСЗ–II. СПб., 1867. Т. XXXIX, № 40457.
- 4 См.: *Земский феномен: Политологический подход: Сб. научн. ст.* / Центр славянских исследований при университете Хоккайдо. Екатеринбург, 2001. С. 101–106.
- 5 Цит. по: *Веселовский Б.Б.* История земства. СПб., 1911. Т. III. С. 512.
- 6 Там же. С. 227.
- 7 Там же. С. 238.
- 8 Там же. С. 406.

О причинах падения российской монархии историки сказали, казалось бы, все. Тем не менее истоки революционных потрясений 1917 г. долго еще будут оставаться предметом острых дискуссий и пристального анализа. Как и почему так стремительно разрушилось самодержавное государство, имевшее многовековую историю и глубокие социальные корни? Еще свежи были в памяти массовые торжества, посвященные трехсотлетию дома Романовых, а спустя всего четыре года династия бесславно погибла. Был ли столь скорый и трагический конец монархии неизбежным? Какую роль в тех роковых событиях играли конкретные ошибки конкретных персонажей? Что, в конце концов, окончательно расштатало государственный организм громадной страны? Размышляя над этими вопросами стоит присмотреться к социально-политическим процессам в русской провинции, в том числе в черноземном центре.

Хорошо известно, что сильнейшим ускорителем крушения монархии в России стала Первая мировая война. Войны всегда несли и, к несчастью, продолжают нести людям неисчислимые страдания. Нет нужды объяснять природу этих

страданий. Наряду с этим надо отметить, что начавшееся с 1914 г. трехлетие отличалось нарастанием исключительно противоречивых процессов, не раз создававших парадоксальные социальные ситуации. Народная молва реагировала на эту противоречивость известным изречением – «кому война, кому мать родная». На военных поставках баснословно наживались тысячи дельцов, множество интриганов сумело нажать на военной трагедии крупные политические капиталы.

Очень сложное социально-экономическое положение сложилось во время мировой войны в аграрных районах России, в том числе в Центральном Черноземье. Сельское хозяйство Воронежской губернии (как, впрочем, и всей России) война застала на этапе развернувшейся реконструкции. Столыпинская аграрная политика, начавшаяся со знаменитого указа 9 ноября 1906 г., была направлена на рационализацию сельской экономики и на оздоровление социальных отношений в деревне. Выход из общины крепкого, энергичного и трезвого крестьянина должен был решительно изменить облик русской деревни. Так, во всяком случае, полагали творцы нового аграрного курса¹.

Надежды реформаторов не были беспочвенными. Переход все более значительной части крестьянства на позиции частного землевладения, а также ускорившийся распад общинного строя вели к устойчивому росту производительных сил деревни. За 7–8 лет реформы около 20 % воронежских крестьян-домохозяев решили расстаться с общиной и закрепили причитавшиеся им наделы в частную собственность. Одновременно производство сельскохозяйственной продукции в Воронежской губернии выросло примерно на 25–30 %, причем этот рост был достигнут главным образом за счет повышения урожайности и применения прогрессивных приемов землепользования на крестьянских полях. Приватизация части общинных земель вела и к более рациональному использованию рабочей силы, избыток которой в Воронежской губернии стал особенно ощутимым в начале XX в. В губернии более успешно пошло развитие промыслов, ускорился рост городской промышленности и торговли.

Но у столыпинского аграрного курса был очень рискованный социальный аспект. Усилилось имущественное размежевание крестьянства. Поскольку хозяйственный успех сопутствовал трезвому и крепкому меньшинству, постольку в среде общинного большинства обострились настроения недовольства экономическим положением. Традиции уравнительного общинного землепользования никак не соответствовали стремлениям «новых помещиков» (так со злой иронией крестьяне-общинники называли своих односельчан, выделявшихся из общины) достичь материального благополучия на основе частного хозяйства. В условиях мировой войны, когда миллионы крестьян пришлось призвать в армию, этот

аспект аграрного реформирования становился опасным вдвойне.

Следует учесть также, что в войну Россия вступила в эпоху глубоких перемен в государственном строе. Основы самодержавия были подорваны в ходе революции 1905–1907 гг. Оппозиция получила широкие возможности для критики правительственной политики. На протяжении многих веков русское общество не имело никаких легальных возможностей для контроля над монархической властью. Теперь оно брало своеобразный реванш. Даже во время войны Государственная дума открыто обсуждала вопрос о «правительстве народного доверия», многие ораторы старались убедить страну, что правительство Николая II не способно обеспечить победу и ведет государство к катастрофе. Резонанс от такой конфронтации проникал в самые широкие слои общества, беспокоил и возбуждал крестьянские массы. Германскому блоку противостояло не сплоченное вокруг сильного правительства общество, а общество, пораженное эрозией внутреннего раскола.

Эти обстоятельства следует учитывать для понимания тех сложных социальных процессов, которые происходили на территории Воронежской губернии накануне грандиозных революционных потрясений. Взгляд историка еще не раз будет обращаться к тем тревожным дням.

В январе 1916 г. воронежский губернатор М.Д. Ершов созвал весьма представительное совещание местных администраторов и деловых людей. Предметом обсуждения на совещании стал вопрос об устранении дефицита продуктов первой необходимости. Кроме того, участники говорили о способах борьбы с их дороговизной². Поводом для созыва совещания стала телеграмма министра внутренних дел А.А. Хвостова, отправленная руководителям центральных губерний России 1 января 1916 г. В ней министр сообщал об обеспокоенности монарха разгулом спекуляции на внутреннем рынке. Николай II считал, что действия торговцев и предпринимателей могут быть расценены как непатриотические. Поэтому император потребовал от министра «обратить внимание местных властей на необходимость в настоящее время самой решительной и планомерной борьбы с возрастающим в стране недостойным переживаемого момента взвинчиванием цен на продукты первой необходимости» (л. 124). Если судить по смыслу этой фразы, то, очевидно, что Николай II был уверен: в России достаточно «продуктов первой необходимости». Значит причины роста цен, по его мнению, коренились в «недостойных» явлениях субъективного порядка, что и предстояло выяснить местным властям. Исполняя царскую волю, губернатор собрал весьма представительный круг заинтересованных лиц. На совещании присутствовали практически все влиятельные чиновники

губернского правления, руководители земской управы, видные предприниматели, специалисты сельского хозяйства.

Прежде всего участники встречи констатировали очень быстрый рост цен на предметы первой необходимости. Собранные с мест сведения показывали, что по основным видам продовольствия цены за полтора военных года поднялись очень существенно. Так, в Бобровском уезде пуд пшеничной муки 2-го сорта стоил до войны 1 р. 30 к., теперь его цена поднялась до 3 р. 50 к., т. е. более чем в два раза, цена пуда подсолнечного масла поднялась с 5 р. до 8 р. 80 к., пуда керосина – с 1 р. 65 к. до 2 р. 60 к., соли – с 35 к. до 50–55 к. и т. п. (л. 18).

Очень сильно выросли цены на мясные продукты. Из Валук сообщали, что «повышение цен распространилось положительно на все предметы потребления, главным же образом чрезмерно повысилась цена на предметы, перевозимые по железной дороге» (л. 19). Выступивший на совещании председатель Воронежской уездной земской управы Н.А. Александров сообщил о следующей динамике цен в своем уезде: пшеничная мука 1-го сорта подорожала с 2 р. (довоенный уровень) до 3 р. 80 коп., подсолнечное масло с 4 р. до 8 р., сахар с 16 коп. за фунт до 22–27 коп. (л. 134). Информация аналогичного содержания шла из всех уездов.

Такое положение было тем более печальным, что урожаи военных лет были в Воронежской губернии вполне благополучными. По данным 1915 г., на продовольственные нужды в губернии оставалось свыше 86 млн пудов зерна и свыше 33 млн пудов картофеля. В пересчете на душу населения это составляло соответственно 25,9 пуда хлеба и чуть больше 10 пудов картофеля³. Такие показатели считались очень хорошими, так как продовольственный минимум в ту пору составлял 18 пудов зерновых на едока. Продовольственные запасы, таким образом, не должны были вызывать опасений. По словам Н.А. Александрова, «Воронежское уездное земство пришло к убеждению, что население Воронежского уезда благодаря хорошему урожаю в достаточной мере обеспечено рожью, просом и картофелем, т. е. предметами, которые оно не покупает» (л. 134). Иными словами, продовольствие в губернии было, а цены, тем не менее, быстро росли, что, конечно, не могло не вызывать острого недовольства со стороны горожан. Кроме того, городская торговля стала испытывать дефицит продовольственных товаров. Мясные продукты поступали в продажу с перебоями, а за хлебом и сахаром стали выстраиваться очереди, чего не наблюдалось в довоенное время. Сельские жители, в свою очередь, жаловались на исчезновение из продажи многих необходимых материалов и промышленных изделий или на их непомерную дороговизну.

Как же участники совещания определяли причины растущей дороговизны? Многие высту-

павшие сразу же отметили, что торговцы и предприниматели нередко создавали искусственный дефицит и, пользуясь этим, получали чрезмерные барыши. Видный торговец С.В. Типцев, например, заявил, что необходимо найти способы ограничения подобных сверхприбылей. Я предлагаю, говорил он, «ограничить пользу промышленности и торговли не более как 50 %». На удивленные реплики из зала по поводу величины таких доходов Типцев заметил, что «в настоящее время некоторые промышленники берут 300, 400 и даже 500 %». Опытный купец хорошо знал положение дел и, будучи разумным предпринимателем, предлагал строго наказывать дельцов, готовых, не считаясь с войной, гнаться за бешеной наживой. Проследить же за сверхдоходами мог бы, по его мнению, биржевой комитет (л. 126).

Но основной причиной появления дефицитов и стремительного роста цен участники совещания признали неумелое вмешательство администрации в механизмы рыночной экономики. Вскоре после начала войны правительство потребовало от местных властей жестко контролировать ценовую ситуацию. Угроза развития спекуляции была вполне реальной.

Первой реакцией уездных и городских управ стали призывы к вышестоящим властям ограничить рост цен административным порядком. Например, Павловская городская управа не раз получала отказ хозяев Нижнекирляйского сахарного завода на просьбу продать городу сахар по «приличной» цене. Руководители акционерного общества сахарного завода действовали очень просто: они сообщали городским властям, что сахара у них нет, а скорые его поставки не предвидятся. Ответной реакцией городских властей стало их прошение в адрес губернатора следующего содержания: «Городская управа имеет честь просить Ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение о продаже означенным заводом городскому управлению на текущий январь месяц 1000 пудов сахарного песка по 5 р. 63 коп. за пуд для продажи населению по заготовительной стоимости его» (л. 156).

Точно так же Богучарская городская управа в январе 1916 г. просила губернатора установить твердую цену на муку «сообразно с действительными ценами на хлеб в зерне, а именно с ценой пшеницы в среднем выводе в 1 руб. 40 коп. за пуд». С отделением одной трети отрубей и с надбавкой к цене пшеницы 12 коп. за помол средняя цена пуда пшеничной муки должна была, по подсчетам богучарских властей составлять 2 руб. 4 коп. пусть, просили они, мука первого сорта стоит 2 р. 24 коп., второго – 1 руб. 84 коп. (л. 177). Таких прошений было немало. Поэтому воронежский губернатор, как и его коллеги в большинстве регионов, должен был издавать обязательные распоряжения, в которых устанавливались предельно допустимые цены на самые необходимые для населения товары. Такие таксы вводились каждые три месяца.

Реакция потребительского рынка была вполне закономерной: товары, на которые устанавливались жестко ограниченные цены, стали просто исчезать из продажи. Купить их было можно только из-под полы и по взвинченной цене. Вводя таксы, губернаторы, конечно, не учитывали ни роста транспортных расходов, ни изменившегося спроса. Таксированные цены могли не покрывать (и, как правило, не покрывали) реальных затрат производителей и торговцев. Кроме того, товары такого рода попросту придерживались производителями, так сказать, до лучших времен. Это касалось в первую очередь продовольствия. Очень важно отметить, что из-за установленных такс цены на различные товары изменились по-разному. В уже упоминавшемся выступлении Н.А. Александрова приведена таблица сравнения довоенных цен с ценами 1916 г. Из нее следует, что цены на основные продукты питания выросли примерно на 80–110 %, в то время как на изделия промышленности, таксы на которые не вводились, цены выросли в несколько раз. Например, цены на гвозди, подковы и некоторые другие металлические изделия поднялись в 5–6 раз, на уголь – в 5 раз, на лесные строительные материалы – в 2–3 раза (л. 134).

Вопрос об экономическом положении деревни вызвал на совещании самый оживленный интерес. Разумеется, все присутствовавшие прекрасно понимали, что мобилизация в армию свыше 400 тыс. крестьян самого трудоспособного возраста поставила многие семьи в трудное положение. Правда, специалисты давно уже отмечали в черноземной деревне рост избыточного аграрного населения. По данным официальной статистики, население Воронежской губернии в 1914 г. достигло 3,8 млн человек. Эта цифра на 1,4 млн превышала данные первой Всероссийской переписи 1897 г.⁴ Причем больше всего выросло сельское население, доля которого по-прежнему в губернии существенно превышала 90%.

Поскольку в Черноземном центре давно уже отмечался рост относительной аграрной перенаселенности, постольку мобилизация не привела к расстройству крестьянских хозяйств. В официальном отчете об экономическом положении Воронежской губернии за 1915 г. отмечалось: «Несмотря на обстоятельства военного времени, особенно остро недостатка в рабочих силах нигде не испытывалось. У крестьян применялась усиленная работа женщин, подростков и стариков и в довольно широких размерах практиковалась взаимопомощь; во владельческих (т. е. помещичьих. – М. К.) хозяйствах было труднее, потому что цены на рабочие руки стояли весьма высокие, хотя во многих экономиях применялся труд военнопленных»⁵. Однако повторяем, на фронт ушли самые работоспособные мужчины, отсутствие которых особенно остро ощущалось в короткие страдные недели сева, покосов и уборки урожая. Трудовые нагрузки на женское население

существенно возросли⁶. Власти пытались смягчить ситуацию, направляя в хозяйства губернии военнопленных. Но существенного влияния на экономику деревни эта мера оказать не могла. В 1915 г. в сельском хозяйстве губернии трудились лишь около 8 тыс. военнопленных, главным образом, чехов, словаков и венгров. Примерно две трети военнопленных эксплуатировались в частновладельческих, т. е. помещичьих хозяйствах.

Нужно учесть также, что во время войны темпы проведения столыпинского землеустройства резко замедлились. Оставшиеся на хозяйстве крестьянки боялись выходить из общин и в отсутствие мужей не хотели брать на себя ответственность и риски, связанные с приватизацией наделной земли. Однако около 80 тыс. крестьянских хозяйств успели сменить характер землепользования, еще около 50 тыс. домохозяев обратились в землеустроительные комиссии с просьбой о проведении технических работ по выделению наделов из общинных владений. Перестройка деревенской жизни, пусть в резко замедленном темпе, но все же продолжалась и в годы войны. Опыт же предшествующих лет убеждал, что экономические возможности крестьян, ушедших из общин, существенно повысились. Подъем экономических возможностей крестьянских хозяйств вызвал весьма неожиданные и опасные для властей последствия. В большинстве своем крестьяне в военные годы стали обеспечивать потребности своих семей в продовольствии, что, в свою очередь, привело к решительным переменам в их отношении к ценам на сельскохозяйственную продукцию.

Хорошо известно, что вплоть до столыпинских преобразований общинное крестьянство было заинтересовано в сохранении низких цен на хлеб. Такое, внешне противоестественное, отношение самых массовых производителей зерна к ценообразованию объяснялось элементарной скудостью материальных ресурсов пореформенной деревни. Осенью крестьяне должны были погасить разнообразные задолженности по налогам и повинностям, а весной не менее половины из них даже в благополучные годы должны были покупать недостающее для пропитания зерно. Так как крестьяне оставались массовыми покупателями хлеба, цена на продовольственные товары в России оставалась многие десятилетия очень низкой. Но это означало, что общинное крестьянство ориентировалось прежде всего не на рынок, а на внутреннее потребление. Низкие цены давали возможность крестьянам реализовать главную цель их трудовых усилий – обеспечить жизнедеятельность собственных семей. На данное обстоятельство обращали внимание еще дореволюционные русские исследователи. «Почти двадцать лет тому назад, – отмечал один из них, – у нас возник горячий спор о том, выгодны или невыгодны для трудового хозяйства высокие цены на хлеб. Защитники низких цен ссылались на то, что

крестьянское хозяйство – потребительское, что миллионы крестьян покупают хлеб»⁷.

Январское совещание констатировало, что отношение крестьян к ценообразованию во время войны изменилось самым радикальным образом. В процессе столыпинского реформирования целевые установки крестьянской экономики стали все прочнее связываться с рыночной конъюнктурой. Можно считать, что выходящий из общины крестьянин-собственник все более определенно менял целевую установку своей хозяйственной деятельности. Его главной задачей становилось не обеспечение продовольственной безопасности собственной семьи, а повышение доходности своего хозяйства. Участвовавший в работе совещания коммерсант И.В. Мещеряков обратил внимание на то, что укрепление материальных возможностей крестьян совпало с резким повышением спроса на их продукцию. В мясе, масле, яйцах, молоке и других продуктах нуждаются горожане, армия, многочисленные беженцы. Последних в Воронеже собралось до 80 тысяч. В таких условиях у воронежских крестьян стала быстро укореняться рыночная психология. «Торговец яйца продает по 50–60 копеек, – говорил Мещеряков, – и у крестьянки точно так же дешевле не купите. Молочница говорит вам: по прежней цене я вам носить не буду, потому что в госпитале у меня по какой угодно цене берут». Тяготы военного времени быстро изменили ценность крестьянского труда. «Теперь крестьянин, который имеет лошадку, зарабатывает 6–7 рублей в день, и, таким образом, нам от них ждать дешевых цен не приходится» (л. 128).

За этими сетованиями Мещерякова скрывался факт драматического и давнего антагонизма интересов города и деревни. На протяжении десятилетий пореформенного развития отечественная промышленность и пути сообщения поднимались не вместе с сельской экономикой, а за ее счет. Низкая доходность земледельческого труда являлась одним из решающих условий накоплений, необходимых для роста молодой российской индустрии. Но чрезвычайные обстоятельства военного времени неожиданно и круто изменили положение дел. Не без доли злорадства крестьянство считало, что оно, во всяком случае, продуктами обеспечено, а городские потребители пусть теперь расплачиваются за долгую экономическую дискриминацию деревни.

Между прочим, традиция потребительского отношения со стороны властей к нуждам русских аграриев сохранялась, хотя и без большого успеха, и в годы мировой войны. На совещании эта важная проблема звучала при оценке ошибок центральной и местной администрации в борьбе со спекуляцией. Так, городской гласный и председатель продовольственной комиссии городской думы М.Н. Литвинов со всей определенностью говорил, что в Воронежской губернии (и не только в ней одной!) не было объективной почвы для

появления дефицитов. На недавно прошедшем съезде представителей городов, сказал Литвинов, «точно было установлено: причин повышения цен на предметы продовольствия в России нет и не должно быть». До войны Россия вывозила громадное количество зерна за границу. Гласный назвал цифру в 700 млн пудов в год. При этом в 1914 г. на нужды армии было закуплено 300 млн пудов, а в 1915 г. – 600 млн, т. е. существенно меньше ежегодного довоенного экспорта. Теперь поставок за рубеж практически нет. Литвинов считал также, что ни повышение стоимости рабочей силы, ни транспортные издержки не могли серьезно повлиять на ценовую ситуацию. Наша же губерния «в смысле обеспечения продуктами первой необходимости не нуждается ни в чем, за исключением антрацита, все остальные продукты воронежская губерния вывозила не только в другие районы, но и вывозила за границу. У нас вопроса обеспечения продуктами первой необходимости нет, у нас есть только вопрос борьбы со спекуляцией». Но если цены все-таки сильно выросли, значит решающую роль в таком печальном развитии ситуации сыграли субъективные просчеты властей. Литвинов так и сказал: «Оказала влияние на повышение цен неумелая постановка дела» (л. 130).

В чем же, по мнению председателя продовольственной комиссии, эта неумелость проявилась? Большинство участников совещания сошло на том, что очень сильно осложнила социальную ситуацию в стране попытка искусственного сдерживания цен на продовольственные товары с помощью введения так называемых такс или предельно допустимых цен. При этом цены на промышленные товары практически никак не сдерживались. «Не соображаясь ни со стоимостью товара, не соображаясь с теми этапами, которые нужно было пройти, – заявил, в частности, участвовавший в совещании профессор СХИ Н.П. Макаров, – эта такса, нарушившая обычный товарооборот в стране, разрушила более или менее правильную организацию передачи товара» (л. 132). Иначе говоря, крестьяне попросту не желали продавать свою продукцию по фиксированным ценам.

Как это ни парадоксально, до войны и до проведения аграрных реформ большинство воронежских крестьян испытывало острый недостаток денег и вынуждено было продавать свою продукцию по крайне заниженным по сравнению с промышленными изделиями ценам. Теперь же положение изменилась самым радикальным образом. Вы, может быть, помните, горько шутил руководитель Воронежской городской управы Г.А. Пуле, что французский король Генрих IV мечтал о том, чтобы каждый его подданный раз в неделю имел курицу в супе. У нас сейчас, заявил Пуле, «каждый крестьянин может каждый день кушать не только курицу в супе. Мы слышим, как на базаре крестьянин говорит: не дашь мне за индейку 5 р., я сам ее

дома съем. Значит, он может кушать не только курицу, но и индейку».

Крестьяне, отмечал городской голова, сейчас предпочитают не продавать скот, а наоборот, покупать его, сделать его запасы, «значит ясно, что запасы денег существуют. Крестьяне держат этот скот, не продают его в город, ясное дело, что цены на мясо должны повышаться... Но нам нужно подумать о том, что нам здесь делать для того, чтобы цены на продукты первой необходимости в Воронеже держались на известном уровне. Я только что сказал, что крестьяне не нуждаются, они желают, чтобы у них цены на сырые продукты стояли высокие, но они заявляют, что вот железо стало слишком дорого» (л. 132). Пуле, таким образом, четко определил, что основную причину продовольственных трудностей горожан и быстрого ухудшения социально-политической ситуации надо искать в просчетах правительства. Во время войны нельзя было безнаказанно продолжать вести одностороннюю экономическую политику. А именно так можно было расценить административное регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию. Ничего, кроме вреда, избыточное администрирование в сфере экономики не дает. «Вот если бы, – продолжал Пуле, – при помощи железных дорог удалось бы доставить это мясо, то цены должны будут упасть... Я думаю, что если бы со спекуляцией бороться не тем, чтобы устанавливать таксы, а тем, чтобы в тех местах, где эти продукты дороги, привозить из тех местностей, где они дешевле, распоряжением правительства или местных властей по тем ценам, по которым можно сюда доставить, то всякая спекуляция должна будет пропасть в корне» (л. 133).

О вреде чрезмерного и при этом избирательного контроля властей говорил и Н.А. Александров. «Цены, – подчеркнул он, – повышаются исключительно в городе Воронеже, все регулируется в городе, и к этому чутко прислушивается деревня». Председатель уездной управы привел колоритный пример: «Не далее как вчера один из священников рассказывал, как он поехал в Усмань, где продавались поросята по три рубля, ему показалось дорого, он поехал в Воронеж, но оказалось, что в Воронеже они 6 рублей, и когда он вернулся, уже этих поросят продавали по 6 рублей» (л. 135).

Такое поведение крестьянства участники совещания признали вполне естественным. Надо было каким-то образом исправлять опасное положение. Но сделать это будет очень не просто. По мнению Л.А. Пуле, решение такой задачи «под силу только тесному единению правительственной власти, общественных учреждений и самого общества, в виде кооперативов и обывательских комитетов» (л. 138). Но, к великому сожалению, продолжал городской руководитель, такого единения нет.

Если судить по материалам совещания, то общее ухудшение экономического положения в

губернии парадоксальным образом сочеталось с заметным ростом денежных доходов крестьянства. Некоторые ораторы обращали внимание на то, что в распоряжении крестьян оказались весьма внушительные средства. В одном только Коротоякском уезде (а уезд этот был одним из самых малых в губернии) крестьянам за полтора года войны было выплачено около полутора миллионов рублей в качестве ежемесячных субсидий за ушедшего на фронт призывника. Кроме того, около миллиона рублей сэкономили крестьяне из-за введения в России с августа 1914 г. запрета на продажу крепких спиртных напитков. Деревня, по многочисленным свидетельствам современников, в те месяцы войны отрезвела, что, естественно, не могло не улучшить ее финансового благополучия. «Вследствие закрытия казенных винных лавок, – доносил в октябре 1914 г. богучарский уездный исправник, – все население трезво, усиленного разврата не замечалось и особо выдающихся каких-либо явлений, заслуживающих внимания за истекший сентябрь месяц, в Богучарском уезде не было»⁸. Донесения подобного рода в военную пору шли регулярно практически от всех уездных исправников. По точному наблюдению современного исследователя, для многих крестьянок военное лихолетье обернулось еще одним парадоксом: в их семьях наступил покой, а возросшие денежные остатки порождали чувство небывалой прежде комфортности. «Как признавались сами солдатки, до войны мужа часто пропивали деньги, одаривая их лишь иногда чаем да шелковым платочком. Теперь же, в военные годы, они сами могли решать, как и куда тратить деньги... В этих условиях понятными становятся слова одной из солдатских жен, услышанные корреспондентом «Тамбовского земского вестника» в августе 1916 г.: «Мы теперь воскресли, свет увидели. Дай, Господи, чтобы война эта подольше прошла»⁹. Конечно, на такое экстравагантное пожелание могла отважиться лишь очень самолюбивая натура. Но сам по себе этот факт примечателен. Почва для таких настроений была и в Воронежской губернии.

Определенной программы преодоления спекуляции совещание выработать так и не смогло. Мнения участников расходились по многим вопросам, в том числе по проблеме установления твердых цен. Одни ораторы настаивали на сохранении такс, хотя и признавали необходимость их более гибкого или, напротив, твердого, но во всяком случае, более умелого применения. Представитель военного командования Ф.И. Бочковский, в частности, признавал недостатки такс, но считал, что в качестве чрезвычайной меры они должны неукоснительно соблюдаться. «Я глубоко убежден, – заявил он, – что при настоящем положении мясного рынка, если бы в тех местах, где ощущается недостаток мяса, завтра были обысканы склады, – а я слышал, что запасы есть, – и запасы эти были бы реквизированы, а торговцы

были бы лишены права продолжать торговлю, это имело бы несомненное влияние» (л. 151). Генерал, таким образом, обращал внимание на нерешительность и неэффективность властей.

Другие, напротив, подчеркивали, что административное вмешательство в ценообразование приносит только обострение дефицитов и фактически только подгоняет развитие теневой экономики. Интересно отметить, что на совещании прозвучали предложения ввести в губернии продовольственную разверстку, т. е. установить для всех крестьянских и частновладельческих хозяйств нормы обязательной поставки продукции и при этом по твердым ценам. Правда, такая разверстка мыслилась как мероприятие ненасильственного характера, о введении принудительного изъятия у крестьян излишков продукции речь не шла. Разверстка понималась как жесткое задание всем уездам и волостям по закупке продовольствия, причем действовать местные власти должны были прежде всего методами убеждения. Следовало разъяснять крестьянам необходимость обязательных поставок продовольствия по твердым ценам ради обеспечения победы, ради поддержки их отцов, сыновей и братьев, одетых в солдатские шинели.

Январское совещание так и не выработало конструктивной программы борьбы с дефицитами и с ростом спекуляции. В 1916 г. негативные тенденции в экономике губернии продолжали нарастать. Политика жесткого регламентирования цен сохранилась, и осенью 1916 г. хлебная биржа в Воронеже перестала действовать. Между тем хлеб в России был. Его было вполне достаточно для снабжения городов и армии. За 1914–1916 гг. в стране было собрано свыше 13,5 млрд пудов продовольственного и кормового зерна и это количество способно было обеспечить все потребности¹⁰. Но при этом в городах непрерывно

нарастало социальное напряжение, обусловленное главным образом перебоями в торговле и постоянными слухами о надвигающемся голоде. Как известно, февральские события 1917 г. в Петрограде разыгрались именно на фоне возросшей продовольственной угрозы. Для всех оппозиционных сил просчеты власти в грозное время войны оказались бесценным подарком.

Аналогичная картина наблюдалась и в других городах России. Ближайшим следствием такого положения дел стало быстрое нарастание политического кризиса, разрешением которого и стало крушение монархии.

Примечания

- ¹ Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в.* Воронеж, 1995. С. 169.
- ² Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 2207. В дальнейшем ссылки на этот документ даются в тексте статьи только с указанием номера листа.
- ³ Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916. С. 21–22.
- ⁴ См.: *Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г.* Воронеж, 1916. С. 135.
- ⁵ Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916. С. 12.
- ⁶ См.: *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 227.
- ⁷ *Шаховской Дм.* Крестьянское хозяйство и война // *Вестник сельского хозяйства.* 1914. № 34. С. 13.
- ⁸ ГАВО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 405. Л. 33.
- ⁹ *Щербинин П.П.* Указ. соч. С. 246.
- ¹⁰ См.: *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 26.

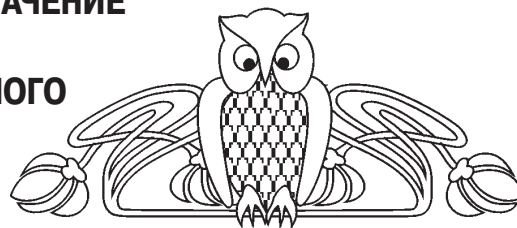
УДК [9:343.3] (470-89) «1905»+929

«ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ И НРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕ ДЛЯ ВСЕЙ СТРАНЫ...»: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД УЧАСТНИКАМИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья посвящена малоизученной странице истории судебного процесса над матросами – участниками Севастопольского восстания 1905 г. В статье анализируется тактика защиты подсудимых матросов, организатором и руководителем

которой выступил лидер синергии «молодая адвокатура» Н. К. Муравьев. При этом особое внимание автора сосредоточено на оригинальном приеме защиты, впервые примененном Муравьевым и его коллегами. Вместо речи в судебном заседании политические защитники выступили с обращением к членам Первой Государственной Думы России с просьбой об амнистии всех участников восстания. Кроме того, отмечается роль и значение письменных воспоминаний подсудимых о Севастопольском

восстания, которые они подготовили во время своего пребывания под стражей. В статье сделан вывод о том, что благодаря деятельности представителей «молодой адвокатуры» удалось выявить нарушения законности в ходе судебного процесса, привлечь внимание общественности и добиться смягчения мер наказания для обвиняемых матросов.

«Its Political and Moral Importance for the Whole Country Comprehensively...» (The Politician-Legal Collisions of the Lawsuit on Participant Sevastopol Rebellion)

Yu.V. Varfolomeev

The Article is dedicated to unknown page to histories of the lawsuit on sailor – a participant of Sevastopol rebellion of 1905. In article is analysed tactics of protection defendant sailor, organizer and leader which has been the leader to synergies «Molodaya Advokatura» N.K. Muraviev. At emphases of the author concentrated on original acceptance of protection, for the first time applying Muraviev'evym and his colleague. Instead of speech in judicial meeting political protectors have emerged with Address to member of the Pervoy Gosudarstvennoy Dumy to Russia with request about amnesties all participant rebellion. Besides, is noted role and importance of written recollection defendant about Sevastopol rebellion, which they have prepared during its stay under guards. Conclusion is made In article about that that due to activity of the representatives «Molodaya Advokatura» manage to reveal the breaches to legality in the course of lawsuit, attract attention to public and obtain the softenings of the measures of the punishment for inculpated sailor.

События, которые привели на скамью подсудимых 37 нижних чина 32-го флотского экипажа крейсера 1-го ранга «Очаков», а также студентов Новороссийского университета А. В. Пятина, П. А. Моишеева и крестьянина Г. П. Ялинича, начали разворачиваться 8 ноября 1905 г. Мятеж очаковцев датируется 11–15 ноября 1905 г., обвинительный акт прокурор военно-морского суда полковник А. И. Крамаревский подписал 11 января 1906 г., судебное разбирательство началось 7 февраля, а 18-го был оглашён приговор. Центральной фигурой процесса стал «уволненный от службы, бывший лейтенант флота» Петр Петрович Шмидт.

Морской министр А. А. Бирилев 19 декабря телеграфировал Главному командиру Черноморского флота вице-адмиралу Г. П. Чухнину: «Государь повелел выделить дело Шмидта из прочих дел и вести его наискорейшим образом. Скажите Крамаревскому, что если он осмелится потерять хотя бы один день, то будет уволен со службы. Государь уже дважды спрашивал, когда кончится дело»¹. Прокурор А. И. Крамаревский спешил изо всех сил, но даже формальные допросы многочисленных обвиняемых, а также свидетелей требовали времени. Петербург же не хотел считаться ни с чем. 24 декабря Бирилев вновь шлет Чухнину телеграмму: «Вчера опять после доклада у Государя о состоянии Черноморского флота Его Императорское Величество спросил меня: “Когда, наконец, будет покончено с этим

изменником?” Еще раз прошу Вас поэтому скорее закончить дело»².

В связи с этим срочно началось разделение обвиняемых на группы. В первую из них вошла наиболее активная часть очаковцев в составе 41 человека во главе со Шмидтом. Их предали суду в первую очередь. Вторую группу составили команды остальных мятежных судов. Третью и четвертую группы – матросы и солдаты – участники восстания на берегу, а в последнюю группу входили гражданские лица.

Адмирал Чухнин, чувствуя себя неуверенно в усмирённом Севастополе, ходатайствовал перед командующим Одесским военным округом бароном Каульбарсом о том, чтобы не проводить суд в самом мятежном городе. «Суд в Севастополе привлечет в этот город массу нежелательного элемента, – аргументированно докладывал он Каульбарсу, – и, возможно, будут какие-нибудь демонстрации и беспорядки, чего надо избежать в крепости при настоящем положении неустойчивости умов в политическом отношении некоторой части жителей. Также прошу Ваше высокопревосходительство, в случае согласия на эту мою просьбу и назначения суда над лейтенантом Шмидтом и другими преступниками в Очакове, в случае смертного приговора Шмидту, привести оный в исполнение в очаковской крепости»³.

Как и предполагал адмирал, руководителя мятежа и трех зачинщиков из числа матросов после завершения судебного разбирательства по первой группе обвиняемых расстреляли весной 1906 г., а в июне этого же года начался процесс над остальными 360 участниками восстания, разделенных, в свою очередь, еще на три группы.

Судебные слушания по первой из трех групп, в которую входили 93 человека начались 4 июня 1906 г. в помещении экипажного суда в Лазаревских казармах в Севастополе. «Защиту вели крупные московские и петербургские адвокаты во главе с Н. К. Муравьевым»⁴, – вспоминал сын одного из защитников И. Л. Андроников. Судебный процесс начался достаточно эмоционально и бурно. «Защита возбудила ходатайство о слушании дела полностью 360 подсудимых, – докладывал шифрованной телеграммой Главному военно-морскому прокурору полковник Ронжин. – Суд отказал. Некоторые подсудимые отказались от присутствия в суде, заявив, что не признают законов, по которым их судят, самого суда, после чего гражданская защита полностью покинула зал. Подсудимые произвели шум и были удалены председателем, кроме 9 человек, пожелавших остаться в суде»⁵.

В телеграмме речь шла о заявлении двух подсудимых Н. Ф. Кассеинова и Кирюхина, которые мотивировали свое нежелание присутствовать в процессе тем, что защита стеснена, а их судят на основании закона, предусматривающего смертную казнь после того, как Государственная дума выступила против ее применения. Причем это

ходатайство последовало после того, как заявления Муравьева и шести его коллег о незаконном порядке предания суду и о незаконности слушания дела о восстании по частям были оставлены судом без внимания.

На этом процессе и сам лидер защиты и каждый из его коллег «настолько пропитывался побуждениями и входил в психологию действующих лиц, – вспоминал Муравьев, – что становился как бы участником события и соучастником обвиняемых (подчеркнуто мною. – Ю. В.). Он совершенно сживался со скамьей подсудимых»⁶. Эту мысль, как нельзя лучше иллюстрирует следующий эпизод. После того, как по указанию суда, опасавшегося эксцессов со стороны обвиняемых, часть зала была отгорожена решеткой, за которую и были помещены подсудимые, адвокаты «вместе с ними вошли в эту клетку»⁷.

Кульминацией противостояния магистратуры и прокуратуры, с одной стороны, и подсудимых и их адвокатов – с другой, стал момент, когда в зал суда не допустили свидетелей, вызванных для дачи показаний защитой. После этого почти все обвиняемые, за исключением 9 человек, «отказались отвечать на вопросы суда, и суд их удалил. Вместе с ними ушли и защитники»⁸, – так описал этот эпизод со слов отца Иракий Андроников. «Создалась коллизия, граждане, говорившие именем народа, и обветшавшие законы и отжившие, мертвые мысли, – рассуждал по этому поводу политический защитник Н. Н. Полянский и задавался вопросом. – Мог ли эту коллизию разрешить формальный суд? Оставался только один выход – тот, которого требовали подсудимые – уйти»⁹. Трудно согласиться с будущим советским профессором-юристом в его оценке законов Российской империи, как «обветшавших», и в том, что мятежные матросы действовали от имени народа. «Потрясенные величием совершающегося, героической решимостью людей, жертвующих жизнью за идею, которой они прониклись, – несколько патетично, но искренне говорил Муравьев, – мы должны были последовать примеру обвиняемых: мы должны были вместе с ними устранить себя из процесса. Понятная каждому невозможность защиты при таких условиях уничтожила последнее сомнение. Мы ушли...»¹⁰.

Демонстративный выход адвокатов из процесса стал к тому времени одним из традиционных методов политической защиты. Но на этот раз Муравьев и его товарищи вынуждены были покинуть зал заседания вслед за своими подзащитными, которые не соглашались остаться в нем, несмотря на все уговоры и доводы защиты о том, что при разборе дела могли бы выясниться несправедливости, которые толкнули матросов на восстание. В ответ на это матрос Кассеинов написал Муравьеву о том, что для них юридические формальности имеют мало значения: «... всевозможные ссылки сторон, выраженные нумерацией статей, о которых никто из нас не только не имеет

представления, что в них говорится, но и не знает о их существовании, да и слишком трудно нашему брату разбираться со всеми юридическими тонкостями в справедливости или несправедливости, – у нас в этом отношении лучший юрист – сердце, которое не совсем еще замуравлено от доступа к нему человечности...»¹¹. Поэтому протест против царского суда, выраженный подсудимыми «от всего сердца», был для них более понятен и приемлем.

В создавшихся условиях Муравьев был вынужден заявить суду от имени защиты о том, что они лишены возможности защищать подсудимых и уходят. Впоследствии в обращении к членам Первой Государственной думы он представил этот демарш как политический вызов режиму, как противоборство представителей «старого» и «нового» мира, выразившееся в том, что подсудимые «... не могут более принимать участия в том, что сторонникам старого отживающего режима угодно называть судом, но где для них, представителей нового мира, воспринявших идею истинного правопорядка, места нет, места быть не должно»¹².

Подобное революционно-популистское противопоставление «истинного правопорядка» легитимному институту магистратуры в устах профессионального юриста выглядит довольно странно. Возможно, этот несколько необычный тон его речи объясняется тем, что он обращался в данном случае к депутатам, а не к судьям. «Но соответствовало ли это в какой-то степени его убеждениям, или он дал себя увлечь риторикой исторического момента? – задается закономерным вопросом Т. И. Угрюмова, и находит такое объяснение. – Безусловно, он восставал против грубых судебных злоупотреблений, проявившихся при подавлении революции; но и профессионально, и по складу характера не в революционном правопорядке, а в лучших традициях и **культуре** русского суда видел он защиту от судебного произвола, о чем высказывался неоднократно...»¹³.

Процесс над севастопольскими моряками проходил во время работы Первой Государственной думы. Депутаты активно обсуждали вопрос об амнистии и единогласно приняли законопроект об отмене смертной казни. Учитывая эти обстоятельства, Муравьев предложил коллегам сделать необычный и смелый шаг. Вместо речи в заседании суда он посчитал возможным выступить с обращением к Первой Государственной думе в защиту подсудимых. Эта идея была поддержана, и адвокаты, не сомневаясь в успехе, отправились в Петербург, оставив в суде только одного «дежурного» адвоката П. И. Корженевского для контроля за дальнейшим ходом процесса.

Тем временем в столице лидер защиты Муравьев обратился к членам Государственной думы с просьбой об амнистии всем участникам восстания. Его выступление даже на фоне популярных оппозиционных настроений прозвучало достаточно

дерзко с недвусмысленным порицанием «...всеми осужденного, всем ненавистного режима»¹⁴. Но мыслил он более широко и заявил, что «к заботам об участии подсудимых для защитников-граждан присоединилась трудная задача: вместе с подсудимыми извлечь из случайной судебной формы скрытый за ней исторический материал и показать стране всю глубину и все значение совершившегося исторического события»¹⁵.

Адвокат обратил внимание депутатов на то, что вместо закона, для этого дела упраздненного, события на этом процессе развивались под диктовку двух представителей севастопольских властей – главного командира флота адмирала Г. П. Чухнина и коменданта крепости генерала В. С. Неплюева. «При нашем участии хотели сотворить расправу над людьми, брошенными на скамью подсудимых без всякого разбора, без необходимого, требуемого законом обряда предания суду...»¹⁶, – констатировал Муравьев.

Пожалуй, самое главное, что хотел донести своим обращением к народным представителям лидер севастопольской защиты, было стремление не допустить «ужас массового убийства». Именно это, по мнению Муравьева, делало процесс исключительным. «Его политическое и нравственное значение всеобъемлюще для всей страны и по другому основанию, – считал он. – Участники ноябрьских событий носят в себе уверенность, что они, выставляя свои ноябрьские требования, делали общенародное дело; это дает им глубокое основание своей правоты, это ставит их дело на недостижимую высоту. Жертвуя собой, они боролись **за интересы народа**, считая **его** дело **своим** делом». В заключение, обращаясь к депутатам, а в их лице и ко всему народу, он пожелал, чтобы теперь о судьбе подсудимых-моряков позаботился весь народ, пусть теперь «...весь народ сочтет их дело своим делом и свяжет их участь со своей участью. Только такое вмешательство спасет их. Отныне севастопольские узники вверяют свою судьбу русскому народу в лице его представителей»¹⁷, – подытожил он.

Однако политическая ситуация изменилась кардинальным и драматическим образом. 9 июня Государственная дума была распущена. Официальное обращение Муравьева к высшему представительному органу страны, упраздненному царским указом, повисло в воздухе. Судьбу «севастопольских узников» их защитники вверили в руки представителей народа, но после 9 июня оказалось, что политическая судьба самих депутатов теперь оказалась в опасности, а после «Выборгского воззвания» бывшие народные избранники сами стали клиентами «молодой адвокатуры». В то же время в отсутствие защиты подсудимым-морякам был вынесен крайне суровый приговор: четверо были приговорены к смертной казни, 32 человека – к ссылке на каторгу, 50 – тюремному заключению и только 7 человек были оправданы.

На этот приговор 31 июля 1906 г. защитниками была принесена кассационная жалоба, «разросшаяся в целую монографию, – уточнял Полянский, – охватывавшая все стадии процесса...»¹⁸. Прежде всего она содержала критику предварительного следствия. Во-первых, некорректным было уже то, что следствие было поручено особой следственной комиссии, которая была образована из офицеров флота и гарнизона, «только что переживших то, что потом в обвинительном акте было охарактеризовано как восстание против властей, то есть против того же самого офицерства, – пояснял двусмысленность ситуации Полянский. – Во главе комиссии стоял командир саперной роты, которая вся целиком присоединилась к мятежу»¹⁹.

Во-вторых, материалы предварительного следствия предъявлялись обвиняемым для ознакомления не целиком, а в извлечениях – по выбору членов комиссии. Таким образом, подсудимый не мог составить полного и объективного представления по существу предъявленного обвинения.

В-третьих, основная правовая коллизия заключалась в том, что 36 человек были преданы суду по законам военного времени приказом коменданта Севастопольской крепости генерала Неплюева «по соглашению» с главным командиром Черноморского флота. В то время как по закону от 9 мая 1905 г. органом предания суду лиц, обвиняемых по ст. 100 Уголовного уложения, согласно ст. 117 Военно-морского судебного устава мог быть только управляющий морским министерством. Без соблюдения этого положения «сидящие за судьейским столом – не судьи, занимающие скамьи обвиняемых – не подсудимые»²⁰, – утверждал Муравьев.

Следовательно, в этой ситуации «вся юридическая конструкция предания суду должна быть сведена к юридическому абсурду, к незнанию законов, или даже к умышленному их игнорированию во вред престижу власти и интересам правосудия»²¹, – отмечалось в кассационной жалобе.

В-четвертых, адвокаты обратили внимание на то, что все дело по Севастопольскому восстанию было искусственно разделено на четыре части, четыре отдельных судебных разбирательства, по каждому из которых проходила одна из четырех групп обвиняемых. Но всем четырем группам приписывался общий преступный умысел и согласованные преступные действия. При такой организации судебного разбирательства, аргументированно заявляли в кассационной жалобе адвокаты, нельзя было доподлинно выяснить, какую роль играл каждый из соучастников в выполнении преступных действий, определить конкретную степень участия и меру ответственности каждого из них²².

В-пятых, в приговоре, по мнению адвокатов, были смешаны понятия восстания с намерением нарушить долг службы и военного подчинения с мятежом, подрывающим государственные устои.

Кроме того, в приговоре не было указано в каких именно насильственных действиях выразились «насильственные посягательства» конкретных обвиняемых. Другими словами, приговор, как утверждали кассаторы, «настолько противоречит закону и юридической логике, что мог служить классическим примером смешения различных уголовных конструкций, которые не дают даже возможности разобраться в конкретной виновности подсудимых»²³.

Наконец, наряду с формальными нарушениями судом были допущены и грубые процессуальные нарушения закона. Приговор не был объявлен публично в зале суда, а был зачитан в камерах арестного дома, причем в отсутствие прокурора. Кроме того, больным из числа подсудимых, находившимся в госпитале, он вообще не был объявлен.

Но эта кассационная жалоба в Сенат не поступила. Назначенный вместо убитого адмирала Чухнина новый командир флота Н. И. Скрыдлов воспользовался предоставленным ему правом подтверждения приговора и самостоятельно рассмотрел кассационную жалобу. Имея в виду требования, изложенные защитниками подсудимых, и не желая усиливать социальную напряженность в гарнизоне и на судах флота, и без того накаленную прошедшим судебным разбирательством и подстрекательской агитацией радикальных партий, он существенно смягчил меры наказания, назначенные приговором. Адмирал Скрыдлов заменил смертную казнь четверым матросам 20 годами каторги, а для большей части остальных осужденных снизил меру наказания на одну треть.

Вместе с тем сразу после завершения первой части судебного разбирательства власти решили форсировать события и провести один большой процесс над всеми оставшимися группами обвиняемых. Правда, этому воспротивился председатель суда. Неизвестно, чем бы закончились эти препирательства, но в дело вмешались революционеры. Из канцелярии суда было похищено и уничтожено многотомное следственное дело. Подозрение на соучастие в этом преступлении пало и на адвокатов. «Место хранения дела было известно всем защитникам и некоторым из подсудимых гражданским лицам, которые допускались в канцелярию для обозрения дела», – докладывал в столицу своему начальнику прокурор Ронжин. Как оказалось, в своих подозрениях он был прав. Спустя несколько лет, уже при советской власти, этот «подвиг» социал-демократов был с гордостью удостоверен: «По делу второй группы партийная организация устроила похищение и уничтожение многотомного следственного производства из помещения суда»²⁴, – подтвердил И. Н. Мошинский в 1927 г. Хотя он и не назвал фамилии участников похищения документов, скорее всего, информацию о месте их нахождения похитителям сообщил, как это и предполагал прокурор, один из защитников. Логично предпо-

ложить, что это были, вернее всего, адвокаты, близкие к революционным кругам, и, наиболее вероятно, один из них – социал-демократ (меньшевик) Н. Д. Соколов.

В связи с утратой материалов дела в августе 1906 г. было возобновлено предварительное следствие, которое закончилось в октябре. На этот раз суду были преданы 260 человек, в том числе 19 гражданских лиц по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 109 Военно-морского устава о наказаниях, ст. 110 Воинского устава о наказаниях, ст. 51 и 100 Уголовного уложения. Процесс проходил с 24 октября по 13 ноября 1906 г. Судебные слушания проходили при закрытых дверях в одном из корпусов флотских казарм. На первом же заседании большая группа подсудимых во главе с И. П. Вороницыным бойкотировала суд и была удалена с процесса. «Защитники прокламируют свою солидарность и тоже покидают зал, – вспоминал Вороницын. – Заседание закрывается...»²⁵. На дальнейших заседаниях суда присутствовала небольшая группа подсудимых и казенных защитников. Суд приговорил троих к смертной казни, 60 – к каторжным работам на срок от 4 до 20 лет, 104 – к исправительным арестантским отделениям, 47 – к отдаче в исправительные батальоны или роты²⁶. Так, в несколько этапов закончился грандиозный судебный процесс над участниками Севастопольского восстания.

Реминисценция. Восставшие матросы повторили судьбу декабристов, сосланных на каторгу. Как известно, вслед за мятежными дворянами в Сибирские глубины последовали их жены. Поразному сложилась их дальнейшая судьба – у кого-то под трогательно-романтической «звездой пленительного счастья», а у кого-то закончилась семейной драмой. И, вот, спустя 80 лет подвиг жен-декабристов повторила простая русская девушка – Наталия Петровна Кассеинова – жена осужденного на 20 лет каторги матроса. В 1907 г. она поехала за ним на «Амурскую колесную дорогу»²⁷. Правда, на этом возвышенно-благородные параллели резко обрываются. Обрадованный приездом молодой жены, революционер Кассеинов забрал все ее деньги и бежал с каторги, оставив «декабристку XX века» в глухом кандалном краю на произвол судьбы²⁸.

Через некоторое время с большим трудом ей все-таки удалось вернуться на родину – в Харьков, но все эти годы ее положение оставалось крайне бедственным. Наконец, летом 1912 г., случайно узнав из газет о приезде в Харьков известного политического защитника, адвоката ее мужа – Н. К. Муравьева, она с трудом нашла его адрес и в последней надежде написала ему письмо. «Зная вашу доброту, я обращаюсь к Вам как к хорошему защитнику войти в мое положение и помочь мне, – писала она Муравьеву, – ибо я в настоящее время лежу больная, все заложила и не знаю, что будет со мной, лишать себя жизни еще жаль, ведь мне всего 29 лет. Неужели мне не помогут добрые

люди», – с отчаянием вопрошала она, издавая крик о помощи. – Помогите Николай Константинович ради Бога, на Вас одна надежда»²⁹.

Это обращение, на мой взгляд, весьма показательно. Как видим, лидеру «молодой адвокатуры» приходилось защищать и помогать материально не только подсудимым борцам с царизмом, но, и, как в этом случае, их женам и родственникам. Можно не сомневаться в том, что Муравьев откликнулся на этот горький призыв и пришел на помощь обездоленной и отчаявшейся женщине – это было в его правилах.

Но в данном случае интересен и тот безмолвный вывод правозащитника, запечатленный красным карандашом на маленьком письме убитой горем женщины. Вполне возможно, этот листок мог бы затеряться среди кипы бодрых, пространных и революционно-правильных посланий ее мужа адвокату Муравьеву, но адресат сделал для себя из всей этой истории однозначный и лаконичный вывод: «ЭПИЛОГ»³⁰, а о матросе-герое Кассеинове предпочитал больше не вспоминать.

Примечания

- 1 Цит. по: Черкашин Г. А. Клянусь Землей и Солнцем: Роман-хроника. Л., 1978. С. 205. В письме к матери от 17 ноября 1905 г. Николай II сообщал: «Какой-то прогнанный со службы офицер – бывший лейтенант Шмидт – провозгласил себя командиром “Очакова”, но после боя бежал, переодетый матросом, и был пойман. Его, конечно, придется расстрелять!» В ответном послании вдовствующая императрица Мария Федоровна назвала П. П. Шмидта «подлецом» и «канальей», с которым «церемониться не надо» (цит. по: Красный архив. 1927. Т. 22. С. 175, 179).
- 2 Лейтенант П. П. Шмидт. Воспоминания сестры. М., 1923. С. 9.
- 3 ЦГА ВМФ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 91. 1905–1906. Л. 32.
- 4 Андроников И. Л. Рукописи Ленинской библиотеки // Наука и жизнь. 1969. № 11. С. 23.

- 5 ЦГА ВМФ. Ф. 407. 1906. Д. 78. Л. 30.
- 6 РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 7(об).
- 7 Андроников И. Л. Указ. соч. С. 23.
- 8 Там же.
- 9 Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958. С. 75.
- 10 Семейный архив Волковых (далее – САВ). Цит. по: Муравьев Н. К. Обращение к Первой Государственной Думе в защиту рядовых участников Севастопольского восстания (Вместо речи в заседании суда) // «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 77.
- 11 ОР ГМТ. Ф. 436. Карт. 8. Ед. хр. 8. Л. 17.
- 12 Муравьев Н. К. Указ. соч. С. 77.
- 13 «Стой в завете своем...» С. 280.
- 14 Муравьев Н. К. Указ. соч. С. 76.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 78.
- 18 Полянский Н. Н. Указ. соч. С. 75.
- 19 Там же.
- 20 Муравьев Н. К. Указ. соч. С. 76.
- 21 ЦГА ВМФ. Ф. 407. 1906. Д. 78. Л. 82.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. М., 1927. С. 66.
- 25 Вороницын И. П. Из мрака каторги. Харьков, 1922. С. 21.
- 26 ЦГА ВМФ. Ф. 407. 1906. Д. 78. Л. 102–109.
- 27 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 436. Карт. 8. Ед. хр. 9. Л. 1об.
- 28 Там же.
- 29 Там же. Л. 2об.
- 30 Там же.

УДК 351.74(470–89)«18/19»

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ И ЕЕ МЕТОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ТЕРРОРИЗМУ (XIX – начало XX века)

Д.В. Рязанов

Саратовский юридический институт МВД России,
кафедра истории и философии
E-mail: redpp@mail.ru

В статье автором рассматривается процесс становления системы противодействия революционному терроризму в России XIX – начала XX в. Развитие террористической

практики в рамках заговорщического направления длительное время опережало развитие полиции, оказавшейся не готовой к противоборству. Проанализированы приемы охраны высших сановников империи и показаны причины их малой результативности. Раскрывается незаконность ряда способов получения информации о планах террористических организаций (доносов, перлюстрации и секретной агентуры). Показано, что слабая эффективность мер во многом определялась низкой

степень компетенции руководителей политического сыска, неправильным пониманием стратегии развития и тактики действия политической полиции в целом.

Russian Police and its Methods in the Context of Counteraction to Revolutionary Terrorism (the XIXth – beginning of the XXth century)

D.V. Ryazanov

In this paper the author considers the process of establishing the system of counteractions against revolutionary terrorism in Russia of the XIXth – the beginning of the XXth century. The development of terror practices as one of the branches of conspiracy activities was far ahead the developing of the police structure that was still unable to fight against terrorism. The methods of organizing personal security service of the top state officials being analyzed, the reasons of their poor effectiveness are shown. The author reveals illegality of certain ways of obtaining the information about the intentions of terrorist groups (denunciation, perustration, secret agents' work). The paper shows that non-effective results of police measures are mostly explained by the poor competence of its political detection management and misunderstanding of strategies and tactics of security police activities.

«Мы вызовем вас на террор и раздавим»
С.В. Зубатов

Терроризм как тактика силового устрашения правительственных сфер сформировался в российском революционном движении под воздействием совокупности внутренних и внешних обстоятельств¹.

В теории этот прием впервые был использован участниками тайных обществ первой четверти XIX в.² Исследователи эпохи близки в оценках, утверждая, что Отечественная война 1812 г. «дала целому поколению русской дворянской молодежи тот жизненный опыт, который привел мечтательных патриотов начала XIX века на Сенатскую площадь»³.

Образование первых тайных обществ способствовало актуализации вопроса о переустройстве государственной сферы на новых принципах социальной справедливости, уже известных Европе, но не выполнимых в условиях неограниченного абсолютизма России.

Сознательный отказ от привлечения народа, продиктованный страхом повторения «ужасов» Французской революции и отсутствием в политической традиции страны примеров позитивной народной активности, подводил будущих декабристов к идее захвата власти путем заговора. В этом случае возникала необходимость решения судьбы монарха и членов августейшей фамилии.

Рассматривая план царевубийства сначала в контексте тираноборческой традиции, а затем как компонент грядущего военного выступления, заговорщики использовали и террористическую тактику для устрашения высшего общества и правительственных сфер, укрепления дисциплины внутри самих тайных организаций⁴.

Разгром декабристского движения позволил правительству на некоторое время прервать раз-

витие противоправительственных настроений в гвардии, выдвинувшейся в тот момент на передовые рубежи общественной жизни. Их преемники – немногочисленные кружки оппозиционно настроенной молодежи 30–40-х гг., сумели востребовать духовное завещание, оставленное поколением «14-го декабря». Переосмыслив полученный опыт, они применили его к условиям николаевского царствования. «Свирепые наказания мальчиков 16–17 лет, – вспоминал спустя годы участник тех событий А.И. Герцен, – служили грозным уроком и своего рода закалом; занесенная над каждым звериная лапа, шедшая от груди, лишенной сердца, вперед отводила надежды на снисхождение к молодости. Шутить либерализмом было опасно, играть в заговоры не могло прийти в голову. За одну дурно скрытую слезу о Польше, за одно смело сказанное слово – годы ссылки, белого (т.е. солдатского. – Д.Р.) ремня, а иногда и каземата; потому-то и важно, что слова эти говорились, и что слезы эти лились»⁵.

В условиях неограниченного самодержавного правления, замыкавшего все нити управления и все правительственные инициативы на воле самодержца, возврат к идее царевубийства был только вопросом времени. Это время было необходимо новому поколению для преодоления нравственного барьера, отделявшего оппозиционно настроенного интеллигента от готового на самые решительные действия (вплоть до убийства) политического радикала. В начале 1840-х гг. на этой почве происходит возрождение заговорщического направления, вновь востребовавшего тактические приемы тираноборческой традиции⁶.

Собрания кружка братьев Критских (1827 г.)⁷ и «преступного сообщества» петрашевцев (1846 г.), загадочное покушение ишутинца-одиночки Д. Каракозова (1866 г.) и отдающая уголовщиной «Нечаевская история» (1869 г.) способствовали идеологическим и тактическим поискам сторонников концепции заговора.

Для 70–80-х гг. были характерны уже идеи систематического индивидуального террора, служившего прологом к революционизации народных масс и захвату власти глубоко законспирированной революционной партией.

В апогее революционного насилия, наступившем в годы первой русской революции, терроризм становится массовым проявлением идеи политической борьбы с самодержавием, на своем пике переросшем в мелкую уголовщину «эксков».

В 1905–1908 гг. публикуемые прессой многочисленные списки «рядовых» жертв среди мирного населения, от лица которого и во имя которого якобы действовали народные мстители⁸, лучше всего свидетельствовали о вырождении идей тираноцида и революционизирующего террора в уголовную вакханалию массового насилия. В этом заключалось «своеобразие» момента, подмеченное современниками событий.

Ну а что же политическая полиция? Обладая многочисленным и разветвленным аппаратом, полиция не раз на протяжении столетия противостояла планам заговорщиков. Причины, по которым замыслы террористов достигали успеха, а также малая эффективность мер, предпринимавшихся всеильными руководителями борьбы с крамолой, во многом определялись недостаточной степенью компетенции руководящего состава⁹, неправильным пониманием стратегии развития и тактики действия политической полиции. В многочисленных исследованиях темы не раз отмечался консерватизм системы, ее инертность, слабый профессиональный уровень сотрудников. Поскольку роль кадрового вопроса в стратегии развития политической полиции – объект самостоятельного исследования, автору хотелось бы остановиться на методах организации работы политической полиции, используемых в отношении террористических организаций – главной угрозы **личной безопасности** столпов имперской политики и самодержавия.

В первой половине XIX в. способы получения информации о неблагонадежных подданных и противоправительственных сообществах не отличались оригинальностью и новизной. Донос и наружное наблюдение были широко известны и ранее, в XVIII столетии, когда они повсеместно использовались и поощрялись властями. Внутренняя секретная агентура, наоборот, стала новым и любимым детищем всеильных руководителей политического сыска, получившим повсеместное распространение на рубеже XIX–XX вв.

Донос, или «извет» (старорус. – *Д.Р.*), имел глубокие «корни» в национальной истории¹⁰. В XIX в., как и двести лет тому назад, закон по-прежнему вменял в обязанность российским подданным доносить в каждом случае, если они становились свидетелями совершившегося или готовящегося преступления¹¹.

При этом власти действительно могли рассчитывать на поступление конфиденциальной информации, изобличающей явные и мнимые преступные сообщества¹². Вся история тайных обществ и кружков XIX столетия была наполнена примерами доносов, сыгравших в их судьбе роковую роль¹³.

К собственно специально-полицейским приемам получения информации относились наружное наблюдение и секретная внутренняя агентура¹⁴.

Использование агентов наружного наблюдения (филеров) позволяло определить по связям членов группы, ее структуру и в некоторых случаях возможные планы организации. Специфика данного источника информации заключалась в получении сведений от агентов, постоянно соприкасавшихся с революционной средой, но не входивших в нее.

Для филерской службы отбирались преимущественно армейские унтер-офицеры запаса не старше 30 лет. Кандидаты на должность помимо физического здоровья должны были обладать высокими моральными качествами (что имело место далеко не всегда, особенно в провинции. – *Д.Р.*), быть политически благонадежными, наблюдательными и без бросающих внешних примет. Принимаемые на службу проходили двухнедельные испытательные курсы и зачислялись на службу, которая долгое время велась по старинке, без какой-либо серьезной подготовки сотрудников.

В 60–70-е гг. по мере формирования типажа профессионального революционного деятеля наружное наблюдение становилось все более сложным занятием. Это требовало от сотрудников специальных знаний, для приобретения которых было необходимо значительное время¹⁵. Большинство опытных революционеров времен второй «Земли и воли» и «Народной воли» имели навыки конспиративной работы на нелегальном положении, позволявшие уходить от наблюдения¹⁶.

В зависимости от объекта работа филеров предполагала наблюдение за определенным лицом, что, как правило, использовалось для установления круга контактов лиц, находящихся под подозрением полиции. Несмотря на свою простоту, этот прием при умелой организации дела позволял получить превосходные результаты¹⁷.

В апреле–мае 1882 г. этот прием с успехом использовал в столице Г.П. Судейкин для выявления структуры Центральной группы партии «Народная воля», готовившей на него покушение. «За нами не ходили шпионы, – вспоминал народоволец А.В. Прибылев, – не подсматривали, за немногими исключениями, за каждым нашим шагом. Нет, все шпионы в костюмах околоточных надзирателей были расставлены на перекрестках и замечали каждого из нас, проходившего мимо них. Они отмечали в своих книжках, кто из нас и в каком направлении отправлялся, когда и с кем виделся и пр. <...> Такой надзор, не бросающийся в глаза выслеживаемому, давал полную картину наших действий Судейкину»¹⁸.

Другим вариантом использования наружного наблюдения являлась непосредственная охрана должностных лиц. Подобного рода деятельность велась при проездах императора и членов его августейшей фамилии, высших должностных лиц, а также в отношении тех, на кого, по сведениям полиции, могло быть совершено покушение. Развивая это направление, 20 декабря 1883 г. была учреждена специальная охранная агентура. Охранники по роду возлагаемых на них служебных обязанностей разделялись на постовых и местных. Для первых обязанности заключались «в предотвращении злодейских покушений путем непосредственного, личного наблюдения в районе поста за всеми, почему-либо возбуждающими подозрение лицами, появляющимися на улицах или же часто замечаемыми у окон и на балконах

уличных фасадов. Местные же агенты, избираемые преимущественно из околоточных надзирателей, обязаны следить за всеми подозрительными лицами, проживающими в определенном для наблюдения районе столицы»¹⁹.

Во второй половине 1880-х гг. только в столице для охраны мест, посещаемых членами августейшей фамилии, выделялось около 300 филеров охранной агентуры, работавших в три смены на 98 постах. Они же, помимо казаков Е.И.В. конвоя и специально созданной для защиты императора охранной стражи²⁰, сопровождали царский кортеж при поездках в другие города.

Третьим направлением работы филерской службы было стационарное наблюдение за определенными местами. Этот прием использовался полицией в начале XX в. при охране высших сановников, за которыми вели наблюдение террористы, или в ситуациях, когда удавалось установить конспиративные квартиры революционной организации. При этом в зависимости от ситуации наблюдателей-подпольщиков либо спугивали специальные агенты, которые настолько плотно садились «на хвост», что не заметить слежку не мог даже дилетант²¹, либо после выявления конспиративных связей и состава группы террористов предпринимались шаги по ее ликвидации.

Все эти приемы были настолько эффективны, насколько опытными являлись противостоящие полиции террористы. В ряде случаев полиции удавалось предотвратить покушения. Так, благодаря тщательно организованному наблюдению зимой 1906 г. была выявлена и задержана группа подозрительных лиц, и тем самым предотвращено покушение на жизнь саратовского губернатора графа Тагитцева²². Этот пример – редкое исключение. Как правило, охота террористов за высшими должностными лицами империи заканчивалась успешнее. Единственным эффективным способом избежать теракта становился домашний «арест» сановника, запираемого в четырех стенах под надежной полицейской охраной до тех пор, пока боевики, не отчаявшись найти к нему подход, сами отказывались от попытки совершить покушение²³.

При умелой постановке дела филеры доставляли ценные сведения, подтверждавшие информацию секретных агентов (о них речь пойдет ниже. – Д.Р.). Знаменитая московская школа филеров, возглавлявшаяся Е.П. Медниковым, имела в составе «Летучего отряда» (1890–1902 гг.) сыщиков, способных за счет опыта и интуиции безошибочно распознавать в толпе обывателей лиц, причастных к революционной деятельности²⁴. Перебрасываемый по мере необходимости из города в город «Летучий отряд» помогал местным ГЖУ и полицейским командам в организации наблюдения за революционным подпольем.

Однако в большинстве случаев в деле противодействия террористам политическая полиция проявляла некомпетентность, граничащую

с халатностью. По подсчетам современного исследователя, только жертвами боевиков партии социалистов-революционеров (ПСР) за период с 1901–1911 гг. стали: 2 министра; 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора; 16 градоначальников, начальников окружных отделений, полицмейстеров, прокуроров; 7 генералов и адмиралов, 15 полковников²⁵.

Настоятельная потребность в достоверной информации о планах противоправительственных организаций, в особенности тех из них, которые считали допустимым использование террористических методов борьбы с самодержавием, способствовала развитию совершенно секретной внутренней агентуры.

На протяжении XIX столетия практика применения секретных агентов прошла путь от безуспешных попыток проникнуть в тайные общества декабристов²⁶ до массового внедрения в структуру всех оппозиционных организаций в годы первой революции.

Уже в начале столетия отчетливо проявились черты низкой агентурной организации сысского дела, с небольшими исключениями просуществовавшие до начала XX в. «Разнородные полиция, – вспоминал о 1810-х гг. член Северного общества Г.С. Батеньков, – были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуместь под словами карбонарии и либералы, и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, их доносы обрабатывали, как приходило в голову»²⁷. Отметим то пренебрежение, которое высказал в этих строках образованный офицер по отношению к низкому ремеслу полицейского агента. Подобный взгляд не раз проявится и у тех, кто по долгу службы, должен был способствовать развитию секретной агентуры.

Известно, что как сам всемогущий хозяин III отделения граф А.Х. Бенкендорф, так и его правая рука – Л.В. Дубельт, презирали агентов-доносчиков, рассчитываясь с ними, исходя из сумм в 3, 30, или 300 рублей в память о 30 сребрениках, за которые Иуда продал Христа. А.Х. Бенкендорф писал: «Всякий порядочный человек сознает необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления. Но всякий опасается полиции, опирающейся на доносы и интриги»²⁸.

В других случаях жандармы (в прошлом кадровые офицеры. – Д.Р.) сами выдавали своих осведомителей из презрения к их грязному ремеслу. В 1840 г. жандармский генерал А.А. Сагтынский предупредил А.И. Герцена о возможных последствиях его неосторожных высказываний при «посторонних», а в 1848 г., являясь помощником Дубельта, раскрыл перед задержанными участниками кружка Петрашевского тайну имени агента

Антонелли²⁹. Интересно, что подобное негативное отношение к секретным агентам разделяли и рядовые сотрудники. «Вопреки толкам многих, – писал в одном из своих донесений наблюдавший за московскими изданиями Н.А. Кошинцев, – в публике наблюдение благородное никогда не унижится до шпионства: тут все доводится до света, там – мрак сомнения, пристрастия, пороков. Наблюдение необходимо, а шпионство – верное зло: это – подкуп, следственно, порча нравов, поколебание правил, шаткость обязанностей»³⁰.

К середине столетия ситуация фактически не изменилась. В записке управляющего III отделением А.Ф. Шульца к исполняющему должность шефа жандармов генерал-лейтенанту Н.Д. Селивестрову от 10 августа 1878 г. отмечалось: «...с первых времен учреждения III отделения не выдвигалось потребности в учреждении секретной агентуры в обширных размерах. Лишь с конца пятидесятих и начала шестидесятих годов за появившимся брожением среди молодежи обращено внимание на эту отрасль деятельности, и тогда уже возникла секретная агентура»³¹.

Таким образом, ее организация совпала с периодом нового подъема интереса учащейся разночинской молодежи к социализму, заговорщической традиции и терроризму как одному из тактических средств революционизации пассивных народных масс. Не разрешенные «Великими реформами» социально-экономические противоречия способствовали не только новому количественному росту участников революционно-демократического движения, но и качественному его изменению, началу новых поисков в тактике и стратегии борьбы подпольной России. В сложившихся условиях, по словам Л.А. Тихомирова, «идея заговора оставалась на бумаге и мало-помалу затухала, а идея террора все росла и усиливалась»³². К этому III отделение, как показали события, оказалось не готовым.

Уже выстрел Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. продемонстрировал всю беспомощность «высшей полиции», даже не подозревавшей о возможности такого покушения, не имевшей ни сил, ни средств, ни навыков для охраны императорской особы от террористов³³.

Руководителям III отделения пришлось на ходу перестраивать работу некогда всесильной системы политического сыска. В этих условиях расширение использования секретной внутренней агентуры превращалось в наиболее важный источник информации о планах и деятельности террористов. Однако для осознания этого потребовалась не просто кадровая реорганизация, но модернизация всей системы политического сыска, начавшаяся в период «бархатной диктатуры» М.Т. Лорис-Меликова и завершенная в годы руководства Департамента полиции МВД В.К. фон Плеве.

Благодаря кадровому чутью нового директора Департамента на руководство оперативной работой

были привлечены подлинные профессионалы-практики, сумевшие внести системность в организацию дознаний по государственным преступлениям. Благодаря Г.П. Судейкину, а после его гибели – С.В. Зубатову, П.И. Рачковскому, А.В. Герасимову и др., внедрение секретных сотрудников в революционные организации к началу XX в. превратилось из единичных примеров в отлаженную систему. В результате была образована новая структура получения оперативной информации, в которой закреплялось, что «главным и единственным основанием политического розыска является внутренняя, совершенно секретная и постоянная агентура», состоящая из агентов внутреннего наблюдения, секретных сотрудников и вспомогательных сотрудников или осведомителей³⁴. В инструкции по организации агентурной работы Московского охранного отделения отмечалось, что «секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может»³⁵.

Несмотря на настоятельные рекомендации, поступающие на места из Департамента полиции, основной штат агентуры формировался из секретных и вспомогательных сотрудников, получавших незначительное вознаграждение за оказываемые услуги.

Агенты, чье жалованье достигало нескольких сот рублей в месяц, как правило, входили в центральные звенья оппозиционных партий, поставляя ценную информацию о партийной стратегии и тактике, планах вооруженных выступлений, готовящихся террористических акций и экспроприациях³⁶. Современные исследователи оценивают их численность приблизительно в 50 человек³⁷. Именно их работа, являясь наиболее информативной для Департамента полиции, в силу специфики положения агента подводила его к грани, за которой он превращался в провокатора, то есть лицо, сознательно преступившее закон.

Проблема незаконности подобных действий была поставлена в русской юридической литературе еще в 70-х гг. XIX в., когда, стремясь определить место среди аналогичных составов (соучастие, пособничество), юристы стали квалифицировать провокацию через подстрекательство к преступлению³⁸.

В этом случае, как считали некоторые из юристов, разница между сотрудником полиции и агентом-провокатором³⁹ состояла в том, что «первый раскрывает уже совершенные, предупреждает готовящиеся преступления, а второй их создает с тем, чтобы выдать исполнителей»⁴⁰. Это утверждение требует комментария. Дело в том, что политическая полиция, нуждаясь в информации о деятельности оппозиции, не была заинтересована в развитии провокации, страшные слухи о преступлениях которой ходили в либеральной среде и подрывали престиж властей. Для борьбы с оппозицией использовалось репрессивное законодательство⁴¹, позволяющее осуждать даже за *умы*

сел к преступлению. Опираясь на чрезвычайные законы, карательная система могла обрекать на годы каторги мирных пропагандистов, отправлять на виселицу террористов и тех, кто выказывал им сочувствие. Сами жандармы при этом могли практически не заботиться о доказательной силе предъявляемых обвинений⁴².

И все же, несмотря на неоднократные заявления высшего руководства МВД⁴³, провокация существовала. Объяснить это можно несколькими обстоятельствами.

Во-первых, то положение, которое занимал секретный сотрудник в революционной организации, предполагало вполне определенное его участие в нелегальной деятельности. Причем чем выше он поднимался по партийной лестнице, тем большим должен был быть его вклад в общее «дело» революции. Это положение входило в противоречие с инструкциями, согласно которым от секретных сотрудников требовались действия по смягчению революционного движения и недопущению ситуаций, ответственность за которые несли бы другие лица и даже невиновные⁴⁴.

Выход из щекотливого положения виделся в тесном контакте агента с курировавшим его жандармским офицером. На практике же получалось, что этот вопрос решался на свой страх и риск либо самим агентом, либо неискушенными в юридических тонкостях, нередко преследующими свои корыстные цели жандармами⁴⁵.

Во-вторых, провокация произрастала на почве морального разложения, беспринципности и корысти, ярко проявлявшимися у маргинальной части революционного подполья. А.И. Спиридович не лукавил, когда записал в своих мемуарах, что «не жандармерия делала Азефов и Малиновских, имя же им легион, вводя их как своих агентов в революционную среду; нет, жандармерия выбирала лишь их из революционной среды». И далее: «Их создавала сама революционная среда. Прежде всего они были членами своих революционных организаций, а уже затем шли шпионить про своих друзей и близких органам политической полиции»⁴⁶. Однако обелять охранку, перекладывая всю вину на противоборствующий лагерь, было бы глубочайшим заблуждением.

Своим массовым появлением провокация была обязана именно полиции. Без завербованных агентов охранка не могла получать исчерпывающую информацию о планах террористов, с невиданной дерзостью и целеустремленностью охотившихся на министров, в том числе и МВД. Это понимали министры, это использовали руководители Особого отдела Департамента полиции, организуя работу на местах, этим злоупотребляли в ГЖУ, ЖПУ, РОО, ОО и розыскных пунктах в провинции.

Чтобы отрапортовать о блестящих победах над крамолой, полиция шла на прямое участие в провокациях, организуя подпольные типографии и налаживая распространение нелегальной

литературы с помощью секретных сотрудников; создавала каналы по транспортировке из-за границы оружия для боевых групп⁴⁷.

Чтобы выслужиться перед начальством и заработать, агенты сообщали о планировавшихся на царя и его министров дерзких покушениях при помощи отравленных пуль и динамита, автомобилей и аэропланов, а поскольку министров отстреливали как зайцев, любым небылицам агентуры охотно верили, разрешая преступать через инструкции Департамента.

Так, министр внутренних дел В.К. Плеве «благословил» вхождение своего лучшего агента Е. Азефа в Боевую организацию эсеров, нарушая тем самым строжайшие инструкции, запрещающие секретным сотрудникам активную (тем более террористическую!) нелегальную деятельность⁴⁸. За это он заплатил своей жизнью⁴⁹. Но без секретной агентуры полиция обойтись не могла. И вот уже П.А. Столыпин, по просьбе А.В. Герасимова, дает «добро» на то, чтобы Е. Азеф лично возглавил БО⁵⁰!

Появление двойных агентов во времена массового революционного насилия, втянувшего в кровавые игры даже детей (из которых революционеры вербовали на будущее – экзальтированных героев-мучеников, а охранка – послушных агентов)⁵¹, дискредитировало методы работы полиции, нанеся непоправимый моральный вред, разложило ее изнутри.

И в это же самое время общество, устав от крови, потеряв способность сопереживать все новому и новому насилию, отворачивается от недавних героев-тираноборцев, постепенно выродившихся в мелких уголовников-экспроприаторов, которые «... от убийства для идеи переходили к краже денег для облегчения идейного убийства... сама кража денег тоже сопровождалась убийством почтальонов, кондукторов, артельщиков, кассиров и т.п. <...> постепенно кражи и убийства при них и ради них из “эксос” для идеи превратились в “экссы” для себя»⁵².

Спад террористической деятельности, наметившийся к 1911 г., стал следствием потери радикалами общественной поддержки, лишившей революционных мстителей своей апатией и равнодушием морального права карать тиранов.

«Оппозиция против правительства, – запишет в дневнике современник событий В.О. Ключевский, – постепенно превратилась в заговор против общества. Этим дело русской свободы было передано из рук либералов в руки хулиганов»⁵³.

Политической полиции не удалось поставить точку в деле борьбы с терроризмом. Многочисленные успехи террористов свидетельствовали о полном провале всей системы наружной охраны⁵⁴ и секретной агентуры, не сумевшей предупредить и защитить распадающуюся систему. В этом противоборстве «III отделение не смогло воспрепятствовать разгулу терроризма, Департамент полиции – спасти трон. Оба они оказались в

состоянии конфронтации с обществом, «утратили доверие обывателя», который стал относиться к полиции «с явной враждебностью»⁵⁵.

К сожалению, как свидетельствует история спецслужб, наиболее эффективными в оперативной работе оказываются наименее законные методы получения информации (перлюстрация, вербовка агентов, шпионаж), подрывающие гражданские основы демократического общества.

В этом неумолимом «повторении истории» заключается подлинная трагедия страны, разобщенное общество которой вновь переживает волну терроризма. Исторический урок следует извлечь и правоохранительным органам, вновь, как и сто лет тому назад, борющихся и с терроризмом, и за доверие россиян.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Рязанов Д.В.* Идеи тиранцида в политической и правовой культуре России XIX– начале XX в. // *Правовая культура.* 2006. № 1.
- 2 См.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М., 1997. С. 103–120.
- 3 *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1996. С. 314; *Лапин В.В.* Семеновская история. Л., 1991. С. 66–67.
- 4 Подробнее см.: *Артамонов Д.С.* Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 15.
- 5 *Герцен А.И.* Былое и думы. Части 1–3. М., 1973. Т. 1. С. 159.
- 6 Об этом см.: *Исаков В.А., Исакова И.П.* Концепции заговора в радикальной социалистической мысли России 1840–1880-х годов: опыт периодизации и типологизации // *Отечественная история.* 2006. № 6. С. 164–165.
- 7 Его участники планировали, лет через десять, приступить к истреблению царской фамилии, а пока запасались впрок оружием: турецким ятаганом, кинжалом, охотничьим ружьем. См.: *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т. 2. С. 418–423.
- 8 По подсчетам А. Гейфман, только от террористических акций, осуществленных партией эсеров в России, пострадали с 1901 по 1911 гг. около 17 тыс. чел., из которых только в 1905–1907 гг. террористами было убито и ранено 4500 государственных служащих различного уровня. При этом мирных обывателей было убито 2180 и ранено 2530 человек (*Гейфман А.* Революционный терроризм в России, 1894–1917. М., 1997. С. 31).
- 9 Руководящий состав III отделения набирался преимущественно из высшего кадрового состава армии (из 7 главнуправляющих ни один не имел юридического образования и оперативного опыта работы). Среди министров внутренних дел к концу XIX – началу XX в. процент юристов был достаточно высок (32 % от числа всех руководителей министерств). Это позволяло министерству занимать почетное второе место в «рейтинге» госучреждений после министерства юстиции и финансов, среди которых руководителей-юристов было по 47%. При этом из 13 директоров, руководивших ДП МВД с 1881 по 1911 г., 11 имели базовое юридическое образование с опытом не оперативной, а прокурорской работы.
- 10 Еще в «крестоцеловальных» грамотах XV в. между великими московскими князьями и перешедшими им на службу удельными князьями и боярами специально оговаривалась обязанность сообщать, «где которого лиходея государя своего взведаю или услышу на государя своего лихо или от кого ни буди что взведаю или услышу, и мне то сказати своему государю великому князю безо всякие хитрости по сей укрепленной грамоте». Цит. по: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск в России в XVIII веке. М., 1999. С. 150.
В Уложении Алексея Михайловича вновь была подтверждена обязанность подданных доносить на государственных преступников. На важность роли извета указывало и обилие статей, регламентирующих его порядок и предусматривающих суровое наказание за недоносительство (ст. 19.) или ложный донос (ст. 12, 13.), а также награду «правильному» доносителю (гл. 15.) в размере, «что государь укажет».
- 11 Подробнее об этом см.: *Бурашев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 80–81.
- 12 Только за два месяца, после декабрьских событий 1825 г., в военном ведомстве было получено около 200 доносов о неблагонадежных лицах и существующих в империи тайных обществах. Подробнее см.: *Мандрыкина Л.А.* После 14 декабря 1825 года (1825–1827) // *Освободительное движение в России.* Саратов, 1986. Вып. 11. С. 42.
- 13 Например, доносы библиотекаря гвардейского Генерального штаба М. К. Грибовского, сообщавшего властям о существовании в армейской среде тайного общества в мае 1820 г.; унтер-офицера 3-го Украинского полка И.В. Шервуда, донесшего о заговоре на юге (июль 1825 г.); капитана Вятского полка А.И. Майборды, назвавшего имена 46 членов Южного и Северного обществ (декабрь 1825 г.).
С доноса начиналось и крупнейшее «дело» николаевского царствования о кружке сына известного петербургского врача Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского (март 1848 г.) (*Венгеров С.* Петрашевцы // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.* СПб., 1894. Т. XXIII. С. 450).
С оговоров В.А. Меркулова, И.Ф. Окладского, «откровенных» показаний Г.Д. Гольденберга, положенных в основу обвинительных актов, начинался разгром партии «Народная воля» (*Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983. С. 86–87).
В начале XX в. роль информации, поступающей от благонамеренных доносителей, еще более возросла, что особенно заметно в годы первой русской революции.
- 14 Перлюстрация отводилась важная роль в деле профилактики антиправительственных настроений и организации розыска. Противозаконная по своей природе, она не имела законной силы в суде и не играла значительной роли в деле противодействия террористам (*Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 61).

- ¹⁵ По авторитетному мнению П.П. Заварзина, «профессиональная сообразительность и наблюдение “без провала” вырабатывались у филеров только через два года» (Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Воспоминания. Париж, 1924. С. 34).
- ¹⁶ Особенно пока революционеров оберегал конспиративный талант А.Д. Михайлова являвшегося «по совокупности данных... идеальным для своего времени конспиратором» (Троицкий Н.А. «Дворник»: народовец Александр Михайлов // Освободительное движение в России. Саратов, 1999. Вып. 17. С. 53–66).
- ¹⁷ Поступавшие в полицию сведения ложились в основу картограммы наблюдения, прилагавшейся к каждой тетради сотрудника наблюдения. В ее центре помещался кружок с фамилией и кличкой объекта, затем шли лица, составлявшие круг его связей. Если между лицами замечались параллельные контакты, то кружки взаимно соединялись, также на схеме отмечались все даты посещений и производившихся арестов.
- ¹⁸ Прибылев А.В. Записки народовольца. М., 1930. С. 47. За эту операцию Судейкин был премирован 15 тысячами рублей.
- ¹⁹ Полиция России: Документы и материалы. 1718–1917 гг. / Авт.-сост.: А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев, Б.В. Чернышев, А.В. Лобанов. Саратов, 2002. С. 222.
- ²⁰ Охранная стража была сформирована 2 мая 1866 г. для личной охраны царя и членов августейшей фамилии после покушения на Александра II Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. Подробнее см.: Глебов С.С. Охранная стража и ее роль в системе политической полиции Российской империи в 1866–1881 гг. // История государства и права. 2006. № 1.
- ²¹ «Для этой цели, – вспоминал А.В. Герасимов, – у нас имелись особые специалисты, настоящие михрютки... Уважающий себя филер на такую работу никогда не пойдет, да и нельзя его послать: и испортит, и себя кому не надо покажет» (Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 86).
- ²² Саратовский комитет ПСР готовил его убийство на 6 декабря 1906 г. во время проезда губернатора в собор или по возвращении его с торжественной службы по случаю годовщины коронации. См.: Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Ч. 1. С. 181.
- ²³ См.: Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 201–202.
- ²⁴ См.: Белокопский Н.П. «Гороховое пальто»: Памятная книжка профессионального шпиона // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 290–312.
- ²⁵ См.: Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С. 34.
- ²⁶ Особенности общественных нравов и представлений о чести, присущих офицерской дворянской среде в тот момент стали поистине непреодолимым препятствием для создания агентурной сети в армии Александровской эпохи.
- ²⁷ Цит. по: Троицкий И. М. III отделение при Николае I. Л., 1990. С. 26.
- ²⁸ Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 52–53; Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855. М., 2005. С. 234.
- ²⁹ См.: Лемке М. Николаевские жандармы и литература: 1826–1855. Б.м., 1908. С. 122–133; Чукарев А.Г. Указ. соч. С. 234.
- ³⁰ Измозик В.С. Политический розыск ведет III Отделение (1826–1880 годы) // Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб., 2002. С. 258.
- ³¹ Цит. по: Абакумов О.Ю. Методы политического сыска: агентурный надзор (из истории III отделения на рубеже 1850–1860-х гг.): Учеб. пособие. Саратов, 1998. С. 4.
- ³² Тихомиров Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 122.
- ³³ До этого момента в охране императорской семьи были задействованы дворцовая полицейская команда (30 городовых, которые несли патрульную службу вокруг резиденции), отставные унтер-офицеры гвардейских полков, привлекавшиеся к охране загородных дворцов и казаки из собственного Е.И.В. конвоя, сопровождавшие царские выезды. Каждое в отдельности и все вместе, включая многочисленную гвардию, эти подразделения никогда до этого не ориентировались на защиту священной особы государя от нападения террористов.
- ³⁴ В инструкциях давались четкие разъяснения по поводу классификации агентуры. В ее состав входили «лица, непосредственно состоящие в каких-либо революционных организациях (или прикосновенных к последним), или же лица, косвенно осведомленные о внутренней деятельности и жизни хотя бы даже отдельных членов преступных сообществ. Такие лица, входя в постоянный состав секретной агентуры, называются “агентами внутреннего наблюдения”. Таково общее понятие, которое сейчас расчлениется: агенты, состоящие в революционной организации, <...> именуются “секретными сотрудниками”. Лица, не состоящие в организациях, но соприкасающиеся с ними, исполняющие различные поручения и доставляющие материал по партии, в отличие от первой категории, называются “вспомогательными сотрудниками или осведомителями”. Осведомители делятся на постоянных, доставляющие сведения систематические, и случайных, доставляющие сведения маловажные, не имеющие связи. Осведомители, доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но за плату, за каждое отдельное свое указание, называются “штучниками”». Цит. по: Павлов П. [Щеголев П.Е.] Агенты, жандармы, палачи. По документам. Пг., 1922. С. 6.
- ³⁵ Цит. по: Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. М., 1918. С. 8.
- ³⁶ Например, Е.Ф. Азеф в расцвете своей «карьеры» получал в месяц 500 руб., Р.В. Малиновский – около 500 руб., А.И. Лобов – от 100 до 750 руб. См.: Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 24; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Революция и нравственность // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 9.
- ³⁷ См.: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 9.
- ³⁸ Для квалификации провокации служила ст. 120. Уголовного уложения, по которой под подстрекательством понималось побуждение лица или группы лиц к со-

- вершению преступных действий или покушение к ним. Подробнее см.: Жукова Л.В. Провокация с позиции законности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. 1996. № 2. С. 30–31.
- ³⁹ Как отмечают исследователи, термин «агент-provocateur» в русском языке до революции 1905–1907 гг. практически не встречался, но использовалась иная транскрипция его написания – «agent-provocateur» см.: Жаров С.Н. Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи // История права и государства. 2001. № 5. С. 189; Жукова Л.В. Указ. соч. С. 30.
- ⁴⁰ Там же. С. 36. Командир Корпуса жандармов П.Г. Курлов отмечал, что «провокация – есть организация или пособничество к преступлению в целях личного успеха и выслуги перед начальством» (Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 120).
- ⁴¹ В первую очередь это законы 19 мая 1871 г., 7 июня 1872 г. и 9 мая 1878 г., определившие особый порядок рассмотрения политических преступлений; законы от 9 августа 1878 г. и 8 апреля 1879 г., регламентировавшие особый порядок передачи дел о государственных преступлениях в военный суд; положение 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Наконец, учреждение военно-полевых судов (20 августа 1906 г.), при условии очевидности преступления вообще отменивших необходимость даже предвзятого предварительного следствия. См.: Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1906. 25 авг.
- ⁴² В 1870-е гг. за обнаруженные прокламации суд приговаривал пропагандистов к 10 годам каторги (аналогичное наказание полагалось в случае предумышленного убийства без отягчающих вину обстоятельств и каралось каторгой от 8 до 12 лет (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 7-е изд. СПб., 1892. Ст. 1455.), в эпоху «Народной воли» – судом ОППС к виселице или бессрочной каторге, в начале XX в. – к военно-полевому суду и смертной казни без следствия.
- ⁴³ О недопустимости провокации и своем отрицательном отношении к ней говорили находившиеся под следствием ЧСК Временного правительства бывшие руководители и идеологи политического сыска: А.В. Герасимов, А.И. Спиридович, М.И. Трусевич, Е.К. Климович. См.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. Л., 1926. Т. 1. С. 4, 29, 187, 149.
- ⁴⁴ См.: Членов С. Охранные отделения в последние годы царствования Николая II. М., 1917. С. 10; Рууд Ч.А., Степанов С.А. Указ. соч. С. 102.
- ⁴⁵ См.: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 4.
- ⁴⁶ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁷ См.: Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 16; ср.: Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 40–42, 329.
- ⁴⁸ Подробнее об этом см.: Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁹ 15 июля 1904 г. Плеве был убит членом БО эсеров Е. Сазоновым.
- ⁵⁰ Весной 1907 г. Е. Азеф получил предложение от А. Герасимова вновь возглавить БО, чтобы затем парализовать ее работу и убедить ЦК эсеров отказаться от идеи центрального террора. См.: Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 262–263.
- ⁵¹ Не случайно, что сокращение сети агентуры, начавшееся в 1913 г. по инициативе товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, началось с приказа, запрещающего вербовать осведомителей из числа учащихся.
- ⁵² Изгоев А.С. На перевале. Преодоление террора // Русская мысль. 1913. Кн. 1. С. 112–113.
- ⁵³ Ключевский В.О. Собр. соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 355.
- ⁵⁴ Л. Ратаев, прочитав в воспоминаниях Б. Савинкова об обстоятельствах одного из готовившихся на В.К. Плеве покушения, с изумлением запишет: «Подробное описание обстановки покушения 18 марта (1904 г. – Д.Р.) наглядно показывает, насколько можно полагаться на всякую наружную охрану вообще. Мне кажется, что еще не было случая, чтобы охрана спасла кого-нибудь от смерти (курсив мой. – Д.Р.)». Цит. по: Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 55.
- ⁵⁵ Перегудова З.И. Политический сыск России 1880–1917 гг. М., 2000. С. 368.

ЛИЧНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

УДК 9(470–89)+929 Норов

В. С. НОРОВ – «ДЕКАБРИСТ БЕЗ ДЕКАБРЯ»

С.В. Лёвин

Саратовский государственный университет
Балашовский филиал, кафедра истории
E-mail: kon@bf.sgu.ru

В статье рассматривается жизненный путь гвардейского офицера, участника Отечественной войны 1812 года, заграничных походов 1813–1814 гг., ложно обвиненного в деятельности тайных декабристских обществ и незаслуженно наказанного за это.

V.S. Norov – a 'Decembrist without December'

S.V. Lyovin

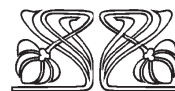
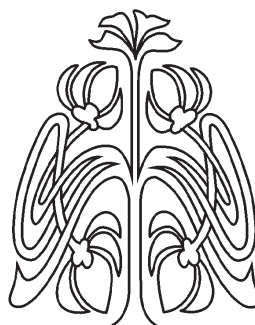
The article is about the course of life of a Guards officer, a participant of the Patriotic War of 1812, foreign campaigns of 1813–1814 who was falsely accused of taking part in the activities of secret Decembrists' societies and undeservedly punished for that.

В 1834 г. в Петербурге вышли из печати воспоминания участника Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.¹ Книга была издана анонимно; только много лет спустя стала известна фамилия автора – Василий Норов.

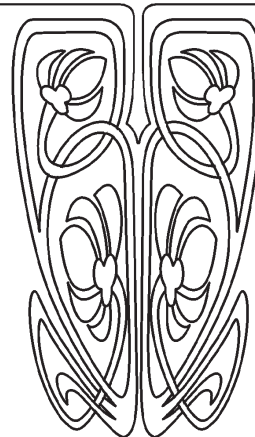
Василий Сергеевич Норов родился 5(17) апреля 1793 г. в с. Ключи Балашовского уезда Саратовской губернии в старинной дворянской семье². Помимо саратовского имения семья Норовых владела поместьями в Тульской, Рязанской и Костромской губерниях. Отец – Сергей Александрович Норов служил в гвардии; в звании майора вышел в отставку и поселился в своём саратовском имении. В 90-е гг. XVIII в. он был предводителем саратовского дворянства. С. А. Норов был вспыльчивым, властным помещиком, жестоко обращавшимся со своими крепостными. Мать Василия – Татьяна Михайловна (урождённая Кошелева) представляла собой полную противоположность деспотичному супругу, отличаясь добротой, спокойным уравновешенным характером³.

Начальное образование Василий Норов получил дома⁴. Осенью 1801 г. родители определили его в одно из самых привилегированных учебных заведений России – Пажеский корпус. Здесь он показал себя примерным воспитанником. На Норова обратила внимание императрица Мария Фёдоровна, которая стала брать его во дворец товарищем игр великого князя Николая Павловича⁵.

В августе 1812 г., отлично выдержав экзамен, В. С. Норов в чине прапорщика был выпущен из корпуса и «лично государём» определён в лейб-гвардии Егерский полк, в составе которого участвовал в боях 1812 г. и 1813–1814 гг. На службе Норов показал себя отважным, мужественным, знающим военное дело офицером, пользовавшимся уважением среди солдат и офицеров. «Его уважали и любили все его сослуживцы гвардейского егерского полка...», – вспоминал Д. Н. Свербеев⁶. «В лейб-гвардии егерском полку, – читаем у Н. П. Поливанова, – он был любим солдатами, с которыми делил все невзгоды и опасности боевой жизни: солдаты смело шли с ним в дело в самые опасные во-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

енные предприятия <...>, они знали, что только – что кончится бой, он первый явится на помощь, успокоить раненых, утешить страждущих»⁷.

Боевое крещение Норов получил в начале октября 1812 г. в сражении на р. Чернишне. Здесь русские кавалерийские части и егеря под командованием В. И. Орлова-Денисова и К. Ф. Багговута нанесли поражение войскам маршала И. Мюрата. «Атаковали мы французов столь счастливо, что они бежали от нас, как овцы, – писал Норов 10 октября 1812 г. своим родителям, – 37 пушек и один знак достались победителям»⁸. 14–16 ноября остатки наполеоновской армии, покидая пределы России, переправлялись через р. Березину. Лейб-гвардии егерский полк первым ворвался в г. Борисов, форсировав Березину. «Кровопрлитный бой, – вспоминал Норов об этом сражении, – закипел в одно время на обоих берегах. С самого утра поднялась метель с северным ветром; сильная вьюга засыпала нам глаза инеем и снегом: в нескольких шагах ничего нельзя было приметить; виден был блеск выстрелов»⁹.

1 января 1813 г. начался заграничный поход русской армии. В. С. Норов, как и большинство русских офицеров, приветствовал этот поход. «Сколь война сия ни была кровопрлитна, – писал он матери 14 февраля 1813 г., – но мы скорее желаем ещё сражения, чтобы получить твёрдый и полезный мир для отечества нашего. Мы оставили Россию и идём в иностранных землях, но не для завладения оными, а для их спасения. Надо даровать мир и спокойствие Европе...»¹⁰. Боевой путь Норова в Европе завершился под городом Кульмом. В Кульмском сражении он был ранен в ногу и отправлен на лечение в Прагу, а в ноябре 1813 г. выехал в Россию. На родину Василий Норов вернулся в чине подпоручика, награжденный орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени с бантом, 2-й степени с бриллиантами, Святого Владимира 4-й степени с бантом и Кульмским крестом, особенно ценным русскими офицерами. На родине, в Саратовской губернии, он получил также в награду и памятную медаль о войне 1812 г.¹¹

Залечив рану, Норов продолжил службу в родном полку. В 1816 г. он был произведён в поручики, а в 1818 г. получил звание штабс-капитана. Стремление к общественной деятельности привело Норова в тайное общество «Союз благоденствия», в которое его принял в 1818 г. полковник Александр Муравьев¹². Однако активного участия в деятельности общества он не принимал. «В 1818 г. в Москве, – говорил Норов на допросе по делу о восстании 14 декабря 1825 г., – был принят в тайное общество под названием «Союз Благоденствия». Назвать я членов не могу, ибо обещал сего не делать. Намерение моё было приготовиться к получению Конституции от верховной власти. В 1819 г. услышал я, что общество уничтожилось, и с тех пор я с оным более не в сношении»¹³.

Весной 1822 г. судьба вновь свела Норова с великим князем Николаем Павловичем. На одном из смотров цесаревич, будучи в дурном расположении духа, остался недоволен разводом двух рот лейб-гвардии егерского полка и в резкой, оскорбительной форме сделал замечания нескольким офицерам. Подойдя к Норову, великий князь, хотел по своему обыкновению ущипнуть его, однако, Норов не позволил ему этого сделать.

Через несколько дней во время очередного развода полка Николай Павлович намеренно обрызгал Норова грязью. После развода Норов написал прошение об отставке и вызвал великого князя на дуэль. Николай от дуэли благоразумно уклонился. После чего ещё около двадцати офицеров лейб-гвардии егерского полка в знак солидарности с Норовым решили подать в отставку и шестеро успели это сделать. Инцидент приобрёл широкую огласку.

Современники рассматривали его как конфликт гвардии, привыкшей «при Александре I к гуманному обращению со стороны самого государя...», с великим князем¹⁴. Последний, хотя и не считал себя виновным в этой истории, всё же переживал по этому поводу. «Вы посудите, – писал он И. Ф. Паскевичу, – сколь я терплю от сего несчастного приключения: одно меня утешает, что я не виноват ни в чём»¹⁵. В конфликт вмешался сам Александр I, заставивший Николая Павловича извиниться перед Норовым. Василию Норову вызов великого князя на дуэль стоил шести месяцев гауптвахты и перевода в армейский 18-й Егерский полк, а в октябре 1823 г. он перешёл в Московский гренадёрский полк и в чине подполковника командовал батальоном.

После восстания 14 декабря 1825 г. Василий Норов был арестован. Вот как описал сцену ареста присутствовавший при этом А. И. Кошелев: «Сидим мы у Норова и беседуем. Вдруг около полуночи, без доклада входит полицмейстер и спрашивает, кто из нас Василий Сергеевич Норов. Когда хозяин встал и спросил, что ему нужно, тогда полицмейстер объявил, что имеет надобность переговорить с ним наедине. Норов попросил нас уйти на время.<...>. Опечатали все бумаги Норова, позволили ему только в сопровождении полицмейстера взойти к старухе-матери, чтобы с нею проститься и повезли его в Петербург»¹⁶. Николай I «удостоил» Норова личным допросом. Д. И. Завалишин в своих записках со слов Норова так описал его встречу с Николаем: «Когда Норова после 14 декабря арестовали и привезли во дворец, то Николай Павлович до того разгорячился, что сказал: «Я знал наперёд, что ты разбойник, тут будешь» и начал его сыпать бранью. Норов сложил руки и слушал хладнокровно. Бывший тут свидетелем командир гвардейского корпуса Воинов старался успокоить государя, у которого от сильного раздражения пересёкся голос. Воспользовавшись этим, Норов и сам внутренне взбешённый, перешёл, как рассказал, в наступательное

положение и сказал: «Ну-ка ещё. Прекрасно. Что же вы стали? Ну-ка ещё. Ну-ка». Государь вышел из себя и закричал: «Верёвок! Связать его». Воинов, видя, что сцена дошла до неприличия, забьлся и сам, вскричав: «Помилуйте, да ведь здесь не съезжая», схватил Норова за руку и утащил из кабинета»¹⁷.

В. С. Норова осудили по второму разряду, приговорив к политической смерти, которая заключалась в том, чтобы положить голову на плаху, и к 15 годам каторги с лишением воинского звания и дворянского достоинства.

Согласно обвинительному приговору Норов обвинялся в том, что во-первых, «участвовал соглашением в умысле на лишение в Бобруйске свободы блаженной памяти государя императора и ныне царствующего государя», во-вторых, «принадлежал к тайному обществу с знанием цели»¹⁸. На мой взгляд, обвинение против Норова надумано. Члены Южного общества С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин планировали во время военных учений, которые должны были пройти весной – летом 1823 г. под Бобруйском, арестовать императора Александра I, великого князя Николая и генерал-адъютанта И.И. Дибича, после чего «произвести бунт в лагере и, оставя гарнизон, идти на Москву, возмущая на пути и присоединяя к себе другие войска»¹⁹. В этом деле Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин рассчитывали на помощь полковника И.С. Павло-Швейковского и Норова. Однако Норов наотрез отказался участвовать в аресте Александра I. «Я клянусь всемогучим богом, – свидетельствовал он на допросе, – что если бы сделано было покушение на жизнь или свободу покойного государя, то к какому-бы обществу я не принадлежал, я охранял бы священную его особу до последней капли крови»²⁰. Это намерение Норова подтверждается письмами из семейного архива Норовых, которые использовал в своей статье Н.М. Поливанов – муж сестры Василия Норова, Екатерины²¹.

По второму пункту обвинительного приговора (о принадлежности к тайному обществу) следует отметить, что после самороспуска «Союза благоденствия» Норов ни в какое общество больше не вступал. Собственно, и в «Союз благоденствия» он вступил «по молодости», увлечённый «духом вольнодумства, сперва без всякой цели, только для удовольствия свободно говорить», при этом «часто сам не понимал, про что рассуждают»²². Как же Норов оказался в рядах Южного общества?

П.И. Пестель на вопрос о принадлежности Норова к тайному обществу ответил, что лично с ним не знаком, но «мне сказали Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин, что они его в общество приняли, и мы его считали в числе членов»²³. М.П. Бестужев-Рюмин показал на допросе: «Норов был уже членом прежнего общества («Союза благоденствия». – С. Л.): во вновь преобразованное он вступил в Бобруйске в 1823г. и оное решительно оставил, вышедши в отставку»²⁴. С.И. Муравьев-

Апостол свидетельствовал, что «Норов ни мною и ни Бестужевым не принят в общество, а принадлежал Союзу благоденствия»²⁵.

Выходит, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин автоматически перенесли членство Норова в «Союзе благоденствия» на Южное общество²⁶, даже не сказав ему об этом. Ни о существовании Южного общества, ни о том, что является его членом, Норов не знал. «Даже само название Южного общества, – отвечал на допросе Норов, – мне доселе было неизвестно и ни с кем из членов оно никогда не был в сношении»²⁷. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин объявили Норову, что они не признали самороспуска «Союза благоденствия» и Норов, вероятно, считал их и себя участниками этого общества.

Обвинение Норов признал справедливым, но считал себя виновным в том, что «был в сношении с преступниками»²⁸. Так он называл участников восстания на Сенатской площади. Известие о событии 14 декабря поразило Норова. «Что наделали, что наделали эти горячие головы. Погубили святое дело!» – записал со слов своей матери Н.М. Поливанов²⁹.

Современники считали, что суровость наказания Норова вызвана личной ненавистью Николая I к нему³⁰. Норов провёл десять лет в Свеаборгской, Выборгской, Шлиссельбургской и Бобруйской тюрьмах, но это не сломало его. В письме к родителям от 12 апреля 1833 г. из Бобруйской тюрьмы он писал: «У меня достаточно характера, чтобы переносить с твёрдостью мою роковую судьбу. Только смерть может прекратить её. Я счастлив был бы, если пришлось бы умереть, всё равно полковником или солдатом, на поле чести, если не для блага отечества, то пусть во славу нашего оружия на Кавказе»³¹.

Благодаря ходатайствам матери В. С. Норов в 1835 г. был переведён рядовым в 6-й линейный Черноморский батальон. Здесь он «состоял под строгим секретным надзором»³².

На Кавказе военное руководство высоко ценило В. С. Норова как военного специалиста, его знания по военной стратегии и тактике, приглашая на военные советы.

Д. Д. Аллестышев, служивший в то время на Кавказе, говорил сестре В. С. Норова Екатерине Сергеевне: «И я, и главнокомандующий барон Розен во время экспедиции часто пользовались советами вашего брата Василия Сергеевича. Во многих случаях он заменял нам офицера Генерального штаба, его рекогносцировки всегда отличались точностью»³³. Сам Норов считал, что на Кавказе он воевал за чуждое ему дело. «Я был тем более далёк от того, чтобы считать черкесов своими врагами...», – писал он в замечаниях на книгу Д. С. Белла о Черкесии³⁴.

В 1838 г. Норов по болезни был уволен со службы с «высочайшим дозволением» жить в семейном имении с. Надеждино Дмитровского уезда Московской губернии, но под секретным

надзором. Однако в Надеждино он оставался недолго. Мать к этому времени уже умерла, а с отцом отношения оставались натянутыми. В 1841 г. Норов получил разрешение переехать в Ревель.

Осенью 1847 г. Норов приехал в саратовское имение с. Ключи, чтобы навестить своего брата Александра. «Он [В. С. Норов. – Л. С.] любил свою родину, с. Ключи, любил Хопёр, любил его разливы, его дубраву и сосновую рощицу в верхнем саду, насаженную его матерью», – писал Н. Поливанов³⁵. Но вскоре Норов был вынужден покинуть Ключи. Причиной его скорого отъезда стала постоянная слежка за ним «агентов полиции, неотвязчиво следивших за всякой его прогулкой, за всякой его поездкой. Эти мелочи его раздражали, и он уехал в Ревель с тем, чтобы из него не выезжать»³⁶. Действительно, в Саратовской губернии местная власть следила буквально за каждым шагом Норова. Едва он приехал в Ключи, балашовский земский исправник уже доносил саратовскому губернатору: «В исполнении предписания Вашего превосходительства от 14 ноября за № 1988 за прибывшим в Балашовский уезд село Ключи унтер-офицером Норовым иметь секретный полицейский надзор, предписано мною пристава 1-го стана Хорченкову, о чём Вашему превосходительству имею честь донести»³⁷. Однако «секретный полицейский надзор» был настолько явным, открытым, что Норов выразил протест по этому поводу. 6 марта 1848 г. подполковник корпуса жандармов Есипов просит саратовского губернатора «предписать местным властям иметь за унтер-офицером Норовым во всё время его проживание в означенных уездах и городе, не полицейский надзор, а секретное наблюдение, не обнаруживая такового Норову»³⁸.

В Ключах долго сохранялась добрая память о В. С. Норове. Так, 90-летняя жительница села Устинья Кочеткова в начале XX в. на вопросы приезжавших и просивших рассказать о Норовых, вспоминала: «Один-то сын у старого барина при царе служил в министрах, а другой жил будто беспаспортный. Сын этот против царя шёл, поэтому никуда нельзя было ему выезжать»³⁹.

Норов умер в Ревеле в 1853 г.⁴⁰ Николай I не разрешил Аврааму Сергеевичу Норову ехать в Ревель хоронить брата. Василия Сергеевича хоронил его дворовой слуга. До 1858 г. на могиле В. С. Норова не было даже памятника. Известный историк-архивист, почётный член Археографической комиссии Н. В. Калачов в одном из своих писем осенью 1858 г. сообщал А. С. Норову: «В бытность жены моей в Ревеле, она исполнила данное мне Вашим Высокопревосходительством, поручение – узнать, поставлен ли на тамошнем русском кладбище памятник вашему покойному брату. Она нашла белый каменный памятник с надписью, поставленный, как ей сказали генералом Грессером, но без решётки»⁴¹.

Освободитель родины от наполеоновских войск Василий Норов сам оказался в цепях

деспотизма. Он не являлся участником тайных декабристских обществ и восстания на Сенатской площади, он был «декабристом без декабря».

Примечания

- ¹ [Норов В.С.] Записки о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя. СПб., 1834. Ч. 1–2.
- ² Род Норовых, согласно семейному преданию, происходил от «выехавшего из немец» в Новгород в середине XV в. Василия Норова. Достоверным родоначальником фамилии считается Новгородский боярин Родион (Иродион) Норов, переведённый Иваном III в 1485 г. на поместье в Коломну. Род Норовых внесён в шестую часть родословных книг Курской, Московской, Пензенской, Рязанской и Саратовской губерний. (См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: В 2 т. СПб., 1887. Т. 2. С. 171–180; Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XXI. С. 375; Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. Пгг., Б.г. Т. 28. С. 873; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. М., 1999. Т.4.С. 362–363; Русский биографический словарь: В 20 т. / Сост. П. Калинин, И. Корнеева. М., 2001. Т.11. С. 208).
- ³ В семье Василий был старшим; он имел ещё трёх братьев и двух сестёр. Наиболее известным из братьев стал Авраам Сергеевич – видный государственный деятель середины XIX в., с 1854 по 1858 г. – министр народного просвещения. Сестра Евдокия Сергеевна была близким другом П. Я. Чаадаева.
- ⁴ Длительное время в качестве домашней учительницы в семье Норовых жила Н. Г. Боголюбова – племянница А. Н. Радищева, тётка художника А. П. Боголюбова.
- ⁵ В. М. Захаров, ссылаясь на семейное предание Норовых, но не указывая при этом источник, упоминает о конфликте между Василием Норовым и великим князем Николаем, произошедшем во время игры в солдатики. «За увесистые тумачи» великому князю Норов «был на некоторое время исключён из корпуса и отправлен домой под надзор родителей» (См.: Захаров В. Судьба декабриста // Годы и люди: сб. очерков. Саратов, 1983. С. 10; Вахрушев В. С., Захаров В. М. Проникновение в былое. Балашов, 1992. С.7). Документального подтверждения этому найти не удалось.
- ⁶ Свербеев Д. Н. Записки. 1799–1826. М., 1899. Т.2. С. 17.
- ⁷ Поливанов Н. В. С. Норов. Декабрист. По его письмам // Русский архив. 1900. Вып. 2. С. 282.
- ⁸ К чести России. Из частной переписки 1812 года / Сост. М. Бойцов. М., 1988. С. 152.
- ⁹ [Норов В. С.]. Указ. соч. Ч. 1. С. 152.
- ¹⁰ К чести России. С. 198.
- ¹¹ Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 91.
- ¹² См.: Восстание декабристов: Документы / Под ред. М.В. Нечкиной: В 18 т. М., 1980. Т. 12. С. 215. В.М. Захаров называет В. С. Норова членом масонской

- ложи «Трёх добродетелей» (*Вахрушев В.С., Захаров В.М.* Указ. соч. С. 17). Однако среди участников этой ложи, перечисленных А. Н. Пыпиным (Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872. №2. С. 600–602; Русское масонство XVIII и первая четверть XIX вв. Пгг., 1916. С. 426–427) и А. И. Серковым (История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 368). Василий Норов не назван, а значится его брат Авраам.
- ¹³ Восстание декабристов: Документы. Т. 12. С. 212.
- ¹⁴ [Тучкова-Огарёва Н.А.] Записки. 1828–1878 гг. // Русская старина. 1890. Т. 68. №10. С. 25; Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / Под ред. Е.В. Петухова. СПб., 1913. С. 7; *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 92. См. также: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 310.
- ¹⁵ Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Составил князь Щербатов. СПб., 1888. Т. 1. С. 365.
- ¹⁶ Русское общество 40-х – 50-х годов XIX в.: В 2 ч. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева / Сост. Н. И. Цимбаев. М., 1991. С. 53.
- ¹⁷ *Завалишин Д. И.* Записки. СПб., 1910. С. 241.
- ¹⁸ Восстание декабристов: Документы. Т. 17. С. 120–121; *Шильдер Н. К.* Император Николай I. СПб., 1903. Т.1. С. 694, 732.
- ¹⁹ Восстание декабристов: Документы. Т. 17. С. 37.
- ²⁰ Там же. Т. 12. С. 217.
- ²¹ *Поливанов Н. М.* Указ. соч. С. 283.
- ²² Восстание декабристов: Документы. Т. 12. С. 215.
- ²³ Там же. С. 211.
- ²⁴ Там же. С. 213.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ М. А. Минкин, И. В. Порох и К. В. Шилов считают, что Норова «присоединил к Южному обществу декабристов» только С. И. Муравьев-Апостол. (См.: *Минкин М.А., Порох И.В., Шилов К.В.* От «грозы 12-го года» до откликов на декабризм. Саратов, 1983. С. 11).
- ²⁷ Восстание декабристов: Документы. Т. 12. С. 216. А. Г. Тартаковский отмечает, что Норов не просто «примыкал к Южному обществу», но и «участвовал в выработке планов государственного переворота» (*Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 119).
- ²⁸ Восстание декабристов: Документы. Т. 12. С. 217.
- ²⁹ *Поливанов Н.М.* Указ. соч. С. 284.
- ³⁰ См.: [Тучкова-Огарёва Н. А.] Указ. соч. С. 25; *Завалишин Д. И.* Указ. соч. С. 248; *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 158–159; *Лорер Н. И.* Записки декабриста / Под ред. М. В. Нечкиной. Иркутск, 1984. С. 171. См. также: *Щеголев П.* Император Николай I – тюремщик декабристов // Былое. 1906. №5. С. 196–197; *Шестериков С.* Декабрист В. С. Норов // Былое. 1925. №2 (30). С. 88; *Нечкина М. В.* Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 405.
- ³¹ Цит. по: *Поливанов Н.* Указ. соч. С. 289. В Бобруйской крепости Норов подготовил к изданию свои записки о походах русской армии 1812 и 1813 гг., которые он начинал писать с целью «избежания праздности и рассеяния несносной грусти» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 531. Д. 477. Л.1).
- ³² Российской государственной военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 272. Д.16. Л.1; *Вейденбаум Е.* Декабристы на Кавказе // Русская старина. 1903. № 6. С. 498.
- ³³ Цит. по: *Поливанов Н.* Указ. соч. С. 295, примеч. Норова часто приглашали на военные советы, где к его мнению прислушивались (см: *Смирнов И. А.* Декабрист Василий Норов // Декабристы Дмитровского уезда: Сб. трудов музея Дмитровского края. Дмитров, 1925. Вып. 3. С. 62; *Дзидзария Г. А.* Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970. С. 96.).
- ³⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 201. Картон №56. Л. 2 об. 3.
- ³⁵ *Поливанов Н.* Указ. соч. С. 302.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 693. Л.4.
- ³⁸ Там же. Л. 15.
- ³⁹ Цит. по: Очерки истории Саратовского Поволжья / Под ред. И. В. Пороха: В 2 т. Саратов, 1993. Т. 1. С. 174.
- ⁴⁰ К. К. Жерве ошибочно считал, что «Норов умер на Кавказе» (*Жерве К. К.* Воспоминания // Исторический вестник. 1898. Т. 72. С. 775), а Д. И. Завалишин полагал, что «в заточении» (*Завалишин Д.И.* Указ. соч. С. 248).
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 623. Л. 46.

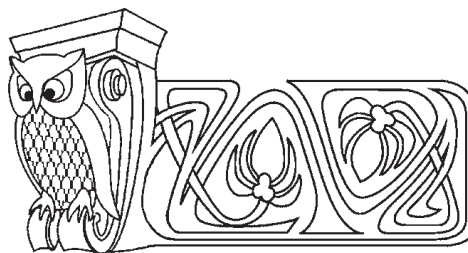

УДК 94(47+57):327(47+57)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АГЕНТА Н.В. ЧАРЫКОВА В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

О.А. Чернов

Самарский государственный педагогический университет,
кафедра отечественной истории и археологии
E-mail: Chernov@list.ru

Данная статья посвящена деятельности российского политического агента Н. В. Чарыкова в Бухарском эмирате. Рассмотрены такие аспекты его деятельности, как содействие геополитическим и экономическим интересам Российской империи в противовес Великобритании; участие в разработке проекта строительства железной дороги и почтового тракта; гуманитарные акты – закрытие зиндана, отмена рабства, введение «сухого» закона и др.

This Activiti Russian Politic Agent N.V. Tcharykow in the Bokhara Emirate

О.А.Tchernov

This article is about Russian political agent activity N. V. Tcharykow in Bokhara Emirate. We have considered the question in following aspects: Tcharykow's assistance to geopolitical and economic interests of Russian empire in opposite to Great Britain, Tcharykow's taking part in railway and post road building and in humane activities like zindane closing, abolition of slavery, «dry law» introducing and others.

Службу в 80-е гг. XIX в. Н.В. Чарыков посвятил Средней Азии. Несмотря на сравнительную молодость, он имел уже достаточно разработанную и обоснованную концепцию российской политики в этом регионе. Чарыков исходил из тезиса о движении России к своим естественным границам, отвергая мнение об агрессивной, завоевательной политике России вообще и в Средней Азии, в частности. По мнению Чарыкова, Россию толкнула по направлению к Азии неудача по итогам Берлинского конгресса и враждебная по отношению к России изоляционистская политика европейских держав. Он считал, что Россия выполняла в Средней Азии цивилизаторскую роль, проводила политику «мира и достатка». ¹ В этих своих прогрессивных начинаниях. Россия столкнулась с враждебным противодействием Великобритании. Англичане в действиях российского правительства увидели угрозу для «жемчужины Британской короны» – Индии. Однако здесь, по мнению Чарыкова, «британский лев» имел позиции куда более слабые по сравнению с позицией «русского медведя». ²

Первый период службы в Средней Азии Н.В. Чарыкова пришелся на решение мервского вопроса ³. Н.В. Чарыков начал свою службу в Бухаре с переговоров по проблеме постройки За-

каспийской железной дороги с бухарским эмиром. Как докладывал императору Александру III министр иностранных дел Н. К. Гирс: «Переговоры по этому вопросу были возложены на Чарыкова». ⁴ Из доклада политического агента в Бухаре выясняется, что он начал переговоры с указания на непосредственное значение которое имеет для него (бухарского эмира. – О.Ч.) и для его страны желание установить с ним предварительное дружественное соглашение «относительно железнодорожного дела». Чарыков подчеркнул, что русское правительство заботится о сохранении в Бухаре положения status quo «что, заботясь о своих среднеазиатских окраинах, Русское правительство «в равной мере обеспечивает интересы Бухары: для обеих соседних местностей одинаково ценны и желательны утверждение мира и безопасности, развитие торговли и промыслов и улучшение путей сообщения». ⁵ Николай Валерьевич упомянул о торговых выгодах, представив эмиру картину обеспечения хорошо оплачиваемой работой местных жителей. Не возникло никаких проблем с маршрутом, хотя Чарыков, ловко мотивируя нежеланием русского правительства каких-либо жертв несчастного случая на железной дороге, настоял на том, чтобы дорога не проходила через саму Бухару. Ибо, по мнению дипломата, в последнем случае могли возникнуть трения с «фанатичными магометанами» и слишком дорога была цена земли в черте города. Более того, по своей личной инициативе он добился безвозмездного отчуждения неорошаемых земель под железную дорогу, а также местных строительных материалов ⁶. Николай Валерьевич проанализировал возможное отношение «классов Бухарского населения» к вероятности постройки тут железной дороги. «Классы эти суть: служилые люди, сельские жители, торговцы и духовные». ⁷ Как выясняется, все «классы» извлекают из постройки железной дороги выгоду, в том числе и духовные лица, для которых в связи с этим облегчается возможность совершения хаджа в Мекку. Однако Н. В. Чарыков предостерегает о возможности усиления здесь воинствующего исламизма. «До настоящего времени мусульмане Бухары и Туркестана, отделенные от внешнего мира труднопроходимыми песками, «признавали ... в принципе духовное главенство Халифа – Турецкого Султана», но с постройкой

железной дороги может возникнуть фактическое сближение. «Если при этом вспомнить, что Европа, Азия и Африка переживают ныне эпоху мусульманского брожения, вызванного стремлением к возрождению и объединению, то последствия приобщения к движению этому наших Среднеазиатских мусульман не могут не вызвать на серьезные размышления».⁸ Он рекомендует генерал-губернатору Туркестана Н.О. Розенбаху позаботиться о введении необходимых ограничительных мер.

Насколько важным представлялось Чарыкову строительство здесь железной дороги, доказывают его слова, что «один из величайших дней моей жизни был тот, когда первый поезд пришёл из Мерва на будущую станцию Чарджуй».⁹ Небезынтересно будет заметить, что Чарыков при разработке данного проекта тесно сотрудничал со знаменитым впоследствии учёным С.П. Семёновым-Тян-Шанским¹⁰.

Таким образом, вопрос о железной дороге был решён успешно. Для России эта дорога имела значение прежде всего военно-стратегическое. В случае возникновения здесь или на самой границе волнений сюда можно было оперативно перебросить войска.

Серьёзной проблемой, которую представилось решить Н. В. Чарыкову, было рабство. По ранее заключенному с русским правительством договору запрещалось рабство и работорговля, расформировывались невольничьи рынки. Однако нелегальная работорговля продолжалась, это и предстояло пресечь Н. В. Чарыкову¹¹. Как выяснил российский дипломат, рабы по своему этническому составу были почти исключительно персияне, но были и туркмены, эрсаринцы, мервцы и текинцы.

Как только в Бухаре открылось Русское политическое агентство и сюда в качестве политического агента прибыл Н. В. Чарыков, к нему посыпались ходатайства рабов об освобождении. Все они мотивировали свои ходатайства вышеупомянутым договором о прекращении работорговли и отмене рабства. Как докладывал русский политический агент: «я держался одного и того же порядка: требовать немедленного освобождения просителя, а в сомнительных случаях доставления раба ко мне для личного допроса, затем оказывал возможное содействие к проезду освобожденных в Хорасан»¹². Русский дипломат выявил три разряда рабов: «1) служащие в войсках (в числе сарбазов), 2) занимавшие различные государственные должности, 3) находившиеся в личном услужении у частных лиц. Последний разряд был наиболее многочисленный и наиболее заслуживал сожаления»¹³. При этом Чарыков замечает, что «рабство в Бухаре, основанное на мусульманском законе, было гораздо человечнее, чем рабство негров в Америке»¹⁴. Отдельные рабы добивались высокого положения, так современный Чарыкову бухарский первый министр происходил из рабов.

Если третья категория рабов освобождалась безусловно, а вторая обусловлено, так как они распорядились государственными деньгами и знали государственные секреты, то первая категория по просьбе эмира не освобождалась. Они получали, как решил Н. В. Чарыков, личную свободу, но не освобождались от воинской службы. Ибо число сарбазов – бывших рабов составляли 1/10 часть бухарского войска, и эмир не хотел эту часть терять. Чарыков заявил, что будет содействовать выезду только тех сарбазов, начальники которых дали на это согласие. В этом решении Н. В. Чарыков преследовал две цели: во-первых, не обострялись отношения с бухарским эмиром, а во-вторых, как он докладывал в министерство, «сарбазы из бывших рабов, конечно, будут недовольны обязанностью продолжать службу. Это обстоятельство не уменьшает в мирное время значение их как внутренней полицейской силы, но в случае какого-либо столкновения с Русскими присутствие в рядах Бухарского войска значительной части недовольных не может усилить боевых качеств войска этого»¹⁵.

Таким образом, мы видим, что Н. В. Чарыков при решении проблемы отмены рабства добивается выгодного для России решения не только без охлаждения отношений с бухарским ханом, но и, напротив, добивается еще большего к себе расположения, не поступившись российскими интересами ни на вершок.

Н.В. Матвеева отрицает то, что Чарыкову удалось освободить рабов¹⁶. Видимо, это мнение как раз и основывается на условностях достигнутого Чарыковым соглашения.

Не менее успешно решил он и другую животрепещущую проблему. Это была проблема зиндана, закрытия которого добивался русский дипломат. Н. В. Чарыков собрал ужасающие своей средневековой жестокостью сведения об этом зиндане. Назывался он «Аб-хана», сам перевод которого повергает в ужас – «помещение с водой», это «подземное помещение глубиною в семь сажень, дно которого образует круг четырнадцать аршин в поперечнике, стены выложены кирпичом, а верх сводчатый с одним круглым отверстием в аршин посередине. Через это отверстие в зиндан проникает свет и заключенных спускали и поднимали на веревках. Пол сделан из кирпичного лома. Очень сыро и тесно»¹⁷. Очень плохое питание, ибо заключенные были обязаны днем собирать милостыню, стоя в цепях, под караулом у ворот, часто умирали от сырости и голода. Н.В. Чарыков добился перевода заключённых в обычную тюрьму, тем самым на практике подтверждая свой тезис о прогрессивной и цивилизаторской политике России в Средней Азии.

В декабре 1884 г. Чарыков подверг анализу систему местных путей сообщений. По его мнению, пути сообщения в пределах Бухарского ханства имеют двоякое значение: «...для интересов торговых сношений самого Бухарского ханства

с центральной Россией и для сношений Туркестанского края, через Амударью и Туркмению, с Империей и с Закаспийским краем»¹⁸. Он заметил, что русско-бухарские отношения в части торговли «происходят... по прямому караванному, вьючному пути из г. Бухары на Казалинск и Оренбург». Причём в Россию «следуют... товары, которые могут быть перевозимы по почте, именно шёлк и мерлушка».¹⁹ К тому же всё это поступало в ограниченном количестве, так как почтовый тракт обрывался в 160 верстах от столицы ханства. Для улучшения нынешнего состояния Чарыков полагал необходимым вырыть дополнительные колодцы и добиться «...упорядочения отношений киргизов-возчиков к товароотправителям». В последнем обстоятельстве дипломат видел одну из самых насущных проблем русско-бухарской торговли²⁰. Используя всевозможные источники информации (статистических отчётов бухарское правительство не давало, тем более иностранцам), российский дипломатический чиновник установил, что «ввоз русских товаров в Бухару, безусловно, преобладает над ввозом товаров английских»²¹. Объяснение данному факту он находил в следующих причинах: 1) русские товары были хорошего качества и дешевле английских; 2) доставка английских товаров была затруднительнее доставки товаров русских. Кроме того, это было ещё последствием грамотной тарифной политики российского правительства. Чарыков установил, что наибольшим спросом в Бухаре пользовались следующие виды российских товаров: мануфактурные произведения, кожаный товар, медные, чугунные, железные и стальные изделия, сахар, свечи, сундуки, парча, шёлковые изделия²².

Что же касалось бухарского вывоза в Россию, то, по мнению Чарыкова, у правительства Бухары не имелось на этот счёт точных сведений вовсе, так как оно не взимало вывозной пошлины. Подробные данные о характере и объёме вывоза из Бухары в Россию Николай Валерьевич получил от представителя в Бухаре Российского общества транспортирования кладей. Он установил, что «современный годовой оборот вывоза из Бухары в Россию представляется приблизительно: в количестве около 950 тыс. пудов, на сумму около 15228 тыс. пудов»²³.

Причём для России выгода была многократная. Ввиду отсутствия в Бухаре финансовых учреждений и промышленных предприятий, деньги, полученные от продажи бухарских товаров, тратились на покупку российских товаров. Таким образом, «все меры, клонящиеся к облегчению и развитию вывоза из Бухарского ханства, служат вместе с тем и к распространению сбыта русских товаров на этом среднеазиатском рынке и что относительное материальное благосостояние туземного населения и производительные силы страны чают основание ожидать от развития торговли с Бухарой полезных для Русской про-

мышленности результатов, даже при сохранении в Бухаре существующего ныне политического строя»²⁴, – констатировал Н.В. Чарыков. Однако он полагал возможным и необходимым улучшение условий для такого товарооборота.

По мнению российского дипломата, возможность такого улучшения стала реальной после «умиротворения туркменской степи». В связи с этим Чарыков полагал насущной постановку вопроса о «сквозном» российском пути через бухарские владения из Туркестана в Центральную Россию и Закаспийскую область. Он считал, что данный вопрос был поставлен на очередь «историческим ходом расширения русского владычества на восточном побережье Каспийского моря»²⁵. Причём решение его настолько созрело, что «для желаемого его решения достаточно воспользоваться имеющимися указаниями относительно местных, торговых и географических условий и существующим политическим положением Бухарского ханства»²⁶. Для такого «сквозного» пути требовались, по мнению Чарыкова, два условия: 1) путь должен быть по возможности кратчайшим между Туркестанским краем и Амударьей; 2) выходить на Амударью в наиболее удобном для устройства пристани месте²⁷. Он заметил, что «таких пунктов по берегам Амударьи не много». Разобрав наиболее реальные варианты, Чарыков предложил в качестве оптимального «...направление... из Туркестана к Амударье: от Самарканда, через Катта-Курган, вдоль долины р. Зеравшана до г. Бухары через г. Каракуль к берегу Амударьи при урочище Густых». В пользу такого пути, по мнению дипломата, говорили три фактора: большая, по сравнению с другими вариантами, водная часть пути, возможность открытия здесь же почтового тракта и, как следствие такого сочетания, удешевление затрат, доступность для колесного транспорта (за небольшим исключением в виде двадцатичетырёх верст пустыни)²⁸.

Почтовый тракт, существовавший на части данного пути, он предложил продолжить дальше и открыть в Бухаре «приём и отправление почтовой корреспонденции на общих основаниях почтовой службы», а вышеупомянутый двадцатичетырёхверстный участок песков «разработать для колёсного движения». Он заметил, что почтовая связь на данном направлении не будет особенным новшеством, так как уже достаточно долга здесь существовала частная почта. Однако частная почта, по мнению Н.В. Чарыкова, «не допускает... дальнейшего развития... сношений, вследствие сравнительно высокой платы, по необходимости взимаемой с корреспонденции, пересылаемой таким образом и... по причине отсутствия перевозки проезжающих»²⁹.

По его сведениям, ни эмир, ни «торговый класс» Бухары, ни всё население в целом не питают относительно к открытию русского сквозного пути «никаких враждебных замыслов», а потому

для осуществления данного проекта сложилась благоприятная обстановка.

«Открытие правильного почтового сообщения до г. Бухары сверх непосредственной пользы для русской торговли послужило бы прочным основанием для русского сквозного пути к Амударье и, являясь вслед за открытием телеграфной линии, сделалось бы полезнейшим средством постепенного и мирного сближения бухарских владений с Россией и упрочения в ханстве русского политического влияния»³⁰, – заключил он.

К числу наиболее щекотливых относился вопрос о наследнике эмира. Дело в том, что бухарские обычаи не предполагали назначения в качестве официального наследника одного из сыновей, коих у правящего эмира Музаффар-эддина было несколько. Между тем, российское правительство, вполне естественно, хотело избежать здесь всяких волнений, связанных с вероятной, между сыновьями, борьбой за власть. Первым шагом в этом направлении стало приглашение к императору Александру III младшего сына Музаффар-эддина – прорусски настроенного Сеид Абдул-Ахада. Император принял последнего как официального наследника, хотя и без каких-либо официальных деклараций. Теперь же Чарыков инкогнито посетил Сеид Абдул-Ахада и конфиденциально сообщил ему о намерении императорского правительства «поддержать его кандидатуру на трон его отца в случае смерти»³¹. Разговоры на подобную тему при живом эмире сулили смерть наследнику и самому Чарыкову. К счастью, этого не случилось и уже вскоре Н.В. Чарыков – российский политический агент в Бухаре способствовал возведению Сеид Абдул-Ахада на бухарский престол. Он принял самое деятельное участие в подавлении мятежа Абдул-Мелика-старшего сына Сеид Музаффар-эддина, желавшего разделить ханство. Чарыков видел за спиной мятежного принца руку англичан³².

Российский политический агент использовал любую, самую малейшую возможность к упрочению русского влияния в Бухаре. Так, во время одной из аудиенций у эмира он, используя данные астрономии, предсказал последнему точное время затмения Луны – светила особенно почитаемого мусульманами. Эмир Бухары, коим тогда был ещё Музаффар-эддин, высказал крайний скептицизм по поводу данного прогноза. Тем больший эффект произвело на эмира всё же случившееся в указанное Чарыковым время затмение. Сам Чарыков впоследствии писал, что его предсказание «помогло росту престижа России и моему личному влиянию...»³³.

Известны также факты помощи со стороны Н.В. Чарыкова русским докторам, которые в тяжёлых условиях пытались здесь облегчить участь больных со страшным диагнозом – проказа. Российский политический агент добился от бухарского правительства полного содействия русским докторам. Принял он и необходимое со

своей стороны участие в подавлении эпидемии дифтерии³⁴.

Чарыков был инициатором введения в Бухаре «сухого» закона. Дело в том, что со строительством железных дорог в Бухаре появились рестораны и бары на всех железнодорожных станциях, что было принято в России. Однако отрицательным явлением, сопутствующим их открытию, стало пьянство местного населения. Чарыков – убеждённый сторонник расширения российской железнодорожной сети в Бухаре, выступил вместе с тем против негативных последствий для местного населения. Он предложил проект закона, запрещающий изготовление и продажу всех видов дурмящих напитков на территории Бухарского ханства, а также продажу такого вида товара на железнодорожных станциях. Проект, по мнению Чарыкова, имел весьма серьёзное последствие. В.Н. Коковцов, впоследствии ставший премьер-министром, доложил данный проект министру финансов И.А. Вышнеградскому. Тот заявил, что такой закон в России никогда не будет осуществлённым. Сам Чарыков же доказывает свою правоту – в 1917 г. такой закон был принят³⁵.

С железнодорожным строительством была напрямую связана и другая проблема – так называемый «угольный вопрос». Речь шла о вывозе древесного угля из Самаркандской области в Бухару. Чарыков докладывал, что «при существующих условиях быта... населения, древесный уголь является... предметом первой необходимости, наравне с огнём и водой. На углях они варят чай и готовят себе пищу, в зимнее же время у них нет иного топлива»³⁶. К тому же доставка угля составляла источник дохода для кочевого киргизского населения.

Проблема появилась тогда, когда русская администрация, озабоченная хищнической вырубкой саксаула, запретила его вывоз. Исчезновение саксаула приводило в движение пески, в свою очередь заносившие «культурную местность». В переговорах с членом бухарского правительства Инаком Чарыков предложил рекомендовать местному населению использование угля из других древесных пород, растущих не в песках. Инак заметил на это, что «деревьев в оазисе мало и их вырубка может привести к засухе»³⁷. Ситуация сделалась весьма затруднительной.

Докладывая об этом туркестанскому генерал-губернатору Н.О. Розенбаху, Н.В. Чарыков заметил, что данное затруднение вызовет недовольство местного населения прежде всего против эмира, а не против русской власти. «Более того, его будут обвинять тем сильнее, что, пользуясь поддержкой русской власти, он не смог удовлетворить мелкой бытовой потребности «народа». Чарыков подчеркнул, что «давно замечено ...подобного рода мелкие бытовые вопросы и затруднения гораздо более способны производить впечатление на массу и волновать её, чем ...события политического характера»³⁸. Это обстоятельство было как бы на

руку российскому правительству, позволяя держать эмира «в узде». Однако вопрос осложнялся тем, что он, по словам Чарыкова, «совпадает с началом того переворота, который производит в быте населения Бухары проведение железной дороги и при котором, хотя большинство выигрывает, но многие, хотя и временно, страдают и несут потери»³⁹. В связи с этим российский политический агент предложил отложить хотя бы на год запрещение на вырубку саксаула, а тем временем постепенно «приучить бухарцев к другому углю», а на прежний вид установить допустимые квоты⁴⁰.

В конце 1888 г. Чарыков вновь обратился к устройству почтового тракта. По его мнению, устройство такового по берегу Амударьи сопряжено с гораздо большими трудностями, чем устройство тракта по уже ранее упомянутому им маршруту: Бухара – Ката – Курган. В последнем случае он отмечает наличие арбяной дороги, доступной для колёсного движения, а по берегу, «покрытому песками», такой нет. Устройство же её по берегу повлекло бы, по его мнению, значительные затраты, которых, как видно, можно было избежать. Кроме того, такая дорога (вдоль берега) соответствовала бы торговым интересам России и Хивы, но не Бухары. Между тем налог на строительство почтового тракта должен был быть собран в Бухаре путём дополнительного обременения повинностями местного населения. А это, по словам Чарыкова, «не соответствовало бы местным русским нравственным интересам»⁴¹.

Сам Чарыков считал необходимым воспользоваться не берегом реки, а самой рекой – «для устройства почтового сообщения между пунктами, расположенными по Амударье». «Для торговых... и политических интересов наших в бассейне Амударьи и Северного Афганистана правильное пароходное сообщение по Амударье принесло бы значительно больше пользы, чем сухопутный почтовый тракт»⁴² – к такому окончательному выводу, имевшему стратегическое значение, пришел он.

Таким образом, на примере дипломатической деятельности Н.В. Чарыкова прослеживаются дальновидные методы колонизации Средней Азии. Было достигнуто немало выгод – была налажена взаимовыгодная торговля, в том числе и безопасный транзит через эти, ранее беспокойные земли. А главное – Россия получила прочный форпост и даже потенциальный плацдарм в борьбе с притязаниями Британской империи.

Н.В. Чарыков руководствовался в своей работе девизом «кон... ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит», взятому из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»⁴³. Думается, что его деятельность полностью соответствовала данному девизу. Впоследствии Н.В. Чарыков ещё не раз обращался к среднеазиатской проблематике, но всегда следовал своим ранее установленным взглядам.

Примечания

- 1 *Tcharykow N.V.* Glimpses of High Politicks. London, 1931. P. 159.
- 2 *Ibid.* P. 160.
- 3 Подробнее см.: *Чернов О. А.* Из истории присоединения Мерва к России // Исторические исследования. Самара, 2004. Вып. 5. С. 5–8.
- 4 Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 39.
- 5 Там же. Л. 6.
- 6 Там же. Л. 7.
- 7 Там же. Л. 10.
- 8 Там же. Л. 11.
- 9 *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 196.
- 10 *Ibid.* P. 218.
- 11 ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.
- 12 Там же. Л. 38.
- 13 Там же. Л. 41.
- 14 Там же. Л. 42.
- 15 Там же. Л. 43.
- 16 *Матвеева И.В.* Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886–1917). М., 1990.
- 17 ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
- 18 *Чарыков Н.В.* Записка о местных путях сообщений, подлежащих улучшению в интересах развития русской торговли в Бухарских владениях // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (СГТТСМА). 1884. Вып. 13. С. 182.
- 19 Там же. С. 182.
- 20 Там же. С. 183.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 184.
- 23 Там же. С. 186.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 187.
- 26 Там же. С. 188.
- 27 Там же. С. 189.
- 28 Там же. С. 190.
- 29 Там же. С. 192.
- 30 Там же. С. 192.
- 31 *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 190.
- 32 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1702. Л. 14.
- 33 *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 195.
- 34 АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 536. Л. 7; *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 194.
- 35 *Tcharykow N.V.* *Op. cit.* P. 219–220.
- 36 АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 536. Л. 10.
- 37 Там же.
- 38 Там же. Л. 11 об.
- 39 Там же. Л. 12.
- 40 Там же. Л. 12 об.
- 41 Там же. Л. 17.
- 42 Там же. Л. 18.
- 43 ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 46.

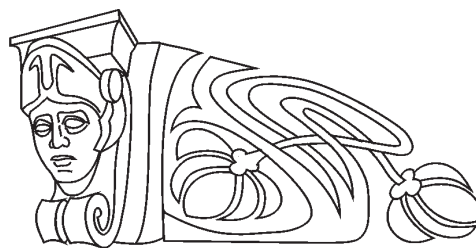

УДК [9:061.236](470–89)+929 Александр I

АЛЕКСАНДР I И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Д.С. Артамонов

Саратовский юридический институт МВД РФ,
кафедра истории и философии
E-mail: drot-saratov@mail.ru

В статье сделана попытка рассмотреть традиционную для отечественной историографии проблему взаимоотношений декабристов и русского императора в контексте мифа о тайных обществах. Александр I действительно знал о существовании тайных обществ в России и считал их частью всеевропейского революционного союза. Кроме того, он был убежден, что им оказывают поддержку некоторые высшие сановники и военачальники империи, вследствие чего дело борьбы с всемирной организацией заговорщиков, глубоко пустившей корни и в его государстве, представлялось ему непосильным. Все это вызывало у царя чувство страха, боязнь заговора и цареубийства, что, безусловно, знали и учитывали в своей деятельности декабристы.

Alexander I and Secret Societies

D. S. Artamonov

The article deals with traditional in Russian historiography issue of relationships of Decembrists with the Russian emperor in the context of the myth of secret societies. Alexander I was aware of the existence of secret societies in Russia and considered them as part of a European wide union. Besides, he was convinced that they were supported by some great officers of state and commanders in the empire. Consequently, Alexander I thought it impossible to struggle with world wide conspiracy organizations, which had taken deep root in his state. That caused fear of conspiracies and regicide in the Russian tsar – the fact that, undoubtedly, was known to Decembrists and taken into account in their activities.

В последнее время эта тема довольно активно изучается современной отечественной исторической наукой. К ней в своих работах об общественном движении Александровской эпохи обращаются такие известные историки, как Я. М. Гордин¹, А. Л. Зорин², Т. Н. Жуковская³, В. М. Бокова⁴, А. Б. Шешин⁵ и другие. Сделанные ими выводы позволяют многое прояснить в данной проблеме. Особенно плодотворным в этой области является направление, изучающее миф о тайных обществах или всеевропейском революционном заговоре, который был широко распространен в общественном сознании того времени и влиял как на политику Александра I, так и других правителей Европы.

Следует отметить, что подчас историки не принимают во внимание достижения в этой области предшествующих исследователей. Эта тема, правда, применительно к истории движения декабристов, уже не раз становилась предметом специального изучения, причем сложилось

несколько направлений в исследовании этого вопроса. Первое – это выяснение связи тайных декабристских обществ с подобными им европейскими объединениями. Здесь необходимо назвать работу С. Н. Чернова⁶. Этот вопрос больше всего интересовал следователей по делу 14 декабря 1825 г. и самого Николая I. Второе направление – это выявление типологического сходства русских и европейских общественных объединений⁷, а также влияния, которое оказала публицистическая литература о тайных обществах и заговоре иллюминатов, красочно описанных в знаменитой книге аббата Вейсгаупта⁸. Первым в отечественной историографии к этой теме подошел С. С. Ланда⁹, сейчас его идеи развивают современные исследователи: Т. Н. Жуковская, А. Л. Зорин, Н. Д. Потапова¹⁰, К. Ю. Рогов¹¹. Третье – изучение взаимоотношений Александра I и декабристов: И. В. Порох¹², В. В. Пугачев¹³, Н. Я. Эйдельман¹⁴, В. А. Федоров¹⁵, С. В. Мироненко¹⁶, С.А. Экштут¹⁷ и другие. В последнем случае упор делался на изучение вопроса: почему русский император, зная о существовании тайных обществ в своем государстве, не предпринял никаких серьезных репрессивных мер?

В новейшей историографии наблюдается тенденция рассматривать декабристские организации в общей массе тайных, легальных, масонских и других различного рода культурно-досуговых обществ, не выделяя их. С одной стороны, такой подход позволяет четче проследить степень влияния на декабристов культурных моделей того времени, но, с другой – существует соблазн вообще не различать тайные общества декабристов и современные им объединения подобного типа, создававшиеся с целью проведения досуга, что характерно прежде всего для В. М. Боковой¹⁸ и Т. Н. Жуковской¹⁹. С этим же по большей части связана и вновь вспыхнувшая дискуссия о том, кого считать декабристами и имеет ли этот термин право на существование²⁰.

Однако такая установка на изучение феномена декабризма является неоправданной, поскольку декабристские организации в основе своей политические, готовившие и попытавшиеся осуществить военный переворот. Кроме того, эти общества планировали цареубийство, готовили покушение, а некоторые из его членов (А. З. Муравьев²¹, П. Г. Каховский²², А. М. Булатов²³) предпринимали реальные попытки совершить

убийство императора. Именно поэтому необходимо прояснить вопросы о взаимоотношениях Александра I и декабристов, учитывая то, как ими воспринимался миф о тайных обществах, что знал император о существовании революционных организаций в России, осознавал ли он, какую опасность они представляют, и, самое главное, боялся ли он возможности своего убийства?

Несомненным представляется тот факт, что Александр I верил в существование разветвленного мирового тайного общества революционеров, его высказывания не позволяют усомниться в этом. Но верил ли он, что ответвления этого союза есть и в его державе? Историки убеждены, что император не связывал российские тайные общества, о которых неоднократно получал сведения, с всеевропейским заговором. Вот лишь две типичные цитаты. Одна из них принадлежит В. В. Пугачеву: «Союз Благоденствия представлялся Александру I не тем обществом, которое он тщетно искал. Ему мерещилась международная революционная организация. Гонимая за призраком, он просмотрел реальность»²⁴. Похожего мнения придерживается и Т. Н. Жуковская: «То, что царь знал о тайных обществах внутри России, не пугало. Пугало неизвестное. На почве этого страха миф о тайных обществах оторвался от реальной деятельности этих обществ в России и получил самостоятельное существование. Александр боролся с «призраками», но при этом ни одно из существующих обществ не заинтересовало его до 1825 г.»²⁵.

Безусловно, Александр I опасался заграничных тайных обществ, вся его внешне-политическая деятельность была подчинена борьбе с этой «заразой», но боялся ли он подобных организаций в России, неизвестно. В литературе встречаются обвинения императора в обыкновенной трусости, к примеру, А. С. Пушкин констатировал: «Под Аустерлицем он бежал, // В двенадцатом году дрожал», а К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев в одной из агитационных песен, прямо заявляли: «Трусит он законов, // Трусит он масонов»²⁶, а также его обвиняли в мнительности и подозрительности.

Но были и такие, кто отмечал личную храбрость императора. Декабрист Никита Муравьев говорил: «Надо сознаться, что император – человек чрезвычайно храбрый, он не потерял в 1812 г. надежды, что Россия будет освобождена, так как это единственный, сколько мне известно, русский, который спокойно оставался тогда в С.-Петербурге»²⁷. Схожего мнения придерживались и П. А. Вяземский, писавший об Александре I: «Духом был он не робок. Почитали его мнительным; но он не укрывал себя во дворце, как в неприступной твердыне, не окружал себя вооруженными телохранителями. Везде могли встречать его одного, на улице, в саду, за городом, во все часы дня и ночи. Следовательно, он за жизнь свою, за себя не боялся. Можно сказать утвердительно, что

он имел неопределенные, темные сведения о политическом брожении некоторых умов, о попытке устроить тайное общество»²⁸.

Тем не менее в обществе была распространена уверенность, что Александра I легко напугать, причем пугалом являлись тайные общества, а в роли показывающего это пугало выступал К. Меттерних. Очевидно, что эта уверенность, отраженная в мемуарной литературе, имела под собой реальную основу. Декабрист Н. В. Басаргин считал, что «граф Меттерних возымел большое влияние на ум императора Александра, представляя ему везде и во всяком действии либеральной партии кинжалы убийц, готовых покуситься на жизнь государей»²⁹.

Этот австрийский министр воспринимался в России как злой гений русского императора. Н. И. Тургенев так описал их взаимоотношения: «Неприятель, которую Александр поначалу испытывал к этому знаменитому человеку, уступила место безграничному доверию»³⁰. Об этом писал и М. А. Фонвизин: «Влияния Меттерниха не избег и Александр: по внушениям умного и лукавого министра, прежнее его свободолюбивое расположение, постепенно ослабевая, уступило монархическому реакционному духу. ... Александр встал во главе монархических реакционеров»³¹. А. М. Муравьев также полагал что, «находясь вполне под влиянием Меттерниха, <Александр I> отрекся от своих благородных и великодушных предположений»³².

Н. И. Лорер приписывал П. И. Пестелю убеждение, что император Александр I «изменил свое либеральное направление, поддавшись совершенно Меттерниху, который напевает ему, что добротой, снисходительностью можно только потрясти троны и разрушить их...»³³.

Меттерниха обвиняли и в том, что Александр I так и не осуществил преобразование России. В. Ф. Раевский констатировал: «С начала царствования кроткий, либеральный Александр под влиянием Австрии и Аракчеева потерял и любовь, и доверие, и прежнее уважение народа. Россия управлялась страхом. Крепостное право (как он обещал) не было уничтожено. Об обещанной конституции и думать [нельзя]. Все изменилось»³⁴. Ему вторит А. Е. Розен: «Александр I в последнее десятилетие своего царствования свалил все бремя государственного управления на плечи Аракчеева, на слугу ему верного, но не государственного мужа, а сам подчинился наущениям Меттерниха и под конец предался мистицизму и думал только о спасении собственной души своей»³⁵.

Несомненно, декабристы в своих воспоминаниях отражали не только свои взгляды по этому поводу, сложившиеся позднее, а общее распространенное мнение, господствовавшее в начале 20-х гг. А. И. Кошелев, вспоминая «о либеральных толках, бывших в 1818–1822 гг.», писал, что у него «очень положительно и ясно сохранились ... в памяти жалобы на слабость императора

Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву. И старики и люди зрелого возраста, и, в особенности, молодежь, словом чуть-чуть не все, беспрестанно и без умолка осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды»³⁶. А смоленская помещица А. И. Колечицкая, молодая провинциальная дворянка, 1 октября 1820 г. записала в своем дневнике: «Меттерних пугает нашего либерального прекрасного Александра Благословенного, чтобы склонить его на свои деспотические меры. Избави Господи, чтобы эта старая лисица не успела!»³⁷.

Декабристы были прекрасно осведомлены о том, как воспринимал их деятельность император Александр I. И это не удивительно, они были очень заинтересованы в получении таких сведений и имели для этого возможность. Источники получения информации были самые надежные. П. Г. Каховский в одном из писем, написанных в крепости, доказывал: «Правительство не в силах скрыть от общего внимания изречения государей, произносимые в кабинетах в кругу самых близких людей, в непродолжительном времени они делаются известны во всем пространстве государств»³⁸. Более определенно высказался Н. И. Тургенев: «Различные обстоятельства подтвердили, что императору было не только известно о существовании в России тайных обществ, но он знал и фамилии многих их участников. Некоторые высокопоставленные чиновники иногда проговаривались об этом в минуты раздражения, и у нас не было сомнений в верности этих сведений»³⁹.

Все известия, по мнению декабристов, говорили о том, что Александр I утрачен наличием тайных обществ в России. И. Д. Якушкин в своих мемуарах приводит соответствующие примеры. Так, узнав о существовании Союза благоденствия и ознакомившись с его уставом, император якобы сказал, «что в этом уставе все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что большая часть тайных обществ при начале своем имеет почти всегда только цель филантропическую, но что потом эта цель изменяется скоро и переходит в заговор против правительства. С этих пор, – писал И. Д. Якушкин, – император находился в каком-то особенном опасении тайных обществ в России»⁴⁰. Александр I весьма серьезно отнесся к полученным сведениям и полагал, что это общество очень могущественно. «Он был уверен, – свидетельствовал Якушкин, – что устрашающее его тайное общество было чрезвычайно сильно, и сказал однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этот счет: “Ты ничего не понимаешь, эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства; в прошлом году, во время неурожая в Смоленской губернии, они кормили целые уезды”»⁴¹. Это мемуарное свидетельство подтверждается письмом И. Г. Бурцева к П. Д. Киселеву от 23 января 1823 г.: «Ваше

превосходительство объявили мне, что государь император изволил меня считать принадлежащим к какому-то тайному обществу, происками коего в 1821 г. учреждена была подписка на вспоможение жителям Смоленской губернии»⁴². В. Ф. Раевский вспоминал: «Когда мною производилось следствие, ко мне приезжал начальник штаба 2-й армии генерал Киселев. Он объявил мне, что государь император приказал возвратить мне шпагу, если я открою, какое тайное общество существует в России под названием «Союза благоденствия»⁴³.

Таким образом, декабристы не только знали, что Александру I известно о существовании их организации, но также были уверены, что она вызывает у царя опасения. Эта уверенность подогревалась и теми лицами, от которых они получали соответствующую информацию. В воспоминаниях того же И. Д. Якушкина есть рассказ о том, что, когда генерал А. П. Ермолов возвращался из С.-Петербурга, где имел продолжительные беседы с императором, на Кавказ, в Москве, увидев М. А. Фонвизина, воскликнул: «Поди сюда, величайший карбонарий, – и прибавил, – Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он вас так боится, как бы я желал, чтобы меня боялся»⁴⁴. Это свидетельство подтверждает и Н. И. Тургенев: «Генерал N., возвращавшийся из Петербурга на Кавказ, чтобы снова принять там командование армией, будучи проездом в Москве, сказал некоторым из нас: “Государь знает, зачем вы здесь собрались, но он уверен, что организация ваша весьма многочисленна; если бы он знал, что вас так мало, то, может быть, решился бы сыграть с вами какую-нибудь скверную шутку”»⁴⁵.

Примечательно, что подобные известия декабристам передавали люди, сами находившиеся под подозрением у Александра I. Весной 1826 г. в кабинете императора была найдена его собственноручная записка о том, что «пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по различным местам тайные общества и клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, гр. Гурьев, Дмит. Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб и обер-офицеров»⁴⁶.

Александр I полагал, что известное ему российское тайное общество достаточно многочисленно и пользуется поддержкой высших сановников империи и генералов армии, которые, может статься, находятся в его составе. Русский император нисколько не надеялся на свою армию. Проницательный К.-В. Меттерних однажды в разговоре со своим предшественником в австрийском министерстве иностранных дел Стадионом заметил об Александре I: «Он не доверяет своей армии,

своим министрам, своему дворянству, своему народу.... А знаете ли вы единственный истинный мотив нежелания императора Александра видеть хотя бы один только корпус армии, всего десять тысяч человек, расположенный за границей? Это его убеждение, что корпус переедет на сторону врагов, настолько либеральная работа храбрых ребят, окружавших царя, разложила эту самую армию»⁴⁷.

Александр I всерьез был уверен, что окружен заговорщиками. Тем не менее, зная поименно членов тайного общества, он не предпринял никаких шагов, чтобы разрушить его. Робкие попытки служебных преследований⁴⁸, законодательное запрещение всех тайных обществ и масонских лож⁴⁹ ничего не дали. Никто и не думал прекращать тайные собрания. Все как будто знали, что император не решится ни на какие репрессивные меры. Члены тайных обществ декабристов были так убеждены, что царь их боится, что и не думали бояться его.

Император же со своей стороны давал ясно понять некоторым декабристам, что осведомлен о существовании общества и знает его членов. В этой связи характерен намек С. Г. Волконскому, чтобы он не занимался управлением его империи⁵⁰.

Вопрос, почему же Александр I все-таки не решился на репрессии, остается открытым. Его фраза: «Не мне подобает карать»⁵¹, брошенная в разговоре с И. В. Васильчиковым о наличии тайного общества в России, объясняет не все. Исследователи интерпретируют ее двояко: как осознание Александром I своей ответственности за заговор против своего отца Павла I и как признание безрезультатности своих реформаторских начинаний⁵². Понимание императором неправомочности карательных действий подкреплялось осознанием нереальности их осуществления. Александру I попросту не на кого было надеяться, и некому было доверить дело проведения репрессий.

К тому же он был глубоко убежден, что российские тайные общества являются отделениями европейского революционного заговора против монархов. То, что это так, доказывает его отношение к Семеновской истории⁵³. В письме к А. А. Аракчееву 5/17 ноября 1820 г. восстание Семеновского полка он приписывал деятельности тайного общества и говорил о том, что главная цель этого возмущения его испугать⁵⁴ и заставить покинуть съезд Священного союза в Троппау, на котором обсуждался вопрос о подавлении революции в Италии. 10/22 ноября 1820 г. в послании И. В. Васильчикову он прямо пишет: «Радикалы и карбонарии, рассеянные по Европе, именно хотят заставить меня бросить начатое здесь дело; мы имеем в наших руках об этом и не один документ; они взбешены, видя дело, которым мы здесь занимаемся»⁵⁵. Последующие события вряд ли разубедили императора в том, что Семеновский бунт был делом рук общеевропейского

тайного общества. Но он представлял себе не сильным дело борьбы с всемирной организацией заговорщиков, глубоко пустившей корни и в его государстве.

В участии в тайных обществах подозревались и, видимо, не без основания, многие высшие военачальники⁵⁶. Разговоры императора с А. П. Ермоловым и П. Д. Киселевым о тайных союзах, в которых Александр I объявлял, что ему известно, преследовали цель выяснить, какое отношение они имеют к заговору в армии. Кроме того, Александр I полагал, что заговор проник и в его окружение, и что доверенные лица замышляют его убийство. Однажды, будучи в Варшаве, в разговоре с одним польским генералом, состоявшемся во время смотра войск, царь открылся ему: «Я знаю, что я окружен убийцами, и что на мою жизнь злоумышляют»⁵⁷.

Под подозрение попадают многие видные особы. Например, генерал-адъютант, начальник канцелярии Главного штаба князь А. С. Меншиков впал в немилость, отправлен в отставку, и за ним был учрежден полицейский надзор. Князь П. М. Волконский, начальник Генерального штаба, тоже был на время отдален от императора и лишился своего места. Более того, как это ни покажется невероятным, под подозрением был и сам граф А. А. Аракчеев, верный слуга императора, замечавший за собой слежку полиции⁵⁸. Но это и неудивительно, Александр I был прекрасно осведомлен о роли П. А. Палена в заговоре против его отца, а между тем граф Пален являлся первым человеком при Павле I, его доверенным лицом, и, несмотря на это, организовал его убийство⁵⁹.

Кроме того, как отмечает современная исследовательница О. В. Эдельман: «Именно возможная принадлежность к заговору людей известных, влиятельных, пользующихся популярностью в войсках и занимающих высокие командные посты, и должна была в первую очередь беспокоить власти. Для стиля мышления той эпохи было естественным предположить, что именно известные люди, а не армейские полковники и подполковники возглавляют тайное общество. Поэтому становится понятным, каким образом направлялась деятельность по надзору за заговорщиками, в том числе и ориентированность доносчиков»⁶⁰. Советский историк Б. Е. Сыроечковский, опубликовавший записку А. К. Бошняка «О сношениях моих с некоторыми заговорщиками», представленную в Следственный комитет по делу декабристов, приводил данные, что руководитель военных поселений Юга России граф И. О. Витт пытался через Бошняка выяснить, нет ли связей между тайными обществами и видными военачальниками – генералами П. Д. Киселевым, Н. Н. Раевским, а также сенатором Д. П. Троцинским⁶¹.

Панический трепет Александра I перед тайным обществом⁶² и заговором в высших правительственных кругах трагически сказался на его судьбе. Возможно, что его отказ принимать

лекарства, когда он уже серьезно болел, также был связан с боязнью, что его могут отравить заговорщики. Во всяком случае о страхе императора перед опасностью отравления не раз намекала в своих дневниковых записках Елизавета Алексеевна⁶³.

Страх, подчас определяющий поведение и действия любого человека, в том числе и политика, не был чужд и императору Александру I. Опасения происков всеевропейского тайного общества и возможности дворцового переворота овладели им безраздельно и определяли его политику как внутри России, так и на мировой арене. Это учитывали в своей деятельности и декабристы.

Примечания

- ¹ См: *Гордин Я. М.* Мистики и охранители. Дело о мадонском заговоре. СПб., 1999.
- ² См: *Зорин А. Л.* «Кормя двуглавого орла». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001. С. 187–237.
- ³ См: *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 176–211; *Она же.* Тайные общества первой трети XIX в. и организационные модели декабризма. Ч. I. // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2002. Вып. V. С. 63–94; *Она же.* Тайное общество декабристов: европейское влияние и российский контекст // Империя и либералы. СПб., 2001. С. 52–64; *Она же.* Мнимые тайные общества в контексте культуры или Петрозаводский «парламент» 1821 г. // Ситуации культурного перелома: Материалы науч.-практ. семинара (24–26 апр. 1997). Петрозаводск, 1998.
- ⁴ См: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
- ⁵ См: *Шешин А. Б.* Д. И. Завалишин и Александр I // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. IV. С. 261–275.
- ⁶ См: *Чернов С. Н.* Поиски сношений декабристов с Западом // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев, 1926. Сб. 5. С. 113–123.
- ⁷ См: *Пресняков А. Е.* Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1925. № 8 (21). С. 35–37.
- ⁸ См: *Баррюэль О.* Вольтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. М., 1805–1809. Ч. I–XII; *Она же.* Записки о якобинцах, открывающие все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. М., 1806–1808. Ч. I–VI.
- ⁹ См: *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–1825. М., 1975. С. 251–306, 366.
- ¹⁰ См: *Потапова Н. Д.* «Тайное общество» как объект уголовного преследования в России 1-й четверти XIX в.: миф и реальность // Культура: соблазны понимания: В 2 ч. Петрозаводск, 1999. Ч. 2. С. 68–78.
- ¹¹ См: *Рогов К. Ю.* Декабристы и «немцы» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 115–117.
- ¹² См: *Порох И. В.* Александр I и декабристы // История. Общество. Личность. Саратов, 1993. С. 36–37.
- ¹³ См: *Пугачев В. В.* Из истории политической мысли декабристов (тайные общества и политическая лирика А. С. Пушкина в 1818–1820 гг.) // Вопросы истории государства и права. Саратов, 1977. Вып. 1. С. 38–45.
- ¹⁴ См: *Эйдельман Н. Я.* «Не ему их судить» // Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII – XIX веков. М., 1993. С. 372–381.
- ¹⁵ См: *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 13–54.
- ¹⁶ См: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 230; *Она же.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 74–99.
- ¹⁷ См: *Экштут С. А.* В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994.
- ¹⁸ См: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ; ср. мнение О. И. Киянской в рецензии на эту книгу: Отечественная история. 2005. № 6. С. 206.
- ¹⁹ См: *Жуковская Т. Н.* Мнимые тайные общества в контексте культуры или Петрозаводский «парламент» 1821 г.
- ²⁰ См: *Пушкина В. А., Ильин П. В.* Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826). Справочный указатель // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. II. С. 9–77; *Ильин П. В.* Биографический справочник «Декабристы»: итоги и проблемы декабристской биографики (к 10-летию со времени выхода в свет) // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. III. С. 203–257; *Эрлих С. Е.* Декабристы «по понятиям»: определения словарей (1863–1998) // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. II. С. 283–302; *Она же.* Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929–1994) // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. III. С. 258–313; *Киянская О. В.* Кто такие декабристы и за что они боролись? (Неюбилейные заметки о юбилейных конференциях) // Отечественная история. 2001. № 5; *Ильин П. В.* К вопросу о содержании термина «декабристы» // Отечественная история. 2002. № 6. С. 202–203; *Рахматуллин М. А.* Кого считать декабристом? (Историографические заметки) // Империя и либералы. СПб., 2001. С. 230–242; *Эрлих С. Е., Ильин П. В.* Рец.: Империя и либералы. (Материалы международной конференции): Сб. эссе / Сост. Я. А. Гордин, А. Д. Марголис. СПб.: Журнал «Звезда», 2001 // 14 декабря

- 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб., 2004. Вып. VI. С. 526–532.
- ²¹ См.: *Муравьев М.* Декабрист Артамон Захарович Муравьев // Тайные общества в России в начале XIX столетия. М., 1926. С. 103–128.
- ²² См.: *Артамонов Д. С.* «Русский Брут» и «поэт-гражданин» (о взаимоотношениях К. Ф. Рылеева и П. Г. Каховского) // Освободительное движение в России. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 126–131.
- ²³ См.: *Принцева Г. А., Бастарева Л. И.* Декабристы в Петербурге. Л., 1975. С. 216.
- ²⁴ *Пугачев В. В.* Из истории политической мысли декабристов. С. 41.
- ²⁵ *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. С. 191.
- ²⁶ *Рылеев К. Ф.* Сочинения. Л., 1987. С. 220.
- ²⁷ *Муравьев А. М.* Записки «Мой журнал» // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 124.
- ²⁸ *Вяземский П. А.* Мемуарные заметки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 477.
- ²⁹ *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 63.
- ³⁰ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 558.
- ³¹ *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск, 1982. Т. II. С. 178–179.
- ³² *Муравьев А. М.* Указ. соч. С. 124.
- ³³ *Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 74.
- ³⁴ *Раевский В. Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Иркутск, 1980–1983. Т. II. С. 349.
- ³⁵ *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 183–184.
- ³⁶ *Кошелев А. И.* Записки. М., 1991. С. 51.
- ³⁷ *Колечицкая А. И.* Мои записки от 1820 года / Публ. Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернак // Лица. Библиографический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 295.
- ³⁸ *Каховский П. Г.* Письмо к Николаю I // Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб., 1906. С. 30–31.
- ³⁹ *Тургенев Н. И.* Указ. соч. С. 61; См. также: *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1988. С. 74.
- ⁴⁰ *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма декабриста. М., 1951. С. 51.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Заболоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время: В 4 т. СПб., 1882. Т. IV. С. 28.
- ⁴³ *Раевский В. Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 377–378.
- ⁴⁴ *Якушкин И. Д.* Указ. соч. С. 53.
- ⁴⁵ *Тургенев Н. И.* Указ. соч. С. 61.
- ⁴⁶ Цит. по: *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 95; см. также: *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование: В 2 т. СПб., 1903. Т. I. С. 162.
- ⁴⁷ Цит. по: *Шебунина А. Н.* Европейская контрреволюция первой половины XIX в. Л., 1925. С. 180; См. о надеждах на армию декабристов и Александра I: *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 г. Л., 1926; *Чернов С. Н.* Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX века // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 179–260.
- ⁴⁸ См.: *Нечкина М. В.* Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 348–354; *Экштут С. А.* В поиске исторической альтернативы. С. 68–94; *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. С. 358–390.
- ⁴⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1866. Т. 38, № 29. С. 151; *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. С. 411–419.
- ⁵⁰ См.: *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 383; см. также: *Вяземский П. А.* Мемуарные заметки. С. 477.
- ⁵¹ *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. IV. С. 204; Ср.: *Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 363–364; Бумаги кн. И. В. Васильчикова // Русский архив. 1875. № 3. С. 345–346.
- ⁵² См.: *Порох И. В.* Александр I и декабристы. С. 37.
- ⁵³ См.: *Лапин В. В.* Семеновская история: 16–18 октября 1820 г. Л., 1991. С. 181–226.
- ⁵⁴ См.: Русская старина. 1870. № 1. С. 488; Исторический вестник. 1903. № 2. С. 281; *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Т. IV. С. 185.
- ⁵⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Т. IV. С. 189.
- ⁵⁶ См.: *Давыдов М. А.* «Оппозиция его величества». Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. С. 176–189.
- ⁵⁷ Польша в 1814–1831 гг. (из воспоминаний генерала Клементия Колачковского) // Русская старина. 1902. № 5. С. 425; *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Т. I. С. 170.
- ⁵⁸ См.: *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Т. I. С. 163–164.
- ⁵⁹ Ср.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 508.
- ⁶⁰ *Эдельман О. В.* Из истории Каменской управы Южного общества декабристов // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 250.
- ⁶¹ См.: *Сыроечковский Б. Е.* Записка А. К. Бошняка // Красный архив. 1925. № 2 (9). С. 195–225.
- ⁶² См.: *Эйдельман Н. Я.* «Не ему их судить». С. 377–378.
- ⁶³ См.: *Андреева Т. В.* Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб., 1997. Вып. I. С. 71.

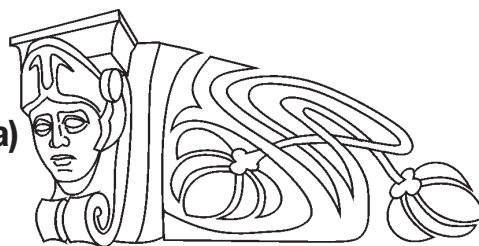

УДК 9(470)«1887/1941» + 929 Чернов

1928 ГОД В СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНОВА (к истории одного университетского конфликта)

В. А. Соломонов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: Solomonovva@mail.ru

В статье на основе широкого круга как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот архивных источников раскрывается трагическая участь профессора С. Н. Чернова (1887–1941). В 1928 г. в силу своих высоких человеческих и нравственных качеств он одним из первых оказался на линии партийно-идеологического огня против «буржуазной» вузовской интеллигенции. В итоге необузданной травли выдающийся ученый и педагог не только был несправедливо отстранен от своих преподавательских функций, но и насильственно изгнан из стен Саратовского университета.

The Year 1928 in Professor's Sergey Nikolaevich Chernov Destiny

V. A. Solomonov

This article, based on the wide circle of materials which partly were published before and partly put in use first time, deals with a tragic destiny of professor S. N. Chernov (1887–1941). He was one of the first "bourgeois" intellectuals who found himself in the firing line of the communist party and bureaucracy in 1928 because of his highest human and moral merits. Distinguished scientist and pedagogue was unfairly dismissed from his educational work and violently banish from the university as a result of the fierce persecution.

Имя профессора С. Н. Чернова (1887–1941), как и многих других ученых, работавших на историко-филологическом факультете Саратовского университета в первые годы его существования, навечно вписано в анналы отечественной гуманитарной науки. Декабристовед, краевед, специалист по истории русской науки – он принадлежал к трагическому поколению историков-профессионалов, которые в условиях тоталитарного режима не смогли полностью реализовать свой научный потенциал.

Одним из непреодолимых тому препятствий, по собственному признанию историка, явился для него роковой во всех отношениях 1928 год. «Жизнь моя <...> изуродована и сокрушена 1928 годом», «... в смысле научной работы жизнь неудавшаяся и не давшая того, что в существе дела могла бы дать», – писал С. Н. Чернов П. Г. Любомунову в ноябре 1935 г.¹

С. Н. Чернов, в силу своих высоких человеческих и нравственных качеств, одним из первых оказался на линии партийно-идеологического огня против «буржуазной» вузовской интелли-

генции. При этом следует заметить, что впервые открыто о неминуемых грозных переменах в саратовской жизни ученого заговорила его жена – М. А. Чернова. Уже в апреле 1925 г. она писала матери в Вильно: «...Сережа не хочет порывать с Саратов[ом], хотя рано или поздно там ему делать нечего будет и надо было бы устраиваться более определенно»². А спустя несколько месяцев и сам Сергей Николаевич в письме к С. Ф. Платонову признавал: «В январе трудами нашего "Иуды" (проф. В. Баллода. – В. С.) я был так разгружен от всякой работы в Саратове, что прожил здесь, в Москве, "весну"», занимаясь сбором «материалов к широко задуманной книге об И. Д. Якушкине»³.

Но особенно отчетливо нависшую над университетом тяжелую атмосферу С. Н. Чернов ощутил на рубеже 1927–1928 гг., когда ему объявили самый настоящий бойкот. Внешне он проявился в том, что по наущению «духовных наставников» – декана педагогического факультета профессора В. В. Буша (1888–1934) и читавшего курс истории финансового капитала в России доцента Г. Е. Мерсона (1892–1937) – появилось «коллективное» заявление учащейся молодежи. В нем студенты выражали «явно <...> отрицательное отношение» к Сергею Николаевичу «советской общественности» и «недовольство его преподаванием»⁴. Тем самым был приближен объявленный позже окончательный вердикт: «являться преподавателем Советского Университета не может»⁵.

В данном инциденте С. Н. Чернову была инкриминирована пропаганда среди вузовской молодежи идей великодержавного шовинизма⁶. Однако сам ученый основной причиной обструкции, которой подверглись в университете он, П. Г. Любомунов и В. А. Бутенко, считал глубокое различие между их строго научной системой преподавания и тем практическим, прикладным уклоном, который был придан всей работе университета. В письме С. Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г. С. Н. Чернов подчеркивал: «Крайняя по своим выводам и целям группа (ее же пророк Мерсон!) требует ведения практических занятий не по источникам, а по литературе – с привлечением источников лишь для иллюстраций... Должны и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное сохранение в Университете духа

научности! И параллельно с ростом «методических» требований растет и жесткость постановки отношений и вопросов»⁷.

В конце 1920-х гг. машина идейно-политического натиска на историков «старой» школы все больше набирала обороты, о чем свидетельствуют строки черновского письма С. Ф. Платонову: «...о, если бы Вы знали, как безумно тяжело в Университете! Там с новой силой назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и отношений, – но сильно опасаюсь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. <...> Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках...»⁸. И тревожное предчувствие не обмануло саратовского ученого. Почти через год «беда» действительно вошла в жизнь как его личную, так и близких ему людей и вошла именно так, как он и предсказывал – «в железных перчатках».

Кульминационное действо по приведению в жизнь плана очищения преподавательских рядов Саратовского университета от «реакционно настроенной профессуры» разыгралось 16 февраля 1928 г. на заседании университетского правления. В этот день В. В. Буш впервые официально и в намеренно жесткой форме заявил о решительном осуждении «советской общественностью» антимарксистских методологических принципов, применяемых С. Н. Черновым в его преподавательской практике. Указав на их чужеродность «требованиям, предъявляемым к современной высшей школе», он поставил вопрос о немедленном устранении ученого из университета⁹.

Выяснить, какими внутренними мотивами руководствовался декан факультета, произнося свою гневно-обличительную речь, зная его «общественно-политическую биографию», думается, не сложно. Стремление В. В. Буша всегда оставаться на верхних ступенях иерархической пирамиды власти, пользуясь ее привилегиями, и боязнь ненароком из-за своего мелкобуржуазного происхождения всего этого лишиться, заставляло его постоянно оглядываться назад и вспоминать собственные «политические заблуждения». Из автобиографического документа В. В. Буша видно, что к безоговорочному принятию большевистской власти он пришел не сразу. Поначалу он «Октябрьскую революцию не понял: мелкобуржуазная идеология, будучи в плену идеологии буржуазной, продолжала делать ставку на буржуазно-демократический парламентский строй, который должен быть установлен Учредительным собранием». Более того, работая в Российской книжной палате, он вместе с другими ее сотрудниками примкнул «к саботажу, охватившему подавляющее большинство буржуазной интеллигенции»,

за что даже «был арестован Ч.К., но быстро освобожден (15–20 дней в декабре) без предъявления <...> каких-либо обвинений». И только после этого В. В. Буш «...решительно включился в советскую работу на основе *сознательного* понимания и принятия принципа Октябрьской революции – диктатуры пролетариата».

Всю последующую жизнь он рьяно доказывал новой власти свою абсолютную лояльность и преданность. Наиболее заметно это проявилось в его работе по организации Ташкентского университета, протекавшей, по словам В. В. Буша, «в атмосфере напряженной борьбы за высшую школу на новых началах, в борьбе против остатков старых академических традиций и в борьбе за реорганизацию истор[ико]-филол[огического] факультета в педагогический». То же самое наблюдалось и в период его службы в Саратовском университете, где в течение шести с половиной лет (с конца 1924 г. по март 1931 г.) он все также «вел решительную борьбу с реакционной частью профессуры и принимал деятельное участие в пролетаризации ВУЗ'а»¹⁰.

Ни у кого из участников того злополучного заседания не нашлось мужества открыто выступить против несправедливого решения по «делу» С. Н. Чернова. Из восьми членов правления, присутствовавших на заранее отрежиссированном политическом спектакле, лишь двое – ректор университета, профессор С. Р. Миротворцев и заместитель декана медицинского факультета приват-доцент Е. С. Иваницкий-Василенко – не обронили в адрес опального историка ни единого осуждающего слова. Но и они в итоге вынуждены были поступиться своей совестью и проголосовать за принятие озвученного В. В. Бушем постановления об освобождении С. Н. Чернова от преподавательской деятельности и исключении его из списка профессоров Саратовского университета. Всеми же остальными конформистами от науки (заместителем ректора С. З. Каценбогеном, проректором по финансово-хозяйственным делам П. С. Рыковым, профессором В. С. Ундревичем, ответственным по студенческим делам Н. А. Герасимовым и предместкома рабочих и служащих университета М. А. Денисовым) данное решение было встречено с единодушным одобрением.

Из всей этой властной когорты лиц выбивался, да и то, как выяснится позже, совсем случайно, один только П. С. Рыков. Полностью разделяя мысль об «устранении проф[ессора] С. Н. Чернова от преподавания, т. к., – по его словам, – все замечания и предложения об изменении методов преподавания по читаемому им курсу не были приняты им во внимание»¹¹, этот человек, тем не менее, сильно опасался подмочить «участием в деле Бутенко-Чернова свою добрую академическую репутацию»¹². Отсюда и всё его показное беспокойство относительно будущего обустройства материального положения «старого друга», проявившееся разве что в осторожном

высказывании во время прений за «сохранение ему содержания до конца учебного года и в дальнейшем создании условий для работы в научно-исследовательских учреждениях, при которых его материальное положение не ухудшилось бы»¹³. Но предпринимать что-либо серьезное он, по-видимому, не собирался. К такому неутешительному выводу приводит письмо П. С. Рыкова А. А. Гераклизову от 21 марта 1928 г., в котором он мимоходом замечал: «С[ергею] Ник[олаевичу] я ничего не пишу, т. к. здесь нет никаких официальных на его счет извещений, но настроение в сферах очень решительное: всякая поддержка для Москвы и ни в коем случае не здесь (для работы). С институтом нашим для него вряд ли что удастся здесь. Лучше ему быть в Москве. Донбасская история еще более подогревает в этом смысле и я вполне понимаю такое отношение к С[ергею] Ник[олаевичу], который, надо сказать правду – да я ему ее и говорил всегда, – что он – мало церемонился в своих отношениях»¹⁴.

Прогибаясь под натиском тяжелых жизненных ситуаций, П. С. Рыков многого не смог разглядеть в характере и поведении С. Н. Чернова. Вряд ли он даже мог предположить, что для Сергея Николаевича «отношения с людьми есть дело глубокой и тонкой интимности»¹⁵, а не разменное средство в достижении личных интересов. И если кто-то из близкого окружения ученого совершал в отношении его самого или дорогих ему людей бесчестный поступок, по сути дела предательство, этот человек воспринимался им не иначе как *persona non grata* и оставался для него таковым навсегда. С таким человеком он порывал всякие прежние контакты, считая выше своих моральных и физических сил не только общаться, но и просто встречаться с ним когда-либо впредь.

Подобная печальная метаморфоза – увы! – произошла и во взаимоотношениях ученого с П. С. Рыковым, принявшим участие в развязывании откровенной травли, устроенной против Сергея Николаевича – его старого университетского товарища и сподвижника по краеведческой работе. Глубже постичь эту драматическую ситуацию позволяет письмо С. Н. Чернова А. А. Гераклизову от 14 октября 1928 г., которое раскрывает суть происшедшего конфликта и природу сложных противоречий, ставших непреодолимой преградой в общении между двумя некогда близкими друг к другу людьми.

Больше всего, как следует из названного источника, Сергей Николаевич был обескуражен двуличием своего коллеги, «ибо он не только лгал мне, говоря одно и делая другое, но и солгал в заседании Правления, сказав обо мне явную неправду», – с возмущением писал С. Н. Чернов. «... Я привык, – замечал он далее, – уважать чужое мнение и чужое поведение, как бы ни были они с моим не схожи, пока они остаются – первое, в рамках искренности, второе, в рамках честности»¹⁶. Однако самым возмутительным и коварным,

как писал С. Н. Чернов, оказалось то, что Павел Сергеевич, «твердя <...> о дружеских чувствах ко мне, рекомендовал мне *сдаться*. Это имело характер заботы обо мне при той передаче его речи, какую он сам давал, но имеет совсем другой характер (характер очень подленькой пассивной самозащиты) при той передаче его речи, какую дает протокол»¹⁷.

Надо сказать, что история с протоколом, а точнее – невероятными трудностями в его получении, и заставила Сергея Николаевича впервые усомниться в искренности слов и поступков П. С. Рыкова. До тех пор, пока ученый не был знаком с его содержанием, он «еще сильно, *на слово*, верил во всем П[авлу] С[ергеевичу]». Даже в свой майский 1928 г. приезд в Саратов С. Н. Чернов еще продолжал ему верить и «в его поведении еще не сомневался. – Он сам своей волокитой с протоколом дал возможность расцвести слабым росткам моих сомнений»¹⁸.

После всего того, что пришлось узнать и испытать С. Н. Чернову в процессе достижения, в сущности, пустяковой цели, ему ничего другого не оставалось, как заявить: «Я считаю его (П. С. Рыкова. – В. С.) поведение с протоколом столь же гнусным, как и во всех других случаях: он, творя гадость за спиной, делал задушевное лицо и выражал дружески нежную заботливость... И его поведение с протоколом было первым, что убедило меня в неискренности его общей линии»¹⁹. Решительно отверг Сергей Николаевич и уговоры А. А. Гераклизова о возможном «объяснении» и примирении с этим человеком. «Неужели же ты думаешь, – писал он, – что я, потеряв веру в П[авла] С[ергеевича] и считая его подлецом, смогу ему по-прежнему *верить на слово*, или стану верить большим и маленьким бушам и тем несчастным канцелярским служащим и служителям, которые всецело во власти П[авла] С[ергеевича] и Кацена [Каценбоген С. З. – В. А.]? Нет, дорогой А[лександр] А[лександрович], ни ему, ни им я верить не стану. А раз не стану верить, зачем же я стану объясняться? Для полировки крови и пищеварения? Для этого с меня достаточно того, что я милостью Кацена и Буша и подлости П[авла] С[ергеевича] перенес и доселе переносу. Да, переносу доселе! <...> ты сам поймешь, что слишком многое требовать от меня стать той ступенькой, на которую вступит своими грязными ногами П[авел] С[ергеевич], чтобы сесть на чистый престол политической беспорочности! И не требуй этого»²⁰.

Несмотря на резкость и бескомпромиссность С. Н. Чернова в оценке позиции П. С. Рыкова в данной ситуации, письмо ученого поражает не столько множеством приведенных фактов, сколько душевной открытостью и высшим благородством, которыми буквально насыщено каждое его слово.

Не имея больше ни сил, ни желания «быть только вежливым», Сергей Николаевич замечал:

«Дело же мое с П[авлом] С[ергеевичем] – дело особое. Я его когда-то очень любил. Давно (даже) очень. Недавно, вспомнив о нем безотносительно к происшедшему, я почувствовал что-то теплое и приятное – и на лице моем появился трепет нежной улыбки. Видишь? Хуже того, у меня и по сей час нет к нему ненависти и я не желаю ему зла. Но я не могу и не хочу его видеть, с ним говорить и общаться, потому что он порвал и растоптал то глубокое и тонкое интимное, что когда-то нас связывало, потому что своим бесчестным двуличием он разрушил во мне большую веру к себе и поднял во мне волны омерзения и презрения. Эти страшные волны, А[лександр] А[лександрович], все выше и выше, все грознее и сокрушительнее. Кого из нас они захлестнут и погубят? Его, меня или обоих? Может быть, мы уцелеем оба, но через них никогда не протянутся друг к другу наши руки. Это навсегда исключено. <...>

Пойми еще раз, что я был слишком близок с П[авлом] С[ергеевичем] и что подлость, им против меня совершенная, слишком велика, чтобы я мог его простить...»²¹.

Столь четко и ясно свои самые потаенные чувства и переживания мог выразить только тот, кто в жизни своей, каким бы тернистым ни казался ее путь, «никогда не делал скорых и тем более скороспелых заключений не в пользу, а во вред человека. В своей основе, – признавался С. Н. Чернов, – я – доверчив. Поэтому мне человек обычно часто рисуется лучше, чем он есть на самом деле. Но, к сожалению, этим не исчерпывается моя беда: я не только доверчив (очень, слишком доверчив!), но и терпелив к чужим грехам; я часто ставлю себя в положение грешащего товарища и со всею искренностью спрашиваю себя: “Ну, а разве я не поступил бы так же, как он, если бы был в таком же, как он, положении?” и всегда, когда по совести не могу ответить: “Нет, я бы так ни за что и никогда не поступил, хотя бы и находился в тяжелых условиях этого товарища”, всегда этого товарища извиняю; так было с Юшковым, Бутенко, Скалдиным и многими и многими другими, с которыми я оставался в добрых отношениях, хотя знал, что они грешили – и иногда грешили сильно. Но вот наступает черта, на которой я говорю: “Нет, я бы этого не сделал”»; так когда-то было с Баллодом, так теперь случилось с Рыковым. Тогда – конечно. И конечно навсегда, на всю жизнь»²².

Что касается П. С. Рыкова, то это событие не сильно его огорчило, хотя, надо признать, несколько подпортило в глазах местной ученой элиты его «добрую академическую репутацию». Не удивительно, что в личном общении с университетскими коллегами он старался эту тему обходить молчанием, а когда не удавалось, вынужден был заявлять: «Мне очень жаль, что мы разошлись с ним (С. Н. Черновым. – В. С.), но честью уверяю, что я здесь невиновен – он мог, прежде ссоры, вернее, молчаливого отхода (с криками и клеветой на

меня) спросить, выяснить все. Теперь пути наши очень далеко разошлись»²³.

Особенно горько и досадно, что из всей этой истории Павел Сергеевич никаких серьезных уроков для себя так и не вынес. Несмотря на свою готовность угождать власти и безмолвно повиноваться любым, даже самым бессмысленным и жестоким партийным указаниям и своему непосредственному начальству, в конце концов, и его не миновал ГУЛАГ, в бездне которого и оборвалась его жизнь»²⁴.

Возвращаясь к событиям 1928 г., связанным с одним из первых случаев насильственного устранения из Саратовского университета С. Н. Чернова, отметим, что сам он сдаваться и мириться с несправедливостью, как ему советовал сердобольный П. С. Рыков, не собирался. Не теша себя иллюзией легкой и скорой победы в борьбе за попранные права, историк, тем не менее, был решительно настроен выяснить истинные причины его устранения и добиться справедливого отношения к его педагогической и научной деятельности. Как узнал Сергей Николаевич от «разных чинов Главпрофобра», непосредственный повод, вызвавший «столь быструю и столь решительную расправу» с ним, нужно искать «не в каких-либо директивах сего учреждения, а в настроениях местной власти; Ал[ексей] Ив[анович] Некрасов пояснил мне, что в особую вину мне поставлена речь на прошлогодней конференции научных работников в Саратове»²⁵. Вместе с тем, пусть слабую, но все же надежду вселял в ученого и пронесшийся по Саратову «слух, что за С[ергея] Н[иколаевича] хлопчет секция Научных работников...»²⁶. Однако уже 4 марта 1928 г. в письме к С. Ф. Платонову он безрадостно констатировал: «“Попечительное начальство” решило участь мою: Г[осударственный] У[ченый] С[овет] во вторник <...> признал, что моя работа в Саратовском Университете должна прекратиться. Правда, – уточнял Сергей Николаевич, – не все так определяют постановление ГУС’а, но так его определил осторожный и уклончивый В. П. Волгин».

По словам обескураженного таким известием С. Н. Чернова, «...ГУС облек свое решение в блестящие одежды: он очень осудил метод действий Правления нашего Университета, дал мне командировку на 6 месяцев и будто бы даже признал нашего фактического ректора С. З. Каценбогена неподходящим быть настоящим ректором ввиду несомненного наличия крупных дезорганизаторских способностей, а по моему адресу – наговорил всяких сочувственных слов. Но, тем не менее, фактически осуществил все домогательства гг. Каценбогенов и убрал меня из Саратовского Университета»²⁷.

Потерпев в этой схватке первую серьезную неудачу, ученый еще упорнее продолжал отстаивать свою правоту, хотя и откровенно признавался в письме С. Ф. Платонову: «никаких устойчивых надежд у меня уже нет»²⁸.

Находясь в Москве, Сергей Николаевич 9 марта 1928 г. направил в саратовское Бюро Секции научных работников губернского отдела Рабпрос очередное официальное заявление. В нем, изложив кратко суть принятого университетским правлением постановления от 16 февраля 1928 г., он писал: «В Саратовском Университете я преподаю с осени 1917 [г.], сначала на положении приват-доцента, затем в должности доцента и профессора. Позволяю себе думать, что на одиннадцатом году моей работы в Университете не случилось ничего, что потребовало бы применения ко мне столь решительной и суровой меры, ни в области моего преподавания, ни в области моих служебных отношений. <...>

Считаю поэтому действия Правления по моему увольнению от службы и немедленному «освобождению» от преподавания совершенно неправильными, прошу Бюро Секции не отказать подвергнуть их рассмотрению»²⁹.

Через два месяца по факту поданного С. Н. Черновым заявления состоялось заседание Бюро секции, результат которого оказался также неутешительным.

В принятой на этом заседании резолюции, подтверждавшей правомочность вынесенного правлением университета решения, подчеркивалось: «Исключительный характер отстранения (до конца учебного года и без формального предупреждения) объясняется Правлением Университета исключительностью создавшейся обстановки <...>, при которой дальнейшее пребывание проф[ессора] Чернова на кафедре могло повести к ослаблению авторитета преподавателей высшей школы, к ослаблению связи профессорских и преподавательских кругов со студенческой массой и др[угим] осложнениям»³⁰.

Но при всем своем отрицательном значении данная резолюция содержала в себе и один очень значимый для С. Н. Чернова положительный момент, свидетельствовавший о том, что в четко выстроенной местными конформистами схеме политического прессинга и манипулирования общественным сознанием имелась-таки брешь. Дело в том, что при обсуждении высказанного председателем Бюро секции научных работников профессором М. И. Райским предложения дополнить текст общей резолюции словами: «но Бюро отмечает, что имевший место способ отстранения проф[ессора] Чернова не является обычным, соответствующим установленному порядку», выяснилось, что абсолютного единomyслия по этому принципиальному пункту у присутствовавших на заседании членов Бюро нет. По итогам голосования резолюция с заранее одобренным в верхах текстом была «принята всеми при одном воздержавшемся», а не прошедшее предварительного согласования дополнение М. И. Райского «отклонено 11 головами против 4-х»³¹. Такой расклад противоборствующих сил не мог, конечно, привести ученого

к желанному успеху. Однако это позволило не только сохранить, но еще более укрепить Сергея Николаевича в мысли, что со злом он сражается не в одиночку. «Я терплю поражение, но буду бороться. Думаю, что выведу на чистую воду всех подлецов и мерзавцев и восторжествую победою», – с завидной решительностью заявлял опальный историк³².

После вынужденного перехода от преподавательской деятельности к научно-исследовательской работе с сохранением до 1 октября 1928 г. полностью университетского жалования³³, С. Н. Чернов еще некоторое время продолжал жить в Саратове и всерьез не планировал отказываться от него. «От Саратова я пока еще не отказался, но мне в нем твердо отказывают. Силы сломаны...», – писал он С. Ф. Платонову³⁴. Но, увы, изменить что-либо в создавшейся ситуации историк не удалось. Не привели к позитивным результатам и его обращения за поддержкой к М. Н. Покровскому и другим влиятельным историкам-марксистам – И. И. Ходоровскому, Н. И. Челяпову, И. К. Лупполу. И в итоге осенью 1928 г. С. Н. Чернов вынужден был навсегда расстаться с университетом и уехать из Саратова.

Примечания

- ¹ Андреева Т. В., Смирнова Т. Г. 1928–1935 годы в судьбе С. Н. Чернова: Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомуру от 9–10 ноября 1935 г. // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 1. С. 365; Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомуру от [22 ноября 1935 г.] // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 470 (П. Г. Любомуров). Оп. 1. Д. 234. Л. 28.
- ² Письмо М. А. Черновой А. К. Филипповой от 9 апреля 1925 г. // Коллекция документов по истории Саратовского университета В. А. Соломонова (Саратов) (Коллекция В. А. Соломонова).
- ³ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 21 августа 1925 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма / Сост., вступ. статья, коммент. Т. В. Андреевой и В. С. Парсамова; Под ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2004. С. 250.
- ⁴ Протокол № 7 заседания Бюро Секции научных работников от 8-го мая 1928 года // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 41.
- ⁵ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // Там же. Л. 43об.
- ⁶ См.: Куреньшев А. А. Судьба историка: П. Г. Любомуров. 1885–1935 // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 151.
- ⁷ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 283.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося

- 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43–43об.
- ¹⁰ Общественно-политическая биография В. В. Буша канд[идата в члены] ВКП (б) с [19]30 г. Автограф // Отдел рукописей Российской научной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 117 (В. В. Буш). Оп. 1. Д. 28. Л. 9–10об.
- ¹¹ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43–43об.
- ¹² Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от [14 октября] 1928 г. // Отдел рукописей и редких книг Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич СГУ (ОРРК ЗНБ СГУ). Личный фонд А. А. Герасимова.
- ¹³ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43об.
- ¹⁴ Письмо П. С. Рыкова А. А. Герасимову от 21 марта 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ¹⁵ Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от [14 октября] 1928 г. // Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Письмо П. С. Рыкова А. А. Герасимову от 25 июня 1930 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ²⁴ П. С. Рыков был арестован органами НКВД в середине августа 1937 г., а 24 января 1938 г., обвиненный «в причастности к свержению Советской власти и реставрации капитализма путем проведения терактов против руководителей ВКП (б) и Советского правительства», приговорен к 10 годам заключения, с отбыванием наказания во Владлаге, близ г. Владивостока. Здесь он 26 марта 1942 г. и умер. В 1956 г., спустя 14 лет после смерти, П. С. Рыков был полностью реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС.
- ²⁵ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от [кон. февраля – нач. марта 1928 г.] // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 292.
- ²⁶ Письмо Н. Н. Пеннер А. А. Герасимову от 1 марта 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ²⁷ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 4 марта 1928 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 286.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Заявление С. Н. Чернова в Бюро Секции научных работников губотдела Рабпрос в Саратове. Москва, 9 марта 1928 г. Автограф // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 42–42об.
- ³⁰ Протокол № 7 заседания Бюро Секции научных работников от 8-го мая 1928 года // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 41.
- ³¹ Там же.
- ³² Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от 9 сентября 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ³³ См.: Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 4 марта 1928 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 286–287.
- ³⁴ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 12 апреля 1928 г. // Там же. С. 288.

УДК 9(470.44)«1905/1907»

С.Ю. ВИТТЕ И СЛЕД ГАПОНОВЩИНЫ В САРАТОВЕ

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: StepanovUG@list.ru

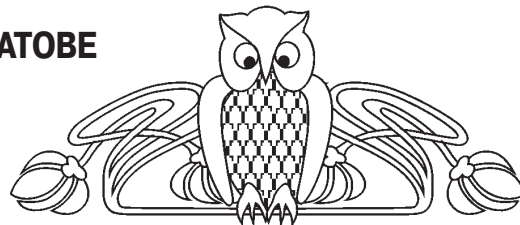
В статье рассматривается политическая деятельность С.Ю. Витте в годы Первой русской революции. Связь Витте с авантюристом Г.А. Гапоном доказывается архивными источниками из фондов Саратовского архива. Вниманию читателей представлен ранее неизвестный материал.

S. Yu. Vitte and Track of Gaponovschiny in Saratov

Yu.G. Stepanov

In article S.Yu. Vitte's political activity within the First Russian revolution is considered. Communication S.Yu. Vitte with adventurer G.A. Gapon archival sources from funds of the Saratov archive. The unknown material is submitted to attention of readers earlier.

«Выдающийся государственный деятель», «крупный политик», «дипломат», «реформатор»

– все эти оценки личности С.Ю. Витте издавна закрепились в отечественной историографии. Но была и другая сторона в деятельности Витте, которая стала предметом интереса историков сравнительно недавно, в том числе и закулисная деятельность председателя Совета министров в годы Первой русской революции.

По складу характера и убеждениям С.Ю. Витте никогда не был сторонником ограниченной монархии. Самодержец, в политической философии Витте, только необходимый компонент механизма власти, но реальная власть не обязательно должна находиться в руках самодержца российского. К Александру III он относился с уважением и опаской, но по аристократически высокомерно. Николая II презирал почти открыто. Подобно британской дипломатии Сергей Юльевич не имел

вечных союзников, имея в виду только «вечный интерес» – власть, он практически менял и сдавал «союзников» в зависимости от расклада сил и политической ситуации.

Уже события 9 января показали, как выстраивал Сергей Юльевич сценарий будущих событий, в которых он должен будет играть главную роль.

Вечером 8 января Витте отказал всем пытавшимся предотвратить трагедию Кровавого воскресенья. Известный общественный деятель, правовед И.В. Гессен дважды лично и затем в составе делегации, умолял Витте принять меры, чтобы не допустить кровопролитие. Витте, сославшись на некомпетентность, твердо отказал всем просителям в содействии, не забыв при этом указать на возможных виновников несчастия: министра финансов В.Н. Коковцова, министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского и ... Николая II¹. «Завязав тайные сношения с Гапоном, Вы умыли руки 9 января...», – отмечал близкий С.Ю. Витте публицист И.И. Колышко².

17 января 1905 г. на первом после Кровавого воскресенья заседании Совета министров А.С. Ермолов «высказал свое глубокое убеждение в безусловной необходимости привлечь общественные силы к участию в решении вопросов государственной важности»³. Витте, по словам В.И. Гурко, отнесся к предложению министра земледелия и государственных имуществ «довольно холодно»⁴. Годы спустя, уже в отставке Сергей Юльевич признавал: «если же рабочие не разошлись бы, то, конечно, я употребил бы против них силу»⁵.

Итак, побоище 9 января не было для Витте неожиданностью. Однако сразу после Кровавого воскресенья он негодовал «на неразумные действия полиции и доказывал, что нельзя было пускать в ход оружие»⁶. Витте почти открыто интриговал против правительства Святополк-Мирского не только «в петербургских кабинетах». Так, от третьего лица (вполне, впрочем, всеми узнаваемого) в парижской прессе появилось интервью, где заявлялось, что «не соглашается принять этот пост (министра МВД. – Ю.С.) и Витте, если только ему вместе с титулом канцлера не предоставят полной свободы применить свою программу»⁷. Витте не только ожидал кровавых столкновений 9 января, прекрасно осознавая их неизбежность, он был в этом *заинтересован*. Гурко, анализируя политический блицкриг Витте, совершенно верно писал: «Создавалось впечатление, что правительственный курс остается прежним, а рядом с ним возник курс, инициатором которого и деятельным, но бессильным проводником является Витте, с правительственной деятельностью не солидарный <...> на Витте смотрели как на борца за общественную свободу»⁸.

До какого-то времени эти расчеты оправдавались. К осени 1905 г. паника в верхах достигла апогея. Витте, который «знает себе цену и диктует

условия», утром 17 октября спешно переделал Манифест, с которым и явился к самодержцу.

По словам И.И. Колышко, литературного агента Витте, редактировавшего текст манифеста, премьер наставлял его с циничной откровенностью: «Напишите два доклада: для царя и для публики. У царя надо отшибить страх от конституции. Но осторожно, обводите его как пугливого коня, возле куста. Ну, а для публики – чтобы всем было ясно, что конституцию я дам, но не сразу. Постепенно. Поняли?»⁹.

Витте никогда не рассматривал Манифест 17 октября как Конституцию. Главное для него, было сбить накал революционной борьбы и остаться у власти. Свой тактический маневр Витте, раздраженный недогадливостью августейшего монарха, объяснял ему предельно откровенно: «Прежде всего, постарайтесь водворить в лагере противника смуту, бросьте кость, которая все пасти, на Вас направленные, направит на себя»¹⁰.

Безусловно, Витте – крупный и опытный политик. Но опыта действий в условиях развивающейся революции у него не было, и быть не могло. С этим и связаны его главные просчеты. Он полагал, что после Манифеста 17 октября станет для императора спасителем монархии, для правых спасителем Отечества, для либералов «отцом русской Конституции», с революцией же покончит с помощью решительного и жесткого П.Н. Дурново, на которого и падет вся ответственность за пролитую кровь. Реальность опровергла этот сценарий.

Прежде всего не оправдался расчет Витте на послушание П.Н. Дурново. В октябре 1905 г., добиваясь расположения представителей общественности, Сергей Юльевич согласовывал с либералами состав кабинета министров. На ключевую должность министра внутренних дел была предложена кандидатура П.Н. Дурново, решительно отклоненная представителями общественности. Тем не менее, Сергей Юльевич убедил Николая II назначить своего ставленника управляющим министерством. Тайный подтекст настойчивости Витте, лоббировавшего назначение Дурново, точно определил министр народного просвещения И.И. Толстой: «Я думаю, что он (Витте. – Ю.С.) ... знал, что реформы гладко не пройдут, что так или иначе придется прибегнуть к репрессиям <...>»¹¹. Предложенный П.Н. Дурново рецепт борьбы с крамолой – «к стене и расстрелять» – вызывал тайное сочувствие Витте. Но «лечить» общество по таким рецептам должен был тот, кто их предложил. В тот момент Витте, конечно, не мог предположить, что именно П.Н. Дурново с декабря 1905 г. станет для Николая II «самым верным и преданным слугой монархии» и оттеснит своего «благодетеля». Витте явно переоценил свои силы, полагая, что может по своему усмотрению использовать Дурново.

Кроме того, как оказалось, Дурново – полицейский с опытом собирал компромат на Витте и держал его в своих руках (об этом далее).

Расчет на всеобщее умиротворение после обнародования Манифеста 17 октября не оправдался, что вызвало у Витте определенное замешательство. По свидетельству В.А. Маклакова, «правые уверяли», что Витте намеренно дает революции разрастаться, мечтая «стать президентом Российской республики». Сам же отставной премьер-министр уверял, что «это делал сознательно, хотел покончить с революцией сразу, как когда-то Тьер покончил с Коммуной»¹². Это признание Витте показательно. Думается, в этом случае несостоявшийся «отец русской конституции», что называется, проговорился. Именно в этом и состоял его план.

С ноября 1905 г. С.Ю. Витте то запугивает царя отставкой, то истерически требует военной расправы с крамолой. Никто иной, как С.Ю. Витте призвал использовать войска для подавления революции. Уже 8 ноября 1905 г. он настаивает на подавлении революции в Прибалтике самым решительным образом. Далеко не сентиментальный генерал-губернатор временного Прибалтийского генерал-губернаторства В.У. Соллогуб был вынужден оправдываться: «Собственно в г. Риге не представлялось пока возможным проявить беспощадную воинскую репрессию». Далее Соллогуб извещает председателя Совета министров о принятии необходимых мер, в частности, что один из агитаторов расстрелян, а «дом другого сожжен»¹³.

По настоянию Витте в декабре 1905 г. Николай II приказал созвать совещание «об изменении дислокации войск» под председательством самого Витте¹⁴. П.А. Столыпин по части использования войск в карательных целях был только исполнителем идеи, высказанной Сергеем Юльевичем еще 24 декабря 1905 г.

Весной 1906 г. по инициативе С.Ю. Витте и П.Н. Дурново высшие сановники обсуждали вопрос о предоставлении царю чрезвычайных прав «в видах предотвращения грозящей государству опасности». Вряд ли стоит сомневаться, что речь шла о роспуске Думы. Обрисовав собравшимся министрам и сенаторам «грозящую государству опасность», Витте умозаключил: «Несомненно, что это будет государственный переворот, но его лучше основать на законе». Предложение Витте поддержки у собравшихся не нашло. «Во всем мире нет таких законов, которые предусматривали бы государственный переворот», – резонно возразил министр юстиции М.Г. Акимов. Отказался от идеи «легитимного» государственного переворота и самодержец российский. Видимо, и для него это было бы слишком¹⁵. Не получив поддержки своим планам, Витте, тем не менее, не отказался от идеи переворота, поручив В.П. Литвинову-Фалинскому, управляющему в Министерстве

торговли и промышленности, «следить за наступлением подходящего часа»¹⁶.

Нервозность С.Ю. Витте, его метания из крайности в крайность не остались без внимания самодержца, который все менее и менее доверял своему премьер-министру. К весне 1906 г., когда влияние Витте значительно упало, вспыхнул скандал, который и стал началом конца карьеры Витте и его мечтам стать «русским Тьером».

Весной 1905 г. в печать просочились сведения о связи председателя Совета министров с Гапоном. Этот скандал председатель Совета министров пытался погасить, подставив под удар своего подчиненного. С.Ю. Витте настаивал, что министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев «без моего ведома [...] выдал 30 тыс[ячь] руб. [лей] Матюшенскому для организации рабочих, организации по тому времени умеренной, не революционного характера.

Матюшенский же эти деньги похитил, выдав рабочим только 6 тыс[ячь] руб. [лей], и обо всем этом инциденте я узнал только из газет. Одновременно выяснилось, что Тимирязев принимал у себя известного священника Гапона, которого за несколько месяцев перед тем я выслал из России с запрещением ему въезда в Россию»¹⁷.

На самом деле, как установили исследователи, В.И. Тимирязев действовал по поручению С.Ю. Витте, финансировавшего Гапона. «Приняв представителя Гапона журналиста Матюшенского, просившего о возобновлении деятельности гапоновских организаций и легализации их руководителя, нелегально вернувшегося в столицу, Витте поручил вступить в контакт с Гапоном состоявшему при премьер-министре охраннику и известному аферисту И.Ф. Манасевичу-Мануйлову (журналист, известный сомнительными делами, близкий друг Григория Распутина, расстрелян в 1918 г. – Ю.С.). Сам же Гапон получил субсидию в 500 руб. из личных средств Витте и был укрыт Мануйловым за границей. Затем Витте решил использовать «авторитет» Гапона, чрезвычайно популярного какое-то время в революционных кругах и среди рабочих»¹⁸.

Отметим, что о зубатовских обществах Витте знал с момента их создания. Негласно поддерживая идею «полицейского социализма», он предпочитал держаться в стороне, не афишируя своего участия в этом двусмысленном предприятии. Так, в 1903 г. по инициативе С.В. Зубатова Гапон направил председателю Комитета министров С. Ю. Витте записку с просьбой о содействии в легализации рабочих организаций, созданных под надзором полиции. Как следствие, в августе того же года, получив поддержку от петербургского градоначальника И.А. Фуллона, Гапон основал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга»¹⁹. А осенью 1904 г. при поддержке Министерства финансов было учреждено Петербургское общество взаимопомощи в механическом производстве. Его пред-

седателем стал деятельный участник зубатовских обществ М.А. Ушаков, «состоявший в переписке с Витте»²⁰. Его и направил Витте к вел. кн. Николаю Николаевичу вечером 16 октября, добившись через князя М.М. Андроникова (известного авантюриста, впоследствии ближайшего друга Григория Распутина), чтобы великий князь принял «человека из народа»²¹. «Наказ» Ушакову был дан вполне определенный: представить великому князю положение дел в таком свете, что немедленное дарование конституции может отвлечь вооруженную революцию ...»²².

Гапон был тщательно проинструктирован премьер-министром о дальнейших действиях. Для этого в Париж была отправлена отредактированная по указаниям Витте «программа» воззвания Гапона к рабочим. «Воззвание» должно было указать рабочим на «необходимость приостановиться на пути освободительных стремлений, с целью удержать за собой и закрепить занятые позиции» (подсказывалось, таким образом, не только содержание, но и псевдореволюционная фразеология воззвания). И священник-социалист призывал: «Ни шагу вперед», «укрепляй завоеванные позиции»²³. Переехав в Финляндию, Гапон предложил С.Ю. Витте и П.Н. Дурново продать за 100 тыс. руб. известную ему революционную организацию. В переговоры с ним вступил П.И. Рачковский – заведующий заграничной агентурой Департамента полиции. Кроме услуг по чисто полицейской части, Гапон оказывал Витте услуги и другого рода. В своем интервью, данном репортеру «Матэн», он защищал русские финансы, царское правительство и лично Витте. «Юманите» справедливо указала по поводу этого интервью, что Гапон продан Витте. В роли ходатая по делам гапоновских организаций выступал связанный с Витте Н.А. Демчинский. «Кроме сумм, прямо положенных Гапону в карман, министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев выдал Матюшенскому, направленному к нему Витте в сопровождении все того же Мануйлова, 30 тыс. руб. на возобновление деятельности гапоновских организаций. Но тут-то вся эта история, обставленная, разумеется, величайшей секретностью, и получила огласку, попав в печать, благодаря тому, что Матюшенский, отдав гапоновцам 7 тысяч, присвоил себе остальные, в чем был ими уличен»²⁴. По требованию царя П.Н. Дурново представил ему верноподданную записку, где и раскрывались тайные связи Витте с Гапоном. После этого председатель Совета министров и был отправлен в отставку.

Тем временем сам А.И. Матюшенский, главный фигурант всего этого скандала, находился в Саратове. В Саратовском областном архиве сохранились воспоминания Н.М. Архангельского – редактора газеты «Саратовский край», вспоминавшего о «явлении» Матюшенского в «столицу Поволжья». Записи Архангельского, неизвестные исследователям, раскрывают некоторые весьма

неожиданные страницы попытки восстановления в России системы полицейского социализма.

Архангельский вспоминал, что его случайный знакомый, средний руки столичный журналист А.И. Матюшенский объявился в Саратове в начале января 1906 г. По словам мемуариста, Матюшенский заявил, что его должны были арестовать, поэтому он, заручившись рекомендательным письмом от А.А. Столыпина – родного брата П.А. Столыпина – решил скрыться в Саратове. По этому поводу Е.М. Архангельский заметил: «В то время, действительно, бывало так, что достаточно было человеку выехать из одного города, и его не трогали в другом. Поэтому объяснение Матюшенского мне показалось правдоподобным»²⁵. Между тем спокойствие столичного визитера, находившегося под угрозой ареста, более чем странно. Во-первых, к своему брату, умеренно консервативному публицисту – П.А. Столыпину относился пренебрежительно. С чего бы вдруг в разгар революции жесткий и непримиримый губернатор Саратова вдруг прислушался к просьбам «петербургского писаки» «приютить» разыскиваемого полицией «государственного преступника»? Во-вторых, П.А. Столыпин вел бескомпромиссную войну с местной либеральной и социалистической прессой. Прибытие в губернский город еще одного журналиста – оппозиционера с «сомнительной репутацией» было ему совершенно ни к чему. Вероятно, Матюшенский придумал себе «биографию» беглого преступника. Во всяком случае, как оказалось, врал Матюшенский часто, в чем вскоре убедился и Архангельский, и многие другие как в Саратове, так и вне его.

Итак, по сведениям, просочившимся в прессу, Матюшенский, получив от С.Ю. Витте 30 тыс. руб. на восстановление гапоновских обществ, прибрал к рукам более 20 тыс. руб., передав «единомышленникам» оставшиеся 6 или 7 тыс. По общему убеждению, Матюшенский банально украл большую часть денег, что и стало причиной разразившегося скандала. Однако воспоминания Н.М. Архангельского опровергают эту версию.

По словам редактора «Саратовского края», Матюшенский «жил довольно уединенно, чисто обывательски <...> поселился в небольшой, в четыре комнаты, квартире вместе с женой»²⁶. Если бы А.И. Матюшенский был обычным мошенником, он с суммой в 30 тыс. руб. мог легко оказаться вне пределов охваченной революционной смуты России и жить, например, в Париже на широкую ногу. Матюшенский же предпочел скромную жизнь в Саратове. Более того, строил планы купить одну из местных газет. Архангельский сообщает: «Начались переговоры. Матюшенский считал, высчитывал и торговался чуть не из-за каждого рубля. За газету он предлагал 15 тыс[яч] руб[лей] и ни копейки больше <...>»²⁷. Потерпев неудачу с «Приволжским краем», Матюшенский обратил свое внимание на «Саратовский дневник». «Издатель его В. К. Самсонов как раз тоже

испытывал денежные затруднения, и потому предложение Матюшенского принять его в компанию по издательству и 15 тыс[яч] было принято Самсоновым очень благосклонно. И на этот раз Матюшенский входил во все подробности дела, просил представить смету, отчеты и т. п. При этом как-то сказал, что если понадобится, он может *увеличить сумму взноса до 20 тыс[яч]руб[лей]*» (курсив мой. – Ю.С.)

Таким образом, Матюшенский на покупку газеты готов был потратить 20 тыс. руб., то есть $\frac{2}{3}$ из того, что получил от С.Ю. Витте. Архангельский подчеркивает настойчивость Матюшенского в стремлении приобрести газету. Для чего же посланник Витте пытался любыми средствами «заполучить» право издаваться в Саратове? Цели этой акции бывший столичный журналист перед Архангельским, которого он считал «своим», не скрывал. Архангельский вспоминал: «Он предлагал пока издавать еженедельную газету, причем говорил, что для успеха ее надо взять смелый, даже «резкий» тон. Я возражал, что на «тоне» далеко не уедешь, что время еженедельных газет прошло, а за «резкость» газету закроют.

– Нет, зачем же! Мы поведем дело умненько. Мы подвергнем критике тактику левых партий и тем гарантируем себя от репрессий.

Я насторожился. Хотя я и скептически относился к тактике левых, но считал, что в то время было неполитично выступать против них, так как начинало уже чувствоваться, и довольно сильно, дуновение реакции <...> Мне план Матюшенского – дискредитировать тактику левых, хотя и с «полным уважением к ним», – показался подозрительным»²⁸.

В разгар всех этих переговоров и разразился скандал, Матюшенский в Саратове был арестован. Н.М. Архангельский удивлялся: «<Вопрос> почему после этого Матюшенского в тот же день выпустили на свободу, – тоже является загадочным»²⁹. Уж не потому ли, что «во всей этой истории были замешаны слишком влиятельные люди, которым арест Матюшенского мог причинить много неприятностей?»³⁰. Предположение весьма резонное. Отдать приказ о немедленном освобождении гапоновца-неудачника мог либо глава МВД, т.е. П.Н. Дурново, либо сам С.Ю. Витте. Очень примечательна фраза А.И. Матюшенского о необходимости поездки в Петербург. По его словам, «в газетах *может* (курсив мой. – Ю.С.) появиться сообщение, что я получал от Витте через Тимирязева деньги для гапоновской организации. Если это станет известно – все пропало»³¹. А.И. Матюшенский, таким образом, намеревался погасить нарастающий скандал *до того*, как сведения, порочащие Витте, попадут в печать. Следовательно, он был об этом предупрежден в момент так называемого ареста, другой возможности узнать о готовящихся в Петербурге событиях у него просто не было.

Свою версию происшедшего А.И. Матюшенский поместил в парижском издании³². В своей исповеди он пытался доказать, что «Витте дал эти деньги на организацию черной сотни, а Матюшенский взял их, чтобы употребить на дело революции, чтобы отсюда поднять поволжских старообрядцев легендой, что в России воцарился антихрист. А так как связи с местными революционерами он растерял, то для возобновления их, он некоторое время решил пожить в Саратове»³³. Комментируя эту «исповедь», Архангельский заявлял совершенно определенно: «Ни с какими революционерами Матюшенский в Саратове не искал знакомства. <...> Если бы затея с издательством была придумана лишь для отвода глаз, он не интересовался бы такими подробностями дела, какими может интересоваться только человек, действительно решающий вложить в это дело труд и деньги»³⁴. Подытоживая свои воспоминания о «деле Матюшенского», Архангельский сделал выводы, с которыми трудно не согласиться: «Вор ли он? (Матюшенский. – Ю.С.) Формально – да. Он взял чужие деньги. Но едва ли он имел в виду присвоить их себе на личные свои потребности. По-видимому, он хотел продолжать гапоновскую авантюру в Саратове на свой страх и риск: вести контрреволюционную работу, прикрываясь сочувствием к революции. Для этого и нужна ему была газета – и именно демократическая. Она не только была средством влиять на публику, но при ее помощи он мог завести связи с местным обществом, особенно с рабочими, проникнуть в их среду и продолжать дело Гапона. Почему именно в Саратове – понятно: Саратов издавна считался «очагом крамолы»...

Но сделал все это Матюшенский на свой страх и риск, без ведома центральной организации – и этот неосторожный шаг разрушил весь его план.

Почему именно он поступил так – остается загадкой, как и многие другие во всей гапоновской истории»³⁵.

Загадкой остается многое, связанное с личностями Витте, Гапона в ходе первой русской революции. Думается, что дальнейшие исследования откроют многие ранее неизвестные страницы закулисной деятельности первых лиц самодержавного государства, в частности, Витте.

Революция 1905–1906 гг. внесла определенный надлом в самосознание русской политической элиты. В условиях политического кризиса, отсутствия единой программы действий в правительстве, слабости монарха Витте пытался добиться стабилизации политического режима и закрепиться у власти средствами, очень далекими от легитимных. В этом отношении закулисная деятельность председателя Совета министров стала предвестием распутинской камарилы накануне падения самодержавия.

Примечания

- 1 Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 521 (прим. к с. 119); См. также: *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 145–146.
- 2 Баян. Ложь Витте. Ящик Пандоры. Берлин, б.г. С. 17.
- 3 См.: Записки А.С. Ермолова // Красный архив. 1925. № 1(8). С. 49–69.
- 4 *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников. М., 2000. С. 436.
- 5 *Корелин А.П., Степанов С.А.* Указ. соч. С. 147.
- 6 Там же. С. 146.
- 7 Там же.
- 8 *Гурко В.И.* Что есть и чего нет в Воспоминаниях графа Витте // Русская летопись. Париж, 1922. № 2. С. 108.
- 9 Баян. Ложь Витте. С. 31.
- 10 *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте. СПб., 1999. С. 341.
- 11 Воспоминания министра народного просвещения И.И. Толстого. М., 1997. С. 179.
- 12 *Маклаков В.А.* Первая революция // Современные записки. Париж, 1934. С. 330.
- 13 Революция 1905 года и самодержавие. Л., 1928. С. 34–37.
- 14 Там же. С. 34.
- 15 Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 555. (прим. к с. 468).
- 16 Там же.
- 17 Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 854–855.
- 18 С.Ю. Витте в своей лжи был изобличен документально и неоднократно. Так, современные исследователи прямо

- указывают: «в архиве Витте был и другого рода документ, на который Витте предпочел в мемуарах не ссылаться. Это была копия письма к Дурново самого Гапона, в котором Гапон писал о своих связях с Витте как о чем-то совершенно несомненном. К тому же Витте не мог не знать и о всеподданнейшей записке Дурново, к которой было приложено несколько документов, совершенно изобличивших премьер-министра в попытке возрождения гапоновщины» (*Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 350).
- 19 Вероятно, Гапон получал денежное вознаграждение и от Зубатова за сведения о рабочем движении, и одновременно от МВД за информацию о деятельности самого жандармского полковника.
- 20 *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России. М., 1972. С. 168–170.
- 21 См.: *Ушаков М.А.* Воспоминания о беседе с великим князем // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 413 – 417.
- 22 *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 466.
- 23 См. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 347–349; см. также: *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 408–409.
- 24 *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 349.
- 25 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 2231. Л. 18.
- 26 Там же. Л. 19, 20.
- 27 Там же. Л. 19.
- 28 Там же. Л. 22.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 23.
- 32 См.: Красное знамя. Париж, 1906. №5.
- 33 ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2231. Л. 24.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Л. 25.

УДК 141(470–89)«1850/1880»

П.В. АННЕНКОВ И РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ (вторая половина 50-х – начало 80-х годов XIX века)

В.А. Китаев

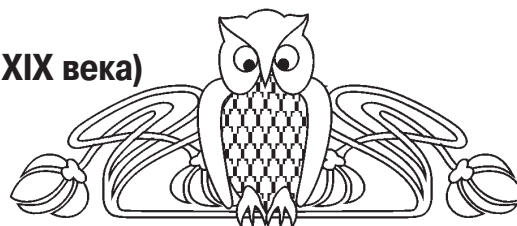
Нижегородский государственный университет,
кафедра методологии истории и исторической информации
E-mail: vlakit@mail.ru

Анализируя письма П.В. Анненкова к И.С. Тургеневу, автор устанавливает его принадлежность к кругу русских либералов эпохи Великих реформ, выявляет некоторые особенности и моменты эволюции общественно-политических взглядов этого крупного литературного деятеля.

P.V. Annenkov and Russian Liberalism (the Second Half of the 1850-s – the Beginning of the 1880-s.)

V.A. Kitaev

Analyzing the letters of P.V. Annenkov to I.S. Turgenev, the author determines his belonging to the circle of Russian liberals of the epoch of

the Great reforms, reveals some peculiarities and moments of evolution of the social and political views of this prominent literary figure.

Сравнительно недавно опубликованные письма П.В. Анненкова к И.С. Тургеневу¹ не использовались in cogroge как источник для характеристики особенностей либерализма их автора, определения его места в либеральном движении. Между тем этот эпистолярный массив весьма информативен с точки зрения такой исследовательской задачи. Состоявшись как литературный критик и мемуарист, Анненков лишь отчасти реализовал себя в качестве публициста, да и то на европейском (преимущественно французском) материале 40-х гг. XIX в. Возьмем на себя

смелость утверждать, что собственно российская публицистика Анненкова как раз и присутствует латентно в его письмах Тургеневу. Именно они стали местом откровенных и ярких высказываний их автора по самым злободневным проблемам идейной и общественно-политической жизни России 50-х – начала 80-х гг.

Не скроем, попытка решения только что сформулированной задачи имеет вполне определенную полемическую направленность. Один из публикаторов переписки, Н.Н. Мостовская, в сущности, отказалась от определения идейной позиции П.В. Анненкова. «И Анненков, и Тургенев, – утверждает она, – больше всего дорожили свободой, не примыкая ни к каким «партиям», и не разделяли никаких догм»². Это заявление нуждается в серьезной корректировке.

Анненковский эпистолярный чрезвычайно богат по части зафиксированных в нем признаков оживления, которое переживала русская журналистика в середине 50-х гг. Корреспондент Тургенева без колебаний определился в своих журнальных симпатиях. Он – «энтузиаст» либерального «Русского вестника». Его привлекает «разумно западный цвет» этого издания. Правда, катковский журнал, по его словам, «немножко оступись, показав как будто наклонность к теории централизации», однако он видит уже признаки того, что «Русский вестник» «хочет стряхнуть этот оттенок» (I, 58–59). Совершенно очевидно, что Анненков тяготел к той группе либералов, которая не была склонна, подобно Б.Н. Чичерину и его немногочисленным сторонникам, опираться в предстоящих реформах преимущественно на административный ресурс. Чрезмерное «государственничество» Чичерина казалось Анненкову «слабой стороной» его позиции.

В либерально-западническом «Русском вестнике» второй половины 50-х гг. звучали и вполне определенные консервативные мотивы. Наиболее выразительна в этом отношении популяризация в журнале идей теоретика немецкого народоведения Вильгельма Риля. Анненков также не остался вне интереса к работам этого ученого. Рекомендуя Тургеневу в 1859 г. прочитать рилевскую «Land und Leute», он с явной симпатией к устремлениям автора характеризовал эту книгу как «написанную о России». Ему была близка «основная мысль» этого труда, заключавшаяся в призыве изучать народные стремления («консервативные начала»), чтобы не допустить «постройку общества на кабинетных соображениях», чем грешил либерализм. Пассаж, посвященный Риллю, заканчивался афористически: «Порядочному человеку стыдно в наше время называться либералом!» (I, 71).

Эту парадоксальную концовку нельзя, конечно, воспринимать как манифестацию разрыва с либерализмом. Но суть сказанного по поводу Риля заставляет отказаться от упрощенного взгляда на Анненкова как на поверхностного и безоглядного либерала-западника. В славянофильском кругу,

как известно, также высоко ценили консервативный пафос, отличавший работы Риля. Иван Аксаков, к примеру, называл Риля «немецким Константином Сергеевичем», имея в виду поразившее его сходство взглядов автора «Страны и людей» и своего старшего брата. Признание правоты Риля, однако, несколько не сдвигало Анненкова в сторону славянофилов. Он весьма критически отзывался о направлении славянофильской «Русской беседы», которая, по его словам, вместо того, чтобы предложить «публике» «дело», творит «мираж», воспринимаемый только в «высшем обществе» (I, 57).

О критически-умеренном характере западничества Анненкова свидетельствует и его негативное отношение к англomanии катковского «Русского вестника» конца 50–начала 60-х гг. Он определял ее не иначе как «истерическую» (I, 85).

Анненков всецело вверял судьбу крестьянской реформы Редакционным комиссиям, не сомневаясь, что здесь собраны «все лучшие головы России, весь ум ее». Правда, однажды он попенял этому учреждению, что и оно не «избегло современного русского либерализма». Под либерализмом в данном случае подразумевались всего лишь излишки совещательности с представителями заинтересованных сословий. Подобный демократизм вовсе не должен был быть, по его мнению, обязательным атрибутом работы этого органа. Что же касается существа программы Комиссий, то Анненков оппонировал ей по нескольким пунктам. Опрометчивым, с его точки зрения, был допущенный ими компромисс: оставить за крестьянами существующий надел, положив за него «крайне низкую повинность», и вместе с тем сохранить барщину на два года. Это порождало «единодушный протест всего либерального и нелиберального класса землевладельцев», в то время как следовало, считал он, «развести» раздраженных противников» (I, 74). Был и еще один момент расхождений Анненкова с Редакционными комиссиями: он высказывался за обязательный выкуп, в то время как там возобладала идея добровольного соглашения крестьян с помещиками. Но только что отмеченные несогласия несколько не умаляли либеральности позиции, которую занимал Анненков в крестьянском вопросе.

Бывая в родном Симбирске, Анненков имел возможность судить о состоянии умов провинциального дворянства, поставленного перед неизбежностью скорой крестьянской эмансипации. «Во глубине России» тоже пошли разговоры на либеральные темы. Но зрелище начавшего проклевываться низового либерализма поражало Анненкова своей «гнусностью». «Около меня, скрежеща зубами и дрожа от злости, – читаем в одном из писем 1859 г., – изливаются потоки либерализма, сквозь которые видится грязнейшее дно души. <...> Доходит до того, что как только незнакомый человек начинает свободно

изъясняться – сейчас в голову приходит слово: мошенник» (I, 71). Столица в этом смысле мало чем уступала провинции. Петербургские впечатления были ничуть не утешительнее: «Министр Муравьев с выражением глубочайшего уважения к Редакционной комиссии докладывает, что она имела затаенную мысль потрясти династию, и люди с масляными глазами от энтузиазма говорят о реформах, прибавляя, что они суть порождение злонамереннейших голов, которых они очень любят и потому желали бы видеть их на колу» (I, 96).

Брезгливо отстраняясь от этого приказного, а потому фальшивого, конъюнктурного извода российского либерализма, Анненков без особого труда находил причину аномалии. Она крылась «в таком отсутствии всякой нравственной связи в обществе», какового не было «нигде в мире». На пути к истинному, в понимании Анненкова, либерализму в России имелась еще одна преграда – избыток «либерального скептицизма», который выражался в недоверии к любому правильному построению. Последнее предполагало наличие «фасада, умного распределения частей, оконченности и претензии на разрешение своей задачи». Но русская мысль обнаруживала беспрестанную текучесть, причиной которой могло стать «пресыщение от прежде бывших *великолепий*». Главной же здесь была, конечно, «боязнь определиться», выразить себя окончательно, возыметь постоянную нравственную физиономию» (I, 87). Свойство это объяснялось исторической «молодостью».

Анненков вообще не находил в современном русском обществе «ни одной системы, ни одного убеждения и ни одного человека в настоящем смысле этого слова» (I, 101). Иногда ему казалось, что для России «лучшим порядком может быть только хаос, потому что «все порядки, имевшие претензии быть таковыми, неизбежно делаются на этой почве преотвратительными явлениями» (I, 86). В эти минуты крайнего пессимизма оставалось апеллировать «только к силе, равной пару и пороху» – «логической необходимости вещей» (I, 66).

Объявление Манифеста и Положений 19 февраля Анненков расценивал как важнейший рубеж в истории России, видя в этом событии настоящую «русскую революцию». Однако безоглядной эйфории в его настроении не было. Привести к масштабному социальному потрясению неизбежные тяжбы между помещиками и крестьянами не могли, но существовала, считал он, реальная опасность возникновения «бесчисленного количества маленьких, частных, местных революций, какими всегда изобилвала наша земля». В них-то и могла быть утеряна «основная мысль» преобразования. Анненкову приходилось задумываться над дальними экономическими последствиями крестьянского освобождения. У него не вызывала восторга перспектива установления «зависимости от земляного капитала» (I, 104–105).

Сравнение судебной реформы со «стопушечным кораблем», сошедшим на воду под «громкое ура по всей России», говорит само за себя. «Основаниями» земского самоуправления Анненков был также удовлетворен, находя их «весьма широкими». Особого разговора заслуживает, конечно, отношение Анненкова к преобразованию цензуры. Он тонко подмечал новые черты в поведении русской журналистики после введения Временных правил о печати 1865 г. Самым примечательным, пожалуй, был, по его наблюдению, тот факт, что пресса, так долго мечтавшая о свободе, оказалась вдруг не готовой к этой свободе. «Дело в том, – писал Анненков в самом конце 1865 г., – что вдруг потребовалась новая, небывалая обязанность от публициста и писателя – размышлять о своих словах и думать о всех последствиях этих слов. Кто же когда думал об этом и как к этому приучаться со свободой, которая, по мнению самого образованного русского человека и самого пьяного русского мужика, в том и заключается, чтоб ни о чем не думать» (I, 180).

Русские либералы были вынуждены реагировать на все более и более заметные проявления радикализма в обществе после 19 февраля 1861 г. Первым значительным его выбросом стали студенческие волнения осени того же года в Московском, Петербургском и Казанском университетах. В анненковской оценке бурления студенческой молодежи нет никаких признаков готовности хоть к какому-то оправданию этого явления. В его рассказе об охранительной инициативе Б.Н. Чичерина, призвавшего студентов «следовать в эту минуту указаниям прогрессивной нашей администрации», нет никаких следов иронии (I, 114). В словах «безобразнейшее явление петербургского искания популярности во что бы то ни стало» нетрудно прочесть осуждение позиции, занятой К.Д. Кавелиным, Н.И. Костомаровым, М.М. Стасюлевицем и др.

Весна и лето 1862 г. не принесли успокоения умов в России. Появились признаки радикализации в либеральном движении («тверская оппозиция»), поднял голову дворянский конституционализм. Наконец, петербургские пожары в мае, совпавшие с распространением ультрареволюционной прокламации «Молодая Россия», не на шутку напугали правительство и умеренные круги русского общества. В это время Анненков был в числе «темных и тайных приверженцев» власти, не терял веры в ее «необъятную» силу и очень желал, чтобы она сохраняла «спокойствие и хладнокровие». Выступление тверских мирных посредников Анненков назвал «странный попыткой». Препарируя этот факт либерального движения, он выделял в нем элементы «дворянской оппозиции, анархической замашки и прогрессивного соревнования». Оказавшись «весьма мало серьезной», тверская история, по его мнению, продемонстрировала к тому же опасность главенства принципа «личного усмотрения»,

за которым стояло враждебное правительству дворянское своеволие. Столь же решительно Анненков отстранялся и от «конституционной сыви». Дворянский конституционализм для него, как и для большей части русских либералов первой половины 60-х гг., оказывался чужим, даже враждебным по причине того, что он возбуждал «негодование и подозрительность средних и низших классов общества».

Но не только эти, не вызывавшие у него симпатии проявления дворянско-оппозиционной активности фиксировал Анненков в письмах к Тургеневу. Ему было видно и другое – то, что он называл «тенденциями либерального консерватизма». Если их «независимый» вариант (например, хорошо известная позиция Чичерина) принимался, не вызывая отторжения, то либеральный консерватизм, «получающий субсидии», выглядел в его глазах несостоятельным с моральной стороны. Это оплаченное охранительство наиболее ярко воплощал «Голос» А.А. Краевского.

Анненков, как практически все русские либералы, не избежал «горячки патриотизма» в связи с польским восстанием 1863 г. Но и в этом случае для него было важным соблюдение чувства меры, «осторожности», как он говорил, «даже в благородном увлечении». Этим объясняется неприятие в конечном счете позиции «Московских ведомостей» Каткова, которые, по словам Анненкова, «слишком заигрались в патриотизм» (I, 165).

Письма Анненкова за период с марта 1866 г. по октябрь 1871 г. утрачены. Этот факт имеет символический смысл для нашей темы. Вторая половина 60-х гг. стала временем угасания как правительственного реформизма, так и общественного движения. «Эпоха важных явлений кончилась», – констатировал Анненков в 1871 г. «Полная тишина и апатия» характеризовали, на его взгляд, состояние русского общества (I, 197–198).

Но уже начали заявлять о себе те процессы, которые в совокупности своей определили лицо 70-х годов. Все определеннее проступала реакционно-охранительная линия в правительственной политике. Социалистический радикализм подспудно наращивал свои силы, чтобы заявить о себе сначала «хождением в народ», а затем организацией подполья и террористическими акциями. На рубеже 60–70-х гг. поменялась конфигурация той части русской журналистики, которая представляла интересы освободительного движения: «Вестник Европы» становился литературным лидером русского либерализма, «Отечественные записки» заняли нишу, оставленную «Современником». Не за горами были уже признаки активизации земского либерализма. Россия начала свое движение к очередному кризису, кульминацией которого стало убийство Александра II. Эту новую современность должен был, говоря словами Л.Н. Толстого, «ловить» Анненков, «боясь отстать от нее».

Письма Анненкова засвидетельствовали один очень важный факт его политического развития в 70-е гг. От лояльности правительству, в которой он не раз признавался на рубеже 50–60-х гг., ничего не осталось. И чем ближе подходила Россия к концу этого десятилетия, тем выше становился градус анненковской критики внутривластного курса, точнее – его все более явственного репрессивного уклона. Его отталкивала такая «блестящая сторона русской жизни», как «постоянная война администрации с молодежью». Он не мог смириться с бесконечными «цензурными безобразиями». Война 1877–1878 гг., серьезные финансовые трудности, гремучая смесь радикально-либеральной вражды к власти, дополненная прославянским патриотизмом («не отличишь, кто бунтует и кто патриотствует»), – все это вело, по мнению Анненкова, страну к «пожару». «Смены, замены, перетасовки и потасовки» в высших эшелонах власти уже ничего не могли дать, потому что «безобидная фраза – довершение реформ», которая все чаще и чаще слышалась в общественном говоре, приобретала конкретный, конституционный смысл. Оставалась одна развязка – «коренная административная реформа». Такой исход не пугал Анненкова. Даже ликвидация III Отделения в 1880 г., явившаяся важной уступкой власти обществу, не расположила Анненкова к правительству (II, 121).

Состояние той части русского общества, которая к концу 70-х гг. оказалась зажатой между правительством и «тупейшим русским радикализмом» с его «кинжалщиками» и «заговорщиками», было, по оценкам Анненкова, просто жалким. Он сетовал: «печати нет, кафедры нет, совещания, собрания, словом, клуба нет, так какими же средствами действовать, чтобы показать разницу в направлениях?» (II, 103). Анненкову казалось, что наступила как раз та эпоха, когда руководящая мысль вынуждена удалиться из центра общества на периферию – только здесь она могла жить и действовать плодотворно. Именно в таком, внешне маргинальном, но единственно достойном положении находился И.С. Тургенев, и диалог с ним был для Анненкова спасительной отдушиной. Еще одной точкой опоры служил ему либеральный «Вестник Европы» и его редакционный круг.

Что дают письма Анненкова для характеристики его отношения к журналу М.М. Стасюлевича? Именно в них Анненков мог позволить себе откровенные, неоднозначные оценки личности редактора «Вестника Европы». Он не раз указывал на дефицит художественного вкуса у Стасюлевича, вследствие чего «Вестник Европы» часто напоминал ему кладбищенскую лавочку, где продаются надгробные памятники: «есть и гении, и плачущие женщины, и воины и проч. – все это тошноватого пошиба» (II, 12). Несравненно большие симпатии, чем основная масса художественных произведений, печатавшихся в журнале, вызывала у Анненкова публицистика «Вестника

Европы». В одном из писем, относящихся к январю 1879 г., содержится весьма натуралистическая, но вместе с тем выразительная характеристика «Внутреннего обозрения» журнала, которая дает основание считать, что, на взгляд Анненкова, именно содержание этого отдела и определило лицо «Вестника Европы» (II, 100). Кстати, был случай, когда, сам того не подозревая, Анненков высоко оценил самое принципиальное для Стасюлевича публицистическое выступление – его брошюру «Черный передел реформ императора Александра II» (она вышла анонимно в Берлине в 1882 г.). Стасюлевич прямо высказался здесь за ограничение самодержавия в России. По прочтении брошюры Анненков отозвался о ней как о «замечательной», не угадав, правда, имени ее автора (II, 159). Будучи автором и требовательным «сочувственником» «Вестника Европы», Анненков продемонстрировал безусловное расположение к новому детищу Стасюлевича – газете «Порядок (она начала выходить с 1 января 1881 г. и уже в январе 1882 г. была запрещена). Публикация романа «Новь» И.С. Тургенева в «Вестнике Европы» (1877, № 1, 2) стала большим общественно-литературным событием. Спустя 15 лет автор «Отцов и детей» снова вернулся к теме радикальной молодежи в России. Суждения Анненкова в диалоге с Тургеневым по поводу этого романа несомненно важны для понимания некоторых существенных особенностей его идейной позиции во второй половине 70-х гг. Наиболее значимым является то, как сформулировал он для себя главную идею тургеневского произведения: «А основная идея его ясна – все это дикое, неумелое, почти позорное брожение есть результат невозможности существовать с абсолютизмом. Народ еще не чувствует этой невозможности, а образованный класс, начиная с гимназиста и семинариста, уже страдает акутным (резким – *лат.*) абсолютизмом, вошедшим вовнутрь. От этого противоречия весь кавардак» (II, 43). Тезис об ответственности абсолютистской власти за состояние умов молодежи весьма показателен. В начале 60-х гг. вину за появление базаровского типа Анненков возлагал исключительно на «дикое общество». Такая переадресовка могла означать только одно: Анненков становился в политическую оппозицию самодержавию.

На правах старого друга, мнением которого Тургенев чрезвычайно дорожил, Анненков настаивал на изменении финала «Нови». Речь одного из героев романа Паклина о России, которой он завершался, показалась ему неоправданно пессимистической и даже непатриотичной. «<...> Отымать от общества надежду когда-либо видеть Императора не римского пошиба, а человеческого, конституционного, смягченного, просвещенного, – писал Анненков, – значит просто понапрасну оскорблять общество, публично награждать его пощечиной, унижать его по-вельможески перед Европой, а так выходит из слов Паклина или того,

кто за ним скрывается» (II, 43). Этот пассаж должен прочитываться как еще одно свидетельство того, что Анненков изживал свой скептицизм в отношении конституционной идеи.

Критические замечания Анненкова, адресованные автору «Нови», интересны еще в одной части – там, где речь идет об общественной силе, с которой он связывал свои надежды на обновление России, «упразднение безобразников». Самый авторитетный для Тургенева читатель его романа обращал свой взгляд в сторону интеллигенции, той «безымянной Руси», которая «уже стоит на кафедрах, пишет в журналах, мечется из стороны в сторону под предостережениями, увольнениями, притеснениями» (II, 44).

Для историка русского либерализма особенно интересны наблюдения и оценки Анненкова, касающиеся эволюции либерального западника 40-х гг. К.Д. Кавелина. Они относятся к 70-м – началу 80-х гг. Очевидное сближение Кавелина со славянофилами Анненков расценил как потерю единомышленника («не выдержал и этот»), обратившегося «к вере русских пессимистов, против которых я ратовал» (I, 245). В явно ироническом ключе писал Анненков о явлении Кавелина в «роли мистического учителя и пророка» на страницах народнической «Недели». Еще более оттолкнула Анненкова программа устройства России как «мужицкого царства», которую Кавелин предложил в статье «Крестьянский вопрос», напечатанной в № 3 «Вестника Европы» за 1881 г. (II, 136–137). Совершенно ясно, что Анненков считал недопустимым для настоящего либерала те отклонения в славянофильство и народничество одновременно, которые позволял себе Кавелин. Он уже не вспоминал об уроках В.Риля. «Пристегивание» к «теориям Руси» было ошибочным и по сути, и тем более по времени, потому что после 1 марта 1881 г. реальной становилась опасность гибели той «русской цивилизации», которая создавалась реформами 60–70-х гг. На протяжении двух пореформенных десятилетий Анненков не раз возвращался в своих мыслях к теме соотношения путей исторического развития России и Европы. Оставаясь западником, он, как и прежде, трезво оценивал социально-экономический, политический и культурный потенциал Западной Европы, прекрасно видя те проблемы, с которыми ей приходилось сталкиваться. «Мало ли что можно наговорить на Европу: это мальчик резвый, беспрестанно выделяющий разные штуки и которого по справедливости можно сечь каждый день, – писал он в 1874 г. – Но противопоставлять его жирной плаксе, которая тихо сидит там, где его посадили, и никогда не учит более того, что задано – этого не одобряю» (I, 248). Парижская коммуна, усиление социал-демократического движения в Германии указывали на первостепенную важность социального вопроса. Анненков, конечно, не мог не задумываться о возможности его решения не на путях революции, а реформы.

В начале 70-х гг. его внимание привлекли идеи «государственного социализма», получившие хождение в университетских кругах Германии, и он спешил поделиться своим открытием с Тургеневым: «Старые знаменитости экономические, профессора, толковавшие всю жизнь о Смите и проч. – признают необходимость вмешательства в обуздание капитала и в регламентацию работы, отказываясь от всех прежних догматов. Школа молодых профессоров, ими созданная, прямо говорит, что во многих случаях и Маркс, и Лассаль совершенно правы. Кто знает? Может быть, новый Бисмарк овладеет этим движением и пересоздаст экономическое положение Европы, без содействия славянофилов» (I, 201–202). Анненков, таким образом, начал размышлять над проблемой социализации либеральной доктрины. «Вестник Европы» будет активно обсуждать ее только в 80-е гг.

Анненков не склонен был преувеличивать успехи европеизации России под влиянием начавшихся преобразований. «Только странная это Европа, которая Россией зовется», – грустно замечал он в одном из писем 1874 г. (I, 233). Однако впечатления от пореформенных российских реалий все-таки менялись. Заряд исторического оптимизма он получил, посетив Всероссийскую промышленно-художественную выставку, которая открылась в Москве 20 мая 1882 г. «Из нее оказывается, – передавал он свои впечатления Тургеневу, – что вся промышленная и купеческая Россия все это время только и делала, что следила за Европой и рвалась поравняться с ней» (II, 154).

Что же дал наш анализ писем Анненкова к Тургеневу?

Друг и активнейший информатор Тургенева о том, что происходило в России, представлял собой яркую индивидуальность, для которой свобода идейного и эстетического самоопределения значили много, если не сказать – все. Но присущие мыслительно-поведенческому стилю Анненкова несвязанность «партийными» инте-

ресами, парадоксальность суждений, отстраненность от объекта оценки, постоянно сквозящая ирония, присутствие художественного момента в оценках окружавшей российской и европейской действительности имеют вполне определенное идеологическое измерение. Он нигде не выходит за пределы либерального дискурса. Анненков не был генератором идей, которые обогатили бы теоретический и политический арсенал русского либерализма, однако ему удавалось тончайшим образом улавливать и транслировать эти идеи, считая их своими. Ему было видно все несовершенство воплощения либеральных принципов в правительственной политике и общественной жизни, однако он достаточно органично существовал в обновлявшейся на его глазах ткани русской жизни.

Анненков принял реформы 1860–1870-х гг., пришел к пониманию того, что правовой порядок в России невозможен без ограничения самодержавия. Как и редакция «Вестника Европы», он представлял тот тип либерального мышления, который уже не был связан со своей первоначальной социальной основой – дворянством. Имелись и признаки того, Анненков проявлял интерес к возможностям социализации либерализма. Западничество не мешало ему критически оценивать достижения европейской цивилизации.

Напомним, наконец, что в одном из писем 1881 г. Анненков назвал себя «старым либеральным пьяницей». Шутливость этой автохарактеристики не отменяет ее безошибочности.

Примечания

- ¹ Анненков П.В. Письма к И.С.Тургеневу. Кн. 1 (1852–1874); Кн. 2 (1875–1883). СПб.: Наука, 2005. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.
- ² Мостовская Н.Н. История одной дружбы. Переписка П.В.Анненкова с И.С.Тургеневым // Там же. Кн. 1. С. 290.

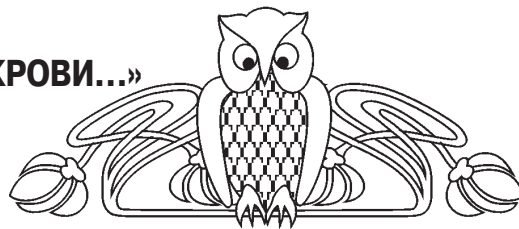
УДК 9(470–89)+929[Александр II + Александр III]

«НА НОВОМ ГОСУДАРЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ КРОВИ...» (отклик К. Д. Кавелина на события 1 марта 1881 года)

О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovaOV@mail.ru

В сообщении рассматривается отклик К.Д. Кавелина на события 1 марта 1881 г., не получивший известности в исторической литературе. Показаны предыстория появления «Заметок при воцарении Александра III», отношение Кавелина к деятельности М.Т. Лорис-Меликова и к движению революционного народничества.

**There Should Be no Blood on the New Sovereign...
(K.D. Kavelin's Reaction to the Events of March 1, 1881)**

O.V. Kochukova

The report focuses on K.D. Kavelin's reaction to the events of March 1, 1881, which is not thoroughly investigated in the historical literature. The report shows the prehistory of Notes at the accession of Alexander III publication, Kavelin's treatment of M.T. Loris-Melikov activities and revolutionary narodnik movement.

В исторической литературе хорошо известны попытки ряда представителей демократической общественности России и Запада спасти от казни «первомартовцев», а страну от реакции и дальнейшего падения морального авторитета власти. Среди них были Лев Толстой, Владимир Соловьев, Виктор Гюго¹. Не получил известности еще один отклик на события 1 марта 1881 г., связанный с именем К. Д. Кавелина.

Под непосредственным впечатлением событий 2 марта 1881 г. Кавелин написал черновой набросок «Заметок при воцарении Александра III», которые должны были служить конспектом для письма к М. Т. Лорис-Меликову. Этот набросок хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки². В начале 1900-х гг. племянник и первый биограф Кавелина Д. А. Корсаков готовил «Заметки» к публикации. Во вступительном очерке к несостоявшейся публикации Д. А. Корсаков предполагал сообщить следующее: «В мартовской книге журнала «Былое» за 1896 год были помещены сведения об отношении к событиям 1 марта 1881 г. В. С. Соловьева и гр. Л. Н. Толстого. В добавление к этим публикациям помещаем черновой набросок, написанный по тому же поводу К. Д. Кавелиным. Этот набросок, что будет видно из последующего текста, должен был служить конспектом для письма к гр. М. Т. Лорис-Меликову... Набросок К. Д. Кавелина написан 2 марта 1881 г., под жгучим впечатлением злодеяния 1 марта, и, несмотря на свою неполноту, является интересным документом для определения воззрений Кавелина на смертную казнь. Торопливость, с которой Кавелин излагал свои мысли, не дала ему возможности подробнее остановиться на важном вопросе об изменении воззрения русского уголовного законодательства на смертную казнь...»³.

Реакцию Кавелина на события 1 марта 1881 г. определяли два фактора: его отношение к правительственной политике периода «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова и к движению революционного народничества.

К середине 1870-х гг. для Кавелина все более важным становился вопрос о средствах сдерживания бюрократии. Отодвигаемая им в 1860-е гг. на второй план проблема реформирования политического строя обрела актуальное содержание. Конкретную основу для изменений в политическом устройстве он видел в предшествовавшем десятилетнем периоде становления земств⁴. Константин Дмитриевич выступил с рядом политических проектов, в которых основное внимание уделялось проблеме реформирования высшего уровня государственного аппарата. Первый по времени представлен в полемической статье «Чем нам быть?» (1875), его дальнейшее развитие – работа «Политические призраки» (1877), ряд важных посылок сформулирован в «Мыслях о выборном начале» (1876). Политические взгляды Кавелина также нашли отражение в

статьях «Бюрократия и общество» (1881) и «Разговор с социалистом-революционером» (1880). Центральная идея перечисленных проектов и статей наиболее лаконично сформулирована в письме Кавелина к Д. А. Корсакову (1882): «... нам нужна административная реформа, со смешанными учреждениями из выборных и коронных чиновников и с самодержавной властью во главе»⁵. Можно сказать, что целью Кавелина было лишение бюрократии ее независимого положения, подчинение ее постоянному контролю общественного мнения.

Политическую публицистику Кавелина следует рассматривать в связи с общими либеральными настроениями того времени. Кавелин четко сформулировал политическую задачу, стоявшую перед обществом: «Теперь главное и существенное – завоевать для представительства права гражданства в литературе и печати... Время фальшивых умолчаний и фальшивых союзов прошло даже для нас. Пора каждому выступить со своим мнением открыто, прямо и смело»⁶. Идея введения выборного представительства как продолжения на высшем государственном уровне земского самоуправления была естественным выводом из всего предшествующего становления взглядов либерала (в характерном понимании Кавелина, не связывавшего представительство с законодательным ограничением самодержавия). Вместе с тем можно говорить об определенных политических явлениях, которые выступили в роли катализаторов его настроений. Это влияние политической борьбы народников и своеобразное воздействие на общественную мысль русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Конец 1870-х гг. был для Кавелина временем возрождения его общественной активности и либеральной оппозиционности, но контакт с властью в тот период состояться не мог. Только период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова ознаменовался возрождением надежд на продолжение реформаторского курса, на возможность действительного союза правительства и либеральной интеллигенции.

19 февраля 1880 г. Кавелин обратился к Лорис-Меликову с письмом-призывом к реформам. Он рассуждал о бесполезности применения исключительно «полицейских мер». «Надо вернуть обществу веру в правительство, – писал Кавелин, – в его мудрость, его добросовестность, умелость, в прочность и непоколебимость суда и закона»⁷. На первый план Кавелиным выдвигалась проблема отношения самодержавия к либералам. Она была несколько завуалированно представлена в виде рассуждения на тему «люди и государственное устройство». Очевидно, имея в виду и свой личный опыт, Кавелин писал Лорис-Меликову: «Каждый раз, когда вырабатывалась какая-нибудь действительно полезная мера, исполнение ее отдавалось в руки злейших ее противников и врагов. Лица, выказавшие талант, знание, характер,

при выработке или проведении этих мер, были систематически удаляемы, держались в черном теле ...»⁸.

Увидев главную причину неудачного реформирования страны в характере и способах действий администрации, представителей власти, Кавелин предложил способ выхода из создавшейся ситуации. По его мнению, нужно было, чтобы «земская деятельность, наряду с государственной службой, стала бы школой практической политической опытности и мудрости, естественным рассадником государственных людей». Чтобы это осуществить в реальности, Кавелин предлагал Лорис-Меликову, во-первых, признать свободу мнений и печати и, во-вторых, ввести в государственное управление принцип выборного представительства. Последнее сводилось к идее о равном присутствии в законодательных органах чиновников и «представителей местных и общественных интересов»⁹.

Об отношении М. Т. Лорис-Меликова к Кавелину может свидетельствовать запись в дневнике Д. А. Милютин от 11 октября 1880 г.: «Опять имел продолжительную беседу с гр. Лорис-Меликовым, который снова советовался со мной о разных имеющихся в виду перемещениях на высшие должности... В попечители университетов московского и петербургского имеются в виду – Петр Фед. Самарин и К. Дм. Кавелин. Особенно удивляет меня назначение последнего. Кавелина я знаю, но никак не могу себе представить его в должности администратора»¹⁰.

Не только это предполагавшееся назначение говорит о контактах Кавелина с Лорис-Меликовым. В. Е. Кельнер установил, что начало издания М. М. Стасюлевичем либеральной газеты «Порядок» было связано с именем Лорис-Меликова. Подаче прошения о разрешении издания предшествовали встречи Стасюлевича с новым начальником Главного управления по делам печати Н. С. Абазой, которые проходили сначала в доме у Кавелина¹¹.

Короткий период «диктатуры сердца» Лорис-Меликова значил для Кавелина очень много, как, впрочем, и для всех либерально настроенных деятелей. Константин Дмитриевич вновь поверил в возможность сотрудничества с властью и, что было для него более важным, в возможность реализации той перспективы реформ в России, которую он предусматривал в своих публицистических произведениях. Продолжение либеральных реформ, а не их свертывание или консервативная эволюция – вот что было главной целью Кавелина.

Естественно, что трагедия 1 марта 1881 г. стала тяжелым ударом для Кавелина. Его личное ощущение этого времени вернее всего охарактеризовать как состояние потрясения и чувство неопределенности. 24 апреля 1881 г. он высказал это в письме к сестре Софье Дмитриевне Корсаковой: «... с марта никому не писал – так был

поражен и потрясен событиями. Положение, очень запутанное и прежде, еще более с тех пор запуталось и как, когда распутается – никто не в состоянии предсказать»¹².

Что же касается отношений Кавелина с радикально-демократическим спектром общественного движения, то нужно отметить изменение его позиции по сравнению с 1850-ми годами. Теперь он принципиально дистанцировался от революционного направления. Но отношение Кавелина к революционным народникам было специфически либеральным. Так, например, в 1871 г. «Вестник Европы» получил первое предостережение за статью К. К. Арсеньева «Политический процесс» (о «Нечаевском процессе»). Цензор выделил в этой статье мысль автора о том, что «только процессами, без мер, направленных на устранение причин, побудивших эти действия, правительство не остановит полицейское движение». Кавелин был вполне солидарен с Арсеньевым. Он писал в те дни М. М. Стасюлевичу: «Что касается до предостережения, то мне думается, что оно только увеличит число ваших подписчиков»¹³.

Кавелин считал нужным использовать угрозу радикального движения с целью оказать давление на правительство и заставить его принять курс либеральных реформ. Но из этого нельзя сделать вывод о том, что он считал революционное народничество общественно необходимым явлением. Скорее он был принципиальным противником революций и склонен был даже игнорировать прогрессивное значение революций в Англии, Франции, США. («Революции всегда задерживают прогресс. Вызывая реакции, они могут сокрушить даже самый организм или надолго сделать его больным и немощным»¹⁴.) Социалистическая народническая доктрина представлялась Кавелину односторонней, поскольку она переоценивала возможность правильного общественного устройства изменить нравственную природу отдельных людей и не учитывала роли частной собственности и индивидуальной предпринимательской деятельности.

Но вместе с тем Кавелин находил в учении народников отдельные положительные моменты. В 1850-е гг. на становление социально-экономических воззрений Кавелина определенное влияние оказали идеи и представления А.И. Герцена о русском крестьянстве, общине, историческом предназначении России. В 1870-е гг. Константин Дмитриевич горячо защищал представление о России как «мужицком царстве», забота об интересах крестьян не могла не импонировать ему. Позже, в середине 1880-х гг. Кавелин сформулировал свое кредо в отношении будущего России, итог многолетних размышлений: «Я вижу впереди мою родину необозримым морем оседлого, свободного, трудящегося, благоустроенного крестьянства, с сильною центральной властью, обставленною высшей интеллигенцией, постоянно вырабатывае-

мой страной, но не составляющей ни юридически, ни экономически привилегии какого бы ни было класса, сословия или общественной группы»¹⁵.

Кроме того, Кавелин полагал необходимым осуществить поворот энергии народнической молодежи в мирное русло, считал желательным позитивное использование молодой народнической интеллигенции («... пора перестать бояться соприкосновения нарождающихся молодых сил с крестьянским населением»¹⁶). В связи с этим нужно отметить тот факт, что Кавелин печатался в «Неделе» (и опубликовал в ней очерк «Белинский и последующее движение нашей критики»). Газета «Неделя» стала, с приходом к ее руководству П. А. Гайдебурова в середине 1870-х гг., органом «либерального народничества». Ее главной установкой стало требование перехода к «положительным идеалам», к «культурнической» деятельности интеллигенции в деревне («теория малых дел»). Кавелин это приветствовал. Он писал А. Н. Пыпину в 1881 г.: «Культурная молодежь начинает понемногу тянуться в деревню и там работать в хорошем смысле»¹⁷. Последнее могло, с его точки зрения, содействовать решению в России сразу трех важнейших общественных задач. Россия не теряла бы свои лучшие молодые силы в трагической политической борьбе, в народную среду вносилось бы просвещение, а государственная служба стала бы пополняться «свежими элементами – теоретически знающими и практически закаленными»¹⁸.

Отношение Кавелина к радикально-демократическим силам общественного движения, несмотря на отказ от консолидации с ними, все-таки продолжало оставаться гораздо более благоклонным, чем к реакционно-консервативному течению. Свою роль здесь сыграли и личные связи Кавелина, его знакомства, а также воспоминания о времени теплых отношений с Герценом, Чернышевским и даже с некоторыми деятелями польского освободительного движения. Вычеркивать это из своей памяти Кавелин не желал и не считал возможным. Так, уже в середине 1870-х гг. он приложил много усилий к тому, чтобы добиться смягчения участи И. П. Огризко, отбывавшего наказание каторжными работами на Нерчинских рудниках, а затем переведенного в разряд «сосланных на жительство». Константин Дмитриевич обратился с письмом-просьбой к имп. Марии Александровне, добиваясь смягчения участи «одной из многочисленных жертв польских патриотических течений». В письме была фраза: «У Огризко нет ... близких родных. За него некому просить. Я принадлежу к числу очень немногих когда-то связанных с ним горячей дружбой, дружбой, которой не могли изгладить ни разные пути жизни, ни долгие годы разлуки. Осмеливаясь взывать к милостивому ходатайству Вашего Величества, я следую неотразимому голосу совести, внушению сердца и нравственного долга»¹⁹. В 1880 г. Кавелин ходатайствовал об

И. П. Огризко перед М. С. Кохановым (к тому моменту внимание к вопросу проявил М. Т. Лорис-Меликов)²⁰.

В революционно-народнических кругах проявляли определенное внимание к творчеству Кавелина. Так, О. В. Аптекман вспоминал о том, что философско-этические статьи либерала, публиковавшиеся в «Вестнике Европы», читались с большим интересом и были предметом дискуссий.²¹ «Идеалистические» статьи Кавелина, по словам Аптекмана, вызывали возражения, его общественные взгляды связывались с позициями журнала «Вестник Европы» – «проводника идей западноевропейского либерализма»²².

Политическая публицистика Кавелина, бесспорно, привлекала к себе внимание со стороны власти. Либерал в середине 1870-х гг. вновь оказался в числе «политически неблагонадежных лиц». Сохранилась секретная «Агентурная записка о служащем Департамента неокладных сборов Кавелине К. Д.». Она была составлена 27 июля 1876 г.²³ Характерно, что в записке первостепенное значение уделялось даже не тому факту, что Кавелин помещал в газетах и журналах статьи, «рассматривающие общественную жизнь и правительственные отношения в духе, враждебном правительству», а его связям с деятелями радикально-демократического движения. В агентурной записке подчеркивалось: «Кавелин состоит сотрудником «Вестника Европы», в котором благодаря стараниям его еще недавно принимал столь деятельное участие эмигрант Утин, с которым Кавелин был весьма близок. Затем, при прежнем издателе журнала «Неделя», Кавелин ввел в число сотрудников этого журнала эмигранта Лаврова...»²⁴.

Все это объясняет обостренную реакцию Кавелина на события марта 1881 г. и его искреннее желание спасти «первомартовцев» от казни.

Сам внешний вид «Заметок при воцарении Александра III», а также и стиль заметок свидетельствуют о чрезвычайном волнении Кавелина в момент их написания. Целью записки было убедить нового императора отказаться от смертной казни «первомартовцев». Кавелин писал: «Кто бы ни были вчерашние отвратительные убийцы и сколько бы у них не было соучастников, убедите нового государя не утверждать приговора суда о казни их смертью. Пусть их постигнет самая жестокая кара, но не смерть. С новым царствованием эра смертных казней должна прекратиться. На новом Государе не должно быть крови (подчеркнуто Кавелиным. – О. К.) и пусть никогда не будет! Смертная казнь не только бесполезна, и никогда не устрашает, но она положительно вредна, она озлобляет злых, и вызывает к ним снисхождение, примиряет с ними жестокостью безвозвратной кары. Смертная казнь не наказание, а месть»²⁵.

Отклик Кавелина на события 1 марта появился раньше известного письма Л. Н. Толстого Александру III (последнее датируется 8–15 марта).

Соотнести рассуждения двух очень непохожих, но одинаково искренне и глубоко переживавших события мыслителей достаточно интересно. Письма Кавелина и Толстого сближают общий эмоциональный подъем и призыв отказаться от смертной казни, страстное желание силой слова и убеждения свернуть историю с кровавого пути (Толстой писал Александру III в этом смысле почти то же, что и Кавелин: «На руках Ваших нет крови... Вы чисты и невинны перед собой и перед Богом. Но Вы стоите на распутье»²⁶).

Но очень многое разделяло позиции либерала-публициста и писателя-религиозного мыслителя. Разным был уже сам способ аргументации: Толстой на первое место выдвигал ссылки на Евангелие («Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвещенные учением Христа»²⁷); Кавелин избрал юридические доказательства своей правоты (основное внимание он уделит изложению истории русского уголовного законодательства о смертной казни²⁸).

Принципиально разными были представления о способах выхода из сложившейся ситуации. Толстой предлагал «христианское прощение» в качестве «третьего средства», отвергая «либеральные потачки» (или «искусное направление вредных элементов») так же, как и «путь подавления»²⁹. Напротив, «Заметки» Кавелина должны были быть вторым письмом к М. Т. Лорис-Меликову, и потому их целью было сохранить либерально-реформаторский курс, основные черты которого Константин Дмитриевич уже обрисовал в письме от 19 февраля 1880 г.

1 марта 1881 г. обнаружило перед Кавелиным совершенно другую перспективу, чем ту, которую он рисовал в публицистических и научных трудах. Это была перспектива реакционного поворота и беспрестанной войны на взаимоистребление революционеров и власти. «Заметки» Кавелина были «криком души» человека, считавшего не только своим долгом, но, пожалуй, и делом жизни, противостоять такому развитию событий.

Примечание

- ¹ Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. С. 134–136, 256–257.
- ² *Кавелин К.Д.* Заметки при воцарении имп. Алексан-

- дра III, 1881 марта 2 // ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 3. Д. 14.
- ³ Там же. Л. 5-5 об.
- ⁴ *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1898. Т. II. С. 515–516, 522–523.
- ⁵ *Корсаков Д.А.* Материалы для биографии К.Д. Кавелина // Вестник Европы. 1888. №5. С. 36.
- ⁶ Цит. по: *Кельнер В.Е.* Человек своего времени (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 166.
- ⁷ Письмо К.Д. Кавелина к гр. М.Т. Лорис-Меликову, 1880 г. // Русская мысль. 1906. №5. С. 35.
- ⁸ Там же. С. 34.
- ⁹ Там же. С. 36.
- ¹⁰ *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. М., 1950. С. 277–278.
- ¹¹ *Кельнер В.Е.* Указ соч. С. 182–188.
- ¹² *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С. 27.
- ¹³ *Кельнер В.Е.* Указ. соч. С. 75; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 12 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 121.
- ¹⁴ *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 429.
- ¹⁵ *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. II. С. 898.
- ¹⁶ Там же. С. 527.
- ¹⁷ Цит. по: *Харламов В.И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х гг. XIX в. // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 165–166.
- ¹⁸ *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. II. С. 529–530.
- ¹⁹ Письмо К.Д. Кавелина к имп. Марии Александровне // ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 4. Д. 15. Л. 2.
- ²⁰ Письмо К.Д. Кавелина к М.С. Коханову, 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 4. Д. 11. Л. 1-1 об.
- ²¹ *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 78–79.
- ²² Там же. С. 33.
- ²³ Агентурная записка о служащем Департамента неокладных сборов Кавелине К. Д. // ГАРФ. Ф. 109. (Секретный архив). Оп. 1. Д. 1754. Л. 1–2.
- ²⁴ Там же. Л. 1 об.
- ²⁵ *Кавелин К. Д.* Заметки при воцарении имп. Александра III, 1881 марта 2. Л. 1.
- ²⁶ *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1984. Т. 18. С. 885.
- ²⁷ Там же. С. 881.
- ²⁸ *Кавелин К.Д.* Заметки при воцарении Александра III... Л. 2–3.
- ²⁹ *Толстой Л.Н.* Собр. соч. Т. 18. С. 884.

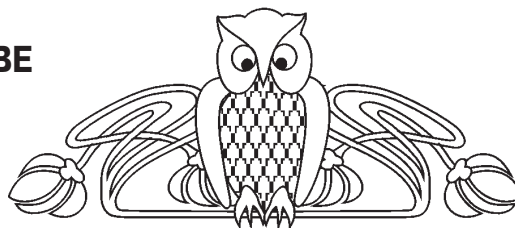
УДК 94 (470)

НОВОЕ О СТЕПАНЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ШИРЯЕВЕ

О.Н. Дмитриева

Саратовский областной музей краеведения

E-mail: Centraloffice@comh.ru

В статье приводятся и обобщаются неизвестные ранее, извлеченные из фондов Государственного архива Саратовской области (ГАСО) и Саратовского областного музея краеведения (СОМК) данные о биографии члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» Степана Григорьевича Ширяева (1857–1881), позволяющие уточнить или установить факты его жизни и деятельности в Саратове, Петербурге и Лондоне.

New Facts on Stepan Grigoryevich Shiryayev

O.N. Dmitriyeva

In the article these biographies of member Iсполnitel'noy Komitet «Narodaja Volia» Stepan Shiryayev (1857–1881) are resulted from archives: Record office of the Sara-tovskoy area (GASO) end Saratovskiy regional museum of study of a particular region (COMK). These information allow to set the new facts of life of Shiryayev, about his activity in Saratov, Petersburg, London.

С.Г. Ширяев (Лондон. 1878 г. ?)

С.Г. Ширяев – член Исполнительного комитета партии «Народная воля» первого состава, который современники и затем историки называли «Великим ИК». Он принимал участие в разработке программных и уставных принципов «Народной воли». Его имя неразрывно связано с ее террористической деятельностью. Именно

Ширяев создал знаменитую динамитную лабораторию ИК и был ее первым руководителем. Летом 1879 г. под его руководством было изготовлено 96 кг динамита, который в ноябре применялся во время покушений на императора Александра II. 19 ноября С.Г. Ширяев вместе с С.Л. Перовской осуществил покушение на Александра II под Москвой. Был арестован в ночь с 3 на 4 декабря 1879 г. В октябре 1880 г. Ширяев стал одной из центральных фигур процесса «16-ти» – первого в России политического процесса, на котором «Народная воля» заявила о себе как партия. Его, первым из народовольцев, заменив смертную казнь пожизненной каторгой, навечно заточили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где он умер 18 августа 1881 г.

Известно, что родился Ширяев в селе Таволожка Вязьминской волости Петровского уезда Саратовской губернии. Датой его рождения «Хроника социалистического движения в России», составленная в XIX в. князем Н.Н. Голицыным и отредактированная жандармским генералом Н.И. Шебеко, называет 1857 год¹. Во всех же изданиях XX века, включая энциклопедии и брошюру о нем, написанную в 1930 г. хорошо знавшим его саратовским народовольцем И.И. Майновым, речь идет о 1856 годе².

В метрической книге церкви с. Таволожка за 1856 год, хранящейся в Государственном архиве Саратовской области, запись о рождении С.Г. Ширяева отсутствует³. Она была обнаружена в другой метрической книге. Оказалось, что Степан Григорьевич родился 27 октября (8 ноября) 1857 г.⁴ Он был первенцем в семье Ширяевых, его родители вступили в брак, оба впервые, 13 января того же года. Отцу Ширяева в то время было 32 года, матери – 18 лет⁵.

В примечаниях к публикации его «Автобиографической записки», а также в вышеназванной брошюре Майнова приводятся сведения, о том, что отец Ширяева был крепостным крестьянином помещика Языкова, но не указывается даже его отчество⁶. О матери, которую Р.М. Кантор называет Марьей Ивановной⁷, в одном случае пишут, что она «занималась на родине деревенским хозяйством»⁸, в другом – «в 1875 г. держала питейное заведение в Таволожке»⁹. Видный общественный деятель Саратовской губернии второй половины XIX в. В.А. Шомпулев в своих очерках «Записки старого помещика» писал: «Ширяев, сын волостного старшины, взрывавший Зимний дворец, был учеником саратовской гимназии»¹⁰. Поскольку автор ошибочно

отождествлял С.Г. Ширияева с С.Н. Халтуриным, не вызывало доверия и его утверждение о том, что отец Ширияева был волостным старшиной. В действительности такую должность в 1879 г. имел один из трех двоюродных братьев С.Г. Ширияева Иван Платонович Ширияев, проживавший в с. Кулясово Кузнецкого уезда¹¹.

Согласно сведениям метрической книги, отца известного народовольца звали Григорием Степановичем. Поэтому наиболее вероятно, что старшего сына Ширияевы называли в честь деда. Имя преподобного Стефана (Степана) – творца канонов и составителя некоторых церковных песнопений упоминается в святцах в день крещения ребенка – 28 октября¹². Из большого числа имен, записанных в этот день и в день его рождения (Терентий, Феодул, Иван, Арсений, Максим, Андрей и других), родители, по-видимому, неслучайно выбрали именно это имя.

Г.С. Ширияев был не простым крепостным крестьянином, а являлся «управляющим имением господ Языковых»¹³, был вольноотпущенником. Его супругу звали не Марией, а Ларисой Ивановной. Она была дочерью умершего дьячка Сергеева из г. Петровска¹⁴ и, возможно, принадлежала к роду подьячего Сергеева, который поселился в уезде на пожалованной ему земле в 1688 г.¹⁵

Находясь во время следствия и ожидания суда в Петропавловской крепости, С.Г. Ширияев вел переписку с арестованным 15 июня 1879 г. по обвинению в пропаганде и привезенном в 1880 г. в Петербург в ту же крепость братом Иваном и со своей женой А.Д. Долгоруковой. В письмах, так же, как и в «Автобиографической записке», нет ни слова об отце. Он пишет и переживает только о матери¹⁶. Это позволило Р.М. Кантору сделать предположение о том, что «отца Ширияев лишился, видимо, рано»¹⁷. В фондах Саратовского областного музея краеведения в папке с делами Голицынского волостного правления хранится подлинное заявление, написанное управляющим имением помещиков Языковых Г.С. Ширияевым о расторжении договора с крестьянином Яковом Чугуновым на постройку мельницы на речке Каналейке, датированное 22 апреля 1868 г.¹⁸ При просмотре фонда Саратовской 1-й мужской гимназии ГАСО в «Деле о выбывших в 1875 году учениках из разных гимназий» среди многочисленных печатных документов гимназий России, не имеющих никакого отношения к Саратовской, неожиданно было обнаружено прошение директору Саратовской гимназии М.А. Лакомте «от вдовы вольноотпущенницы господ Языковых Ларисы Ивановны Ширияевой», написанное каллиграфическим почерком 19 мая 1875 г.¹⁹ Следующим этапом нашего исследования стал просмотр метрических книг церкви с. Таволожка с 1868 по 1875 г. В одной из них была найдена запись, свидетельствующая, что Г.С. Ширияев умер 16 сентября 1870 г. от холеры²⁰.

В это время его старшему сыну было всего лишь 12 лет. Без отца остались также три младших

брата Степана и сестра. Просмотрев метрические книги за 1859–1867 гг., удалось установить точные даты их рождения. Второй брат Петр родился 15 ноября 1859 г.²¹, следующий Иван – 1 апреля 1862 г.²² и последний Николай – 30 марта 1864 г.²³ Таким образом, утверждение Кантора о том, что вторым братом С.Г. Ширияева был Николай, а третьим Иван²⁴, является неверным. Сестра Елена была самой младшей в семье. Она родилась 29 мая 1867 г.²⁵

Восприемниками или, как говорят в народе, крестными родителями С.Г. Ширияева, были помещик, подполковник Григорий Александрович Языков и его родная сестра, единственная из 5 сестер не вышедшая замуж, Татьяна Александровна, а также дворовый человек Павел Иванов и мещанка Александра Васильева²⁶. Любопытно, что все четверо стали восприемниками и второго сына Ширияевых – Петра. Различие состоит только в том, что Павел Иванов назван в метрической книге 1859 г. дьячком Петровского собора, а Александра Васильева – петровской купчихой²⁷. Крестными родителями Ивана были помещик деревни Чегодаевка Дмитрий Сокольников и купеческая жена Александра Серпоцева, Николая – помещик Николай Петрович Языков (племянник Г.А. и Т.А. Языковых) и помещица Евдокия Николаевна Якубинская, Елены – дьячок Петропавловского собора г. Петровска Павел Мегорский и купеческая жена Александра Васильева²⁸. Социальное происхождение восприемников говорит о необычном для крестьян положении Ширияевых. Восприемниками детей крепостных крестьян или временнообязанных и собственников, как их стали называть после отмены крепостного права, о чем свидетельствуют метрические записи, были такие же крестьяне. Следовательно, можно сделать вывод, что социальный статус Ширияевых был значительно выше статуса других крестьян. Не вызывает сомнения и хорошее отношение помещиков Языковых к Г.С. Ширияеву. Тем более что ни у Татьяны Александровны, ни у Григория Александровича, хотя он и был женат, своих детей не было. В 1857 г. Языкову исполнилось 59 лет. Г.С. Ширияев по возрасту годился ему в сыновья. Видимо, не имея своих детей, помещик относился к нему с большой симпатией. Он не только назначил его управляющим имением, но и отпустил крепостного крестьянина с таким же, как у него именем на волю.

Помещики Языковы происходили от татарского рода и издавна владели в Саратовской губернии именьями. Н.Ф. Хованский, ссылаясь на «Родословный Сборник» издания Руммеля и Голубцова, приводит сведения о том, что в 1696–1708 гг. помещиком Саратовского уезда был Т.Н. Языков. «В Петровском уезде, – пишет Хованский, – упоминается А.И. Языков, поручик, и сын его И.С., подполковник»²⁹. При внимательном чтении здесь обнаруживается, казалось бы, явная опечатка: у А.И. Языкова не могло быть сына

с таким отчеством. На самом деле автором допущена ошибка. Он, безусловно, перепутал двух подполковников из рода Языковых. Дело в том, что такой чин имели и отец поручика Александра Ивановича Языкова – Иван Семенович, и один из двух его сыновей Григорий Александрович (1798 г. рождения) – крестный отец С.Г. Шириева. Второй сын А.И. Языкова Петр Александрович (1802 г. рождения) дослужился до генерал-майора, был директором Павловского кадетского корпуса. Дедом Г.А., П.А. и Т.А. Языковых, управляющим нераздельным имением которых являлся Г.С. Шириев, был Иван Семенович Языков, упоминаемый Хованским под инициалами «И.С.», прадедом – Семен Тимофеевич, а пращуром – Тимофей Нестерович Языков, о котором также имеется свидетельство в названной книге³⁰.

Григорий Александрович Языков был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. На службу поступил 25 октября 1812 г. в третий пехотный полк Симбирского ополчения прапорщиком из студентов благородного пансиона Московского университета. Был уволен от службы в январе 1826 г. по домашним обстоятельствам с награждением чином подполковника. В 1818 г., будучи дивизионным адъютантом 20-й пехотной дивизии, во время следования ее через Великое герцогство Баденское был пожалован баденским кавалером ордена Льва Цюрингского. В 1826 г. «за отлично усердную службу» был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Кроме орденских знаков имел медали: серебряную – в память вступления российских войск в Париж 12 марта 1814 г. и бронзовую – в память 1812 г. В 1832–1834 гг. выбирался дворянами Саратовской губернии на должность совестного судьи. В 1839 г. был избран посредником по размежеванию земель Петровского уезда. Эту должность он занимал и в 1844 г. В это время его родовое недвижимое имение, неразделенное с братом и сестрой, находилось в селах Петровского уезда (Пестровке, Таволожке, деревне Березовке и селце Александрии) и составляло 400 душ, приобретенное недвижимое имение составляло 25 душ в деревне Березовке и 75 душ – в селце Веденяпине. Жил он в с. Александрии Пестровской волости³¹.

В начале 1851 г. умер П.А. Языков, оставив малолетних сыновей и дочерей: Александра 10 лет, Николая 8 лет, Варвару 12 лет и Елизавету 8 месяцев³². По ходатайству его вдовы Анны Михайловны и Г.А. Языкова имение было освобождено от опеки и оставлено в безотчетном управлении последнего. Большую роль сыграла в этом характеристика, данная ему петровским уездным предводителем дворянства. Он сообщил саратовскому губернскому предводителю, а тот, в свою очередь, министру юстиции о том, что братья жили в дружбе и согласии, и поэтому всем имением управлял Г.А. Языков. Они отзывались о нем как о человеке «отличных качеств» и считали, что под его управлением «крестьяне находятся

в хорошем состоянии»³³. Внимание министра юстиции обращалось и на такой существенный момент: «Григорий Александрович Языков, не имея детей, племянников своих считает своими наследниками»³⁴.

Один из них – Н.П. Языков – воспитанник Пажеского корпуса, выпущенный на службу прапорщиком в лейб-гвардии Стрелковый батальон имперской фамилии 16 июня 1860 г., был уволен от службы с награждением чином подпоручика по домашним обстоятельствам 5 февраля 1862 г. и поселился с дядей в с. Александрии. Николай Петрович стал активным общественным деятелем, пользовался уважением и доверием местного дворянства. С 1866 по 1877 г. он неизменно избирался депутатом Саратовского губернского дворянского собрания, с 1869 по 1891 г. – почетным мировым судьей Петровского округа. С 30 сентября 1869 г. по 1 октября 1872 г. был председателем Петровской земской управы³⁵, в 1880-х гг. – членом земского собрания Кузнецкого уезда и Петровского уездного отделения попечительного о тюрьмах комитета, действительным членом Губернского статистического комитета³⁶. С 1 июля 1891 г. приступил к исполнению обязанностей земского начальника 5-го участка Петровского уезда³⁷. Умер 30 ноября 1892 г.³⁸

Как уже говорилось выше, Н.П. Языков был крестным отцом младшего брата С.Г. Шириева – Николая. Восприемники, согласно православной вере, «в случае надобности должны принять крестника под свое попечение»³⁹. Николай Петрович, так же как дядя, очень благосклонно относился к семье Шириевых и сыграл немалую роль в воспитании их детей, особенно после смерти главы семейства. Эта привязанность, возможно, была обусловлена и тем, что у него долгое время не было своей семьи. Он женился лишь в 1879 г. в 36-летнем возрасте⁴⁰.

Получив первоначальное образование в сельской школе, Степан Шириев в 1868 г. смог поступить в саратовскую гимназию только благодаря содействию и материальной поддержке Н.П. Языкова. И.И. Майнов писал: «В первые годы своего пребывания в гимназии Степан зимой даже проживал в доме Языковых в Саратове, и это успело оказать большое влияние на его внешность и манеру держаться в обществе: в 17-летнем возрасте гимназист Шириев выглядел очень красивым юношей интеллигентного круга, без всяких следов деревенской застенчивости или угловатости»⁴¹.

Н.П. Языков способствовал поступлению в саратовскую гимназию Петра и Ивана Шириевых, которые первые годы обучения, вероятнее всего, жили в его доме, так как Степан начал зарабатывать на жизнь уроками и получил возможность снимать квартиру для себя и братьев не ранее 1874 г.

Первая в городе Саратовская мужская гимназия была открыта в 1820 г. Она помещалась в

собственном каменном двухэтажном доме с двумя флигелями на улице, которая так и называлась – Гимназической. С 1864 г. гимназия формально считалась всесловным учебным заведением, хотя после издания в 1871 г. реакционного устава о гимназиях, в 1870–80-х гг. доступ в нее детей недворянского происхождения ограничивался. По данным на 1 января 1875 г. (когда Степан Ширяев был гимназистом 7-го класса) всего обучались 382 ученика, исключая приготовительный класс. 217 происходили из сословия дворян и чиновников, 18 – из духовного звания, 103 – из городского сословия и 41 – из сельского⁴². Плата за обучение составляла 36 руб. в год⁴³.

Благодаря сохранившейся «Общей книге баллов учеников Саратовской гимназии на 1873/74 учебный год» удалось установить уровень успеваемости Ширяева в 6-м классе, за год до оставления им этого учебного заведения. Оказалось, что он был лучшим из 28 учеников своего класса, имел ярко выраженные гуманитарные наклонности⁴⁴. Его годовые оценки и отметки на экзаменах: богослужение – 5(5), теория словесности – 5(4), геометрия – 3 ½ (5); физика – 3 ¼ (4), новая история – 5(5), греческий язык – 4 ¾ (5); латинский язык – 4 ½ (4 ½), французский язык – 4(4)⁴⁵.

Среди дел фонда Саратовской 1-й мужской гимназии представляет интерес «Переписка об исключении из гимназии В. Эдемova, восстановлении, вторичном исключении и о ходатайстве допустить его к экзамену на аттестат зрелости за 1874–1881 гг.»⁴⁶. В.Н. Эдемov – старший товарищ С.Г. Ширяева, через которого он впервые познакомился с революционной литературой. В 1874 г. Эдемov закончил 7-й класс, пробыв в нем 2 года, так как в 1873 г. на экзамене по русскому языку получил неудовлетворительную оценку⁴⁷. Летом 1874 г. в 19-летнем возрасте был арестован вместе с сестрой В.Н. Монстровой, ее супругом и товарищем последнего по делу о распространении книг революционного содержания и некоторое время находился под арестом. В сентябре был исключен из гимназии по распоряжению попечителя Казанского учебного округа. Директором гимназии в то время был М.А. Лакомте⁴⁸. Он ходатайствовал о восстановлении Эдемova. Начальнику Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) Михаил Алексеевич писал: «Зная Эдемova по гимназии с отличной стороны по поведению и его дарованиям и входя в его крайне беспомощное положение в отношении средств к жизни, я желаю принять на себя перед высшим начальством ходатайство о том, чтобы Эдемovu дана была возможность снова поступить в гимназию для окончания курса»⁴⁹. Юноша был восстановлен, но 23 мая 1875 г. вновь исключен педагогическим советом за появление в гимназии в нетрезвом виде и курение папиросы в 3-м классе⁵⁰.

В августе 1878 г. Эдемov обратился к директору гимназии с просьбой разрешить ему

сдавать экзамен для получения аттестата зрелости. Лакомте вновь начал за него хлопотать. В письме сенатору, ревизирующему Саратовскую и Самарскую губернии, он сообщал: «Во время неоднократных моих ходатайств перед Его Превосходительством господином попечителем округа о восстановлении прав бывшего ученика Эдемova я всегда отзывался с отличной стороны о дарованиях Эдемova, в поступках его готов был видеть увлечения, но не считая их особенно вредного злого характера»⁵¹. Сенатор уведомил Лакомте письмом от 7 марта 1881 г. о разрешении управляющего Министерством народного просвещения допустить Эдемova к экзаменам в текущем году и поступлению в университет или высшее учебное заведение по выбору⁵².

Это дело позволяет характеризовать Михаила Алексеевича как доброго и гуманного человека, не побоявшегося взять на себя ответственность за ученика, замешанного в антиправительственной деятельности. По-видимому, несмотря на свои «конфиденциальные речи» о «седом студенте Бакунине», о «спятившем с ума Лаврове», обращенные к одному Ширяеву как близкому товарищу Эдемova, и более поздние публичные лекции для всех гимназистов, в которых громились «лжеучения», «гнусная пропаганда», «безумные и бессовестные совратители-развратители» и т.д., он действительно был, как признавался Ширяеву в частной беседе, «либералом в душе, даже радикалом», так как стоял за представительное выборное правление, но считал, «что обстоятельства в настоящее время не благоприятствуют начинаниям в этом духе»⁵³.

Как директор, Лакомте стремился быть в гимназии «первым между равными, не стеснять личности преподавателя, позволять преподавателям свободно высказываться в педагогических советах; в отношении учеников желал быть любящим заботливым отцом»⁵⁴.

Не случайно гимназисты любили Михаила Алексеевича⁵⁵. А Ширяев даже считал, что Лакомте способствовал популяризации социализма среди гимназистов. В 1876 г. он писал: «Вообще наш незабвенный «отец-второй» добросовестно, с жаром пропагандировал социализм своим «детям» – разумеется в самом изуродованном, нелепейшем виде, но уже и за то одно спасибо ему, что направлял любопытство наше на такой диковинный предмет. Слава ему! – он достиг цели ... как раз противоположной той, к какой стремился: «пагубные лжеучения» так основательно засели в гимназии, что выкурить их оттуда теперь мудрено»⁵⁶.

Известно, что после ареста Эдемova С.Г. Ширяев вызывался в СГЖУ для дачи показаний по делу о революционной пропаганде в Саратовской губернии⁵⁷, так как выяснилось, что его посещал пропагандист А.И. Фаресов и что Ширяев имел и передавал кое-кому некоторые запрещенные издания⁵⁸. К сожалению, в ГАСО протокол его допроса

не сохранился. Но между донесением начальника СГЖУ П.И. Гусева управляющему III Отделением от 2 января 1876 г. и прилагаемым к донесению «Списком лиц, привлеченных к дознанию, производящемуся в Саратове, начатому 1 августа 1875 г. и окончившемуся 28 декабря 1875 г.» из 26 фамилий обнаружен неофициальный список без заглавия, содержащий 78 фамилий. Начинается он следующим образом: «Ширяевы: Степан, Петр, Иван»⁵⁹. Следовательно, в поле зрения СГЖУ уже в 1875 г. попал не только С.Г. Ширяев, но и его братья: 15-летний Петр и 13-летний Иван, проживавшие с ним на одной квартире.

Братья Ширяевы в 1874–1875 гг. были членами революционных кружков гимназистов старших и средних классов. В мае 1875 г. они вышли из гимназии, понимая, что иначе будут исключены без права поступления в другие учебные заведения в революционном движении. В фонде СГЖУ ГАСО сохранились дела: «По обвинению крестьянина П.Г. Ширяева, дворянина П.Н. Щербины и сына священника И.Т. Софинского в распространении нелегальной литературы» 1877 г.⁶⁰ и «О состоящих под надзором полиции А.К. Соловьеве, И.Г. Ширяеве и других лицах» 1880 г.⁶¹

Первое дело связано с деятельностью революционного кружка Ф.Е. Гераклитова, в составе которого вели пропаганду среди саратовских рабочих Степан и Петр Ширяевы. Между прочим, процитированные В.В. Широковой в «Очерках истории общественного движения в Саратовской губернии в пореформенный период» показания рабочего И. Луценкова (правильно – И.Ф. Луцакова. – О.Д.) о том, что «Ширяев работал на заводе 2–3 дня в неделю и во время завтраков и обедов не читал какую-то газету, на первой странице которой напечатано «Лондон», ... Ширяев ... говорил, что небо божье, земля же общая, те будут иметь землю, фабрики и заводы, кто работает, и это скоро будет ...» даны о Петре, а не о Степане, как это может показаться из контекста данного исследования⁶². Жандармы считали П.Г. Ширяева «одним из важных деятелей революционной пропаганды»⁶³ и даже сравнивали с ним других пропагандистов. В заключении по делу Отдельного корпуса жандармов майор Латухин и прокурор Саратовского окружного суда Петропавловский писали об И.Т. Софинском: «Он – Ширяев в душе, у них и книжки, и мысли общие, но мысли высказывает, книжки раздает Ширяев, как более смелый»⁶⁴. Представляет интерес и характеристика, данная руководителем кружка: «Гераклитов (скрывшийся) – деятель совершенно равноправный Ширяеву, если только не более могучий, как почерпнувший знания из высшего учебного заведения»⁶⁵.

В этом деле была найдена копия неопубликованного письма С.Г. Ширяева брату из Лондона, написанного 10 января 1877 г.⁶⁶ Оно являлось одним из вещественных доказательств, обнаруженных во время внезапного обыска в ночь

на 25 января 1877 г. в квартире на Ильинской улице (ныне ул. Чапаева), в которой проживали коммуной 6 революционеров: Ф.Е. Гераклитов, П.Г. Ширяев, В.П. Благовещенский, И.Т. Софинский, С.Н. Бобохов и П.Н. Щербина. Во время обыска была обнаружена запрещенная литература, но прежде чем к нему приступили, Ширяев пожелал выйти по естественной надобности во двор. Несмотря на сопровождение двух жандармов, ему удалось порвать бывшие при нем бумаги, бросить их в снег. Жандармы собрали все мелкие клочки и восстановили. Это были письмо С.Г. Ширяева брату из Лондона и незаконченный ответ на него от 20 января 1877 г. На письмо П.Г. Ширяева ссылался в своей работе В.Н. Гинев⁶⁷, но он даже не упоминает о существовании первого. Между тем оба письма являлись важной уликой против С.Г. Ширяева, доказывая его причастность к пропагандистскому кружку Гераклитова. Показания против него никто из арестованных и свидетелей по этому делу не дал. Но уличающие показания были получены жандармами о И.Е. Боболеве и Ф.Я. Нагеле, упоминаемых Степаном Ширяевым в письме. Горячую благодарность он передавал и старому знакомому С.Н. Бобохову, который являлся одним из главных обвиняемых. Поэтому Петр Ширяев на допросе, не зная, что порванные им бумаги полностью восстановлены, и пытаясь увести следствие от брата, заявил: «О письмах, изорванных мною, могу сказать только то, что письмо с надписью «Лондон» прислано мне моим знакомым, которого я назвать не желаю, только не братом Степаном ... Второе письмо писано мною, я намерен был его послать в Лондон в ответ тому самому лицу, от которого получил первое»⁶⁸.

Письмо С.Г. Ширяева содержит в себе очерк общественной жизни и быта парижских и лондонских рабочих, характеристику английского образования и правосудия. Он приходит к выводу о том, что единственным приобретением рабочих Англии и Франции, которому можно было бы позавидовать, является свобода речи и ассоциаций⁶⁹. Это позволяет сделать вывод о том, что позднейший его переход к народолюбию был в определенной мере обусловлен впечатлениями заграничной жизни.

Второе дело связано с неудавшимся покушением А.К. Соловьева, безуспешно стрелявшего 2 апреля 1879 г. в Александра II. К дознанию о его пребывании на территории Саратовской губернии был привлечен участник новосаратовского поселения народников-сепаратистов, помощник волостного писаря И.Г. Ширяев. На допросах он придерживался такой же тактики, как и старшие братья, не выдал никого из неизвестных жандармам революционеров. Майор Латухин докладывал начальнику СГЖУ: «Лица, упомянутые в показании Ивана Григорьевича Ширяева, почти все привлекались к дознаниям с 1874-го по 1880-й г., которые за свои преступные деяния уже понесли наказание ... Иван Ширяев назвал

некоторых лиц только по фамилии без званий и имен, так что розыск предоставился невозможным и потому еще, что места жительства неизвестны, и, наконец, он назвал несколько таких фамилий, которых в Саратове даже не слышали»⁷⁰. После окончания следствия И.Г. Ширяев был выслан из Петербурга в Саратов под надзор полиции. Впоследствии он стал крупной величиной в саратовском журналистском мире. Его даже называли «королем репортеров». Корреспондентом работал во многих поволжских и столичных изданиях и вернувшийся из якутской ссылки П.Г. Ширяев. Благодаря упоминаниям члена СУАК С.Д. Соколова о существовании некрологов памяти П.Г. и И.Г. Ширяевых⁷¹ удалось установить точные даты их смерти. Петр Григорьевич скончался от чохотки 1 апреля (в день рождения Ивана) 1899 г. в Казани⁷². Иван Григорьевич умер в Саратове 22 января 1915 г.⁷³

В августе 2005 г. экспедиция Саратовского областного музея краеведения посетила родное село Ширяевых. К счастью, оно не исчезло как соседние с ним Любимовка и Чегодаевка, на месте которых можно увидеть лишь бурьян. Ему повезло больше, чем располагавшимся рядом с ним Павловке и Кусту, где еще в 1990-е гг. проживали по несколько человек, а сейчас села полностью вымерли.

Сегодня Таволожка, утопающая в ивах, а кое-где и в крапиве высотой с человеческий рост, раскинувшаяся среди бескрайних русских полей на берегу речки Таволожки, является довольно крепким селом. В ней насчитывается 130 дворов, проживает более 400 человек. Жилых домов, построенных в XIX в., не сохранилось. Но издали видна полуразрушенная каменная церковь, названия которой местные жители не

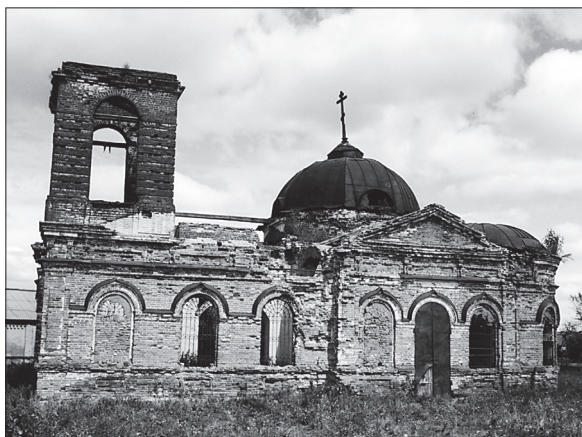
знают. А называлась она Всех-Святской и была построена в 1825 г. на средства А.И. Языкова⁷⁴. В этой церкви венчались родители С.Г. Ширяева. Здесь же они крестили всех своих детей. Недалеко от церкви – кладбище. Оно находится на этом месте, по крайней мере, с момента ее построения. На старых захоронениях делаются новые. По рассказам таволжан, во время выкапывания свежей могилы находят по 3–4 костяка. Много старых деревянных крестов сельчане сожгли в Великую Отечественную войну из-за нехватки дров. Но некоторые из них, а также металлические, все без надписей, сохранились. Возможно, на этом кладбище похоронены мать и сестра Ширяева, его дедушка и бабушка по отцовской линии. Отец, как умерший от холеры, вероятно, был похоронен на другом кладбище, которое, по словам старожилов, находилось между Таволожкой и Павловкой.

Сотрудники музея посетили и расположенное приблизительно в 11 км от Таволожки с. Вязьмино, где сохранился дом, в котором в 1878 г. жили сестры В.Н. и Е.Н. Фигнер. В 1970-х гг. на фасаде его была установлена мемориальная доска. И первый встреченный музейщиками на окраине села механизатор рассказал, как к нему проехать. К сожалению, в Таволожке не удалось найти ни родственников Ширяевых, ни жителей, которые могли бы сообщить о них. О том, что село является родиной знаменитого народолюбца, не знал даже школьный учитель истории.

Полученные в процессе исследования сведения позволяют пересмотреть и существенно дополнить известные факты, а также восполнить пробелы в биографии С.Г. Ширяева, способствуют выявлению типичного и особенного в формировании одного из выдающихся борцов против самодержавия в России.

Село Таволожка рядом с церковью Всех Святых. 2005 г.

Церковь Всех Святых (Всех-Святская),
с. Таволожка. 2005 г.

Кладбище, с. Таволожка. 2005 г.

Письмо С. Г. Ширяева брату
Лондон 22 (10) января

Я должен был бы давно отвечать на твоё письмо, милый Петя, но разные обстоятельства, большею частью независящие от меня, удерживали. Между прочим, главное, не найду адреса, который я мог бы дать для переписки со мной: прежний адрес, по которому я получил первое письмо твоё, не годится. Письмо, посланное в Париж, я не получил. Не знаю почему, тот господин, которого я просил высылать письма, не счёл нужным это сделать и даже ответить мне. Не могу похвастаться своим положением, не больно-то оно казисто: дело в том, что работы до сих пор всё нет и нет. Да, очень трудно найти её вообще за границей, а в Лондоне в особенности. Завтра придётся окончательно решить, можно ли ещё на что-нибудь рассчитывать здесь или нет; в противном случае, один хороший человек обещал свезти меня на какие-то постройки, где можно достать самую простую чёрную работу, очень тяжёлую. Только бы как-нибудь до весны дотянуть, а там, я думаю, в Париже можно будет устроиться.

Время идёт ужасно скучно, отвратительно. Занимаюсь английским языком и читаю, ем, пью, сплю, хожу почти каждый день шляться по городу.

Невозможно, даже живя в Саратове, представить себе, что за громадный город Лондон. Большинство улиц в нём

Дом, в котором в 1878 г. жили сестры
В.Н. и Е.Н. Фигнер, с. Вязьмино. 2005 г.

Мемориальная доска на доме, в котором в 1878 г. жили
сестры В.Н. и Е.Н. Фигнер, с. Вязьмино. 2005 г.

короткие, пересекаются, перемешиваются, но есть улицы в 15 вёрст длиной. О том, как велик Лондон, можно судить уже и по тому одному, что несколько железных дорог проведено, чтобы ездить по нему в разных направлениях; я не знаю до сих пор сколько именно, но мне известны три дороги, из которых одна идёт по крышам домов, а другая под землёю, третья как следует. Кроме паровых железных дорог – множество конно-тягловых омнибусов.

Здесь встречаешь самые резкие контрасты: безумная роскошь и поражающая бедность. Мешки золота тратятся зараз на удовольствия и в то же время есть такие кварталы, куда днём опасно входить, встречаешь буквально почти голых, страшно обезображенных нищетою людей.

В другой раз я подробнее опишу тебе, насколько знаком с Лондоном, теперь же скажу вообще о заграничной жизни, как я знаю её.

Положение рабочего класса больно плохое, то же при сравнении жизни нашего крестьянина с жизнью английского, ещё больше французского рабочего. Придётся сознаться, что у нас лучше. Работа достаётся чрезвычайно трудно, оплачивается незавидно, например: во Франции очень хороший рабочий слесарь, столяр, наборщик получает 5 франков, т.е. 1 р. 25 коп. на наши деньги; а между тем здесь содержание много дороже; например, в Лондоне фунт хорошего мяса (без костей) стоит 1 шиллинг – 35 коп. на наш счёт. Одежда, сахар, чай и пр. дешевле, но

квартиры очень дороги. Вообще, чтобы жить так, например, как ты живёшь, нужно платить, по крайней мере, рублей 25 в месяц.

Образование высшее и среднее, университеты и колледжи разные вовсе недоступны рабочим классам, только первоначальное обучение даётся всем. Да и то немногим лучше нашего. В университеты поступают дети богатых лордов да крупной буржуазии. Оттого-то и не годится даже в подмётки нашей университетской молодёжи молодёжь заграничная.

Вообще мне больно не показалась «заграница», возьмём ли Английское Правосудие: это ужас, что такое! Как у нас во времена подъячих было, бедным людям положительно невозможно затевать процессы! Лишь одно драгоценное приобретение сделали заграничные рабочие; одно, чему мы можем позавидовать: свободу речи и Ассоциаций, да и то не везде. Я здесь завёл одно очень хорошее знакомство, познакомился с Русским, с которым мы все очень хорошо знакомы литературно, но не знали лично; очень хорошая симпатичная личность, когда-нибудь напишу тебе о нём больше⁷⁵. Я имею сообщить вам, вообще всем, некоторые новости, но не нахожу это удобным. В другой раз, при более удобных обстоятельствах напишу. Ты пиши подробнее обо всём, что у вас делается, что нового, каково старое. Пиши, повторяю всё; мне очень бы хотелось иметь полные сведения о Саратове. Лишь не называй фамилий, ставь начальные буквы.

Напиши также всё, что есть нового относительно меня: что где говорят.

Наконец, мне крайне интересно знать о домашних обо всех, о их житье, бытье; как ты живёшь с ними и вообще; пиши больше, больше о себе.

Право, я в таком скверном расположении, что едва-едва могу писать, а то бы я написал больше: зато в другой раз приготовлю письмо заранее и накаатаю несколько листов. Пиши вот по такому адресу: London, ... (далее следует адрес). Не ошибись в адресе; письмо по этому адресу непременно должно иметь марку. Разочти, сколько времени это письмо будет идти до тебя, через 17 дней я найду справиться, пришло ли твоё письмо. Поклон всем хорошим знакомым. Пиши об Иване Еф.⁷⁶ Н-лю⁷⁷ пишу. Горячо благодарю старого знакомого Б-ва⁷⁸, в другой раз и ему напишу.

Обнимаю тебя, твой Степан.

Пиши мне скорей.

Примечания

- 1 Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. Официальный отчет. М., 1906. С. 60.
- 2 Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М., 1976. Т. 16. С. 286; БСЭ: В 30 т. М., 1978. Т. 29. С. 417; Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2002. С. 302; *Майнов И.И.* Степан Григорьевич Ширяев. М., 1930. С. 8.
- 3 ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1488.
- 4 Там же. Д. 1492. Л. 640 об.
- 5 Там же. Л. 652 об. – 653.
- 6 См.: *Кантор Р.М.* Автобиографическая записка Степана Ширяева// Красный архив. М.; Л., 1924. Т. 7. С. 101; *Майнов И.И.* Указ. соч. С. 8.
- 7 *Кантор Р.М.* Указ. соч. С. 102.

- 8 *Кантор Р.М.* Указ. соч. С. 102.
- 9 Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 4. М., 1932. С. 2028.
- 10 *Шомпулев В.А.* Во время реформ Александра II. (Записки старого помещика) // Русская старина. 1898. №41. С. 382.
- 11 Его родной брат Александр Платонович был волостным писарем в том же селе. Третий двоюродный брат С.Г. Ширяева Иван Эрстович Ширяев жил в с. Чардым Петровского уезда // ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 20. Л. 123.
- 12 См.: Жития святых православной церкви. М., 2001. С. 548.
- 13 ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1492. Л. 652 об. – 653.
- 14 Там же.
- 15 *Хованский Н.Ф.* Помещики и крестьяне Саратовской губернии. Саратов, 1911. С. 42.
- 16 См.: *Баум Я.Д.* Три письма Степана Ширяева// Каторга и сылка. М., 1930. №3(64). С. 150, 153; *Кантор Р.М.* Автобиографическая записка Степана Ширяева. С. 76.
- 17 *Кантор Р.М.* Указ. соч. С. 102.
- 18 СОМК 65906.
- 19 ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 65. Л. 122.
- 20 Там же. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1551. Л. 31 об. – 32.
- 21 Там же. Д. 1498. Кн. №12. Л. 21. Ср.: с данными библиографического словаря «Деятели революционного движения в России». Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 4. М., 1932. С. 2028. Здесь дается приблизительная дата его рождения 1853(1860?) г. З.Е. Гусакова в комментариях к публикации документов «Народовольцы в Саратовской губернии» пишет о дате рождения П.Г. Ширяева – «ок. 1853 г.» (Советские архивы. 1991. №2. С. 87).
- 22 ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1514. Л. 6.
- 23 Там же. Д. 1526. Кн. 11 (листы не пронумерованы).
- 24 *Кантор Р.М.* Указ. соч. С. 102.
- 25 ГАСО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1545. Кн. №4. Л. 10 об.
- 26 Там же. Д. 1492. Л. 640 об.
- 27 Там же. Д. 1498. Кн. 12. Л. 21.
- 28 Там же. Д. 1514. Л. 6; Д. 1526 (листы не пронумерованы); Д. 1545. Кн. №4. Л. 10.
- 29 *Хованский Н.Ф.* Указ. соч. С. 186.
- 30 См. родословную и доказательства дворянского рода Языковых (ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 100. Л. 48 об. – 49); о П.А. Языкове (Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 872. Л. 1); формулярные списки о службе Г.А. Языкова (Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 511. Л. 48-51. и Ф. 861. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-4).
- 31 ГАСО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-4. Ф. 19. Оп. 1. Д. 511. Л. 48-51.
- 32 Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 872. Л. 5-6.
- 33 Там же. Л. 7.
- 34 Там же.
- 35 См.: формулярный список о службе земского начальника 5-го участка Петровского уезда Саратовской губернии отставного гвардии подпоручика Н.П. Языкова (ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-8).

- ³⁶ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1880 год. Саратов, 1880. С. 138, 321, 323; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 год. Саратов, 1883. С. 194–195; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1888 год. Ч. II. Саратов, 1888. С. 332, 337, 350, 355, 358.
- ³⁷ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.
- ³⁸ Там же. Л. 11.
- ³⁹ Энциклопедический словарь: В 86 т. Т. VII. Издатели: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1892. С. 281.
- ⁴⁰ Его супругой была дочь статского советника Д.М. Никифорова Софья Дмитриевна. У них родились две дочери: Наталия – 11 апреля 1884 г. и Мария – 29 декабря 1888 г. (ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2480. Л. 5; Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 13. Л. 2).
- ⁴¹ Майнов И.И. Указ. соч. С. 8.
- ⁴² ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.
- ⁴³ Там же. Л. 5.
- ⁴⁴ Там же. Д. 29. Л. 13–23.
- ⁴⁵ Там же. Л. 22 об. – 23.
- ⁴⁶ Там же. Д. 42.
- ⁴⁷ Там же. Л. 1.
- ⁴⁸ М.А. Лакомте (1831–1908), учитель истории и географии в саратовских мужской и женской гимназиях, в Мариинском институте благородных девиц (1855–1873), директор 1-й мужской гимназии (1873–1884). С 1895 г. член Саратовской ученой архивной комиссии.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.
- ⁵⁰ Там же. Л. 9–10.
- ⁵¹ Там же. Л. 23–24.
- ⁵² Там же. Л. 25.
- ⁵³ Два письма С.Г. Ширяева к редактору «Вперед!»// Былое. 1903–1904. №2; Русская историческая библиотека. Ростов н/Д, 1906. №5. С. 22–23. М.А. Лакомте входил в связанный с Н.Г. Чернышевским так называемый «Беловский кружок» и многие годы дружески переписывался с Е.А. Беловым (*Миронов В.Г.* Предисловие к «Воспоминаниям педагога» М.А. Лакомте // Тр. Саратов. ист.-краевед. об-ва. 1992. Вып. 2. С. 132).
- ⁵⁴ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2020. Л. 24 (воспоминания М.А. Лакомте о Саратовской гимназии).
- ⁵⁵ *Гераклитов А.А.* Воспоминания. Саратов, 2004. С. 91 (А.А. Гераклитов – племянник известного саратовского революционера Ф.Е. Гераклитова); *Жеребцов В.О.* Воспоминания о Саратовской первой мужской гимназии и С.-Петербургском университете. Саратов, 1912. С. 27–32.
- ⁵⁶ Два письма С.Г. Ширяева к редактору «Вперед!» С. 22.
- ⁵⁷ Там же; *Гинев В.Н.* Народническое движение в Среднем Поволжье. М.;Л., 1966. С. 29.
- ⁵⁸ Два письма С.Г. Ширяева к редактору «Вперед!» С. 22.
- ⁵⁹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3. Т. II. Л. 6.
- ⁶⁰ ГАСО. Оп. 6. Д. 5.
- ⁶¹ Там же. Оп. 1. Д. 20.
- ⁶² *Широкова В.В.* Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии в пореформенный период. Саратов, 1976. С. 14; ГАСО. Ф. 53. Оп. 6. Д. 5. Л. 8.
- ⁶³ Там же. Л. 222.
- ⁶⁴ Там же. Л. 223.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. Л. 20–22. С.Г. Ширяев уехал за границу в конце ноября 1876 г.
- ⁶⁷ *Гинев В.Н.* Указ. соч. С. 133.
- ⁶⁸ ГАСО. Ф. 53. Оп. 6. Д. 5. Л. 41.
- ⁶⁹ Там же. Л. 21
- ⁷⁰ Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 128.
- ⁷¹ СОМК. Фонд С.Д. Соколова. Краткие сведения о саратовцах писателях, ученых, художниках и других. Оп. 1. Д. 44. Л. 264, 266.
- ⁷² П.Г. Ширяев. (Некролог)// Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1899. №6. С. 1130. Ср.: с данными указанного био-библиографического словаря. С. 2029. Здесь предполагается: «Умер ок. 1899 г. в Казани (?)».
- ⁷³ И.Г. Ширяев. (Некролог)// Саратовский вестник. 1915. №19. С. 3; *Гусакова З.Е.* в примечаниях к указанной публикации называет приблизительную дату его смерти – «1920-е годы». С. 83.
- ⁷⁴ Краткие сведения о церквях Саратовской епархии, существующих при них причтах и о прихожанах// Приложение к №8 офиц. отд. Саратов. Епархиал. Ведом. за 1895 год. С. 352.
- ⁷⁵ Речь идет о П.Л. Лаврове (1823–1900) – социологе и публицисте, об одном из главных идеологов революционного народничества. В 1870 году он эмигрировал за границу. В 1873–1876 г. издавал журнал «Вперёд» (сначала в Цюрихе, потом в Лондоне). С. Г. Ширяев познакомился с Лавровым в декабре 1876 г. в Лондоне. В 1878 г. он примкнул к созданному им кружку русско-польских социалистов-пропагандистов, действующих за границей. Ширяев вёл постоянную переписку с Лавровым и в эмиграции, и после своего возвращения на родину.
- ⁷⁶ И.Е. Бобылев (род. ок. 1857–?). Слесарь. Принадлежал к революционному кружку Ф.Е.Гераклитова. Вел пропаганду среди рабочих саратовских железнодорожных мастерских.
- ⁷⁷ Ф.Я. Нагель (род. ок. 1842–?). Слесарь. Принадлежал к революционному кружку Ф.Е.Гераклитова. Вел пропаганду среди рабочих саратовского чугунно-литейного завода Плотникова.
- ⁷⁸ С.Н. Бобохов (1858–1889). Дворянин. Учился в Саратовской гимназии. Один из лучших друзей С.Г.Ширяева, деятельный член саратовского гимназического кружка, с 1876 г. – член революционного кружка Ф.Е.Гераклитова.

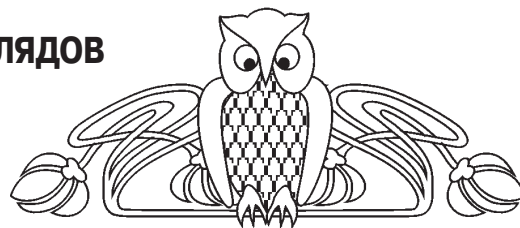

УДК [271.2:323.1](470-89)+929 Гермоген

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ ЕПИСКОПА ГЕРМОГЕНА (ДОЛГАНОВА)

А.И. Мраморнов

Московский государственный университет,
кафедра Отечественной истории XIX–XX вв.
E-mail: mramor-new@mail.ru

Епископ Гермоген (Долганов) – один из наиболее известных церковных деятелей России начала XX в. Автор статьи рассматривает становление его воззрений на национальный вопрос, начиная с его молодости и в период служения в Грузии (1890-е гг.). Более подробно исследуются соответствующие мысли епископа периода его служения в Саратове (1903–1912). Отмечается несистематизированность национальных воззрений Гермогена и их несоответствие задачам его церковного служения. Ставится мало исследованный в историографии вопрос о подходах к классификации церковных националистов.

The Formation of Views on National Question of Bishop Hermogenes (Dolganov)

A.I. Mramornov

Bishop Hermogenes (Dolganov) – one of the most well-known church figures of Russia at the beginning of 20th century. The author of the article explores the formation of his views on national question since his youth and the period of his service in Georgia (1890s). His national views of 1903–1912, when he served in Saratov, are examined in greater detail. Their unsystemized nature and their contradiction with Hermogenes' aims as church leader are emerged. The author raises the poorly understood in historiography question about the approaches to classify the church nationalists.

Епископ Гермоген (Долганов) – видная фигура в церковной и общественно-политической жизни России начала XX в. Ключевые эпизоды его деятельности уже в целом изучены¹. Недостаточно систематизированы данные о его воззрениях, но автором этих строк уже предпринята попытка проанализировать политические взгляды владыки². В настоящей статье представлены соображения, касающиеся его отношения к национальному вопросу. Воззрения владыки в этой области были менее системными, чем в области чисто политической («православный монархизм»). Тем не менее можно попытаться проследить процесс его становления как русского националиста.

Епископ Гермоген был сыном девятнадцатого века. Как и многие, если не большинство поповичей пореформенной эпохи (он родился в семье единоверческого священника Ефрема Долганова), он стремился вырваться из семинарии, в которую по традиции сыновья священников шли получать образование, и пойти не по стопам предков, а в университет. Будучи сам, видимо, малороссийского происхождения (на это указывает его фамилия «Долганов» с вариантом «Долганёв», происходя-

щим от «Довганёв» и, видимо, от «Довгань»³), он, поступив в Новороссийский университет, оказался в многонациональной среде Одессы. Далее в его биографии следует отметить кратковременную учебу на медицинском факультете Женевского университета, путешествия в дальние страны. Все это говорит о том, что будущий епископ Гермоген общался с представителями разных народов, как Российской империи, так и зарубежных стран. Такое общение могло воспитать в нем либо толерантность к *иному* и *иным*, либо их отторжения. Какова была его позиция в период его становления сначала как личности, потом как церковного и общественного деятеля, нам доподлинно неизвестно: отсутствуют соответствующие источники. С одной стороны, университетской среде в целом были чужды, скажем, антиеврейские настроения, но с другой – Георгий Долганов не был типичным представителем этой среды.

Тифлисскую семинарию, в которую выпускник Санкт-Петербургской духовной академии иеромонах Гермоген поступил в 1892 г. на службу в должности инспектора (с 1898 г. – ректор), можно было считать очагом русско-грузинских национальных конфликтов. На руководящие должности в Грузинский экзархат часто присылались ученые монахи «из центра», не всегда способные смириться с особенностями служения на окраине, понять национальный характер своих подопечных. Дипломатические шаги со стороны этих наставников часто заменялись грубыми властными приемами. Все это, естественно, вызывало недовольство местного населения, более всего – грузинского духовенства и учащихся. В ряду таких наставников были преемники архимандрита Гермогена в должности ректора – архимандриты Стефан (Архангельский) и Никандр (Феноменов), которые, «прикрываясь эгидою политики, ... жили только для себя и страшно губили Грузию и русское дело в Закавказье, вводя в обман высшие власти на счет своей деятельности»⁴. Благодаря их деятельности, к 1905 г. грузин по национальности в семинарии не осталось.

Иным было отношение к грузинам у отца Гермогена. Он, приехав в Тифлис, занялся изучением грузинского языка, истории и культуры страны. Для него на первом месте стояла миссия, утверждение в христианской вере мусульман, язычников, новоначальных. Можно предполо-

жить, что он мыслил созвучно священнику Иоанну Восторгову (позднее видному консерватору, проповеднику, чьи речи и статьи печатались и в гермогеновском «Братском листке»), который в одной из проповедей в 1898 г. говорил: «Нам, здесь (в Грузии. – А.М.) живущим и несущим знамя христианского просвещения на окраине России, в виду сопредельных, недавно еще страшных для России стран неверных, в виду многих и среди нас живущих, коснеющих во тьме мусульманского зловерия и иноверия, нам, православным христианам, всем, без различия национальностей (курсив мой. – А.М.), Казанская икона Богоматери вдвойне близка и знаменательна... Как две родные сестры, соединились теперь общностью дела и общностью единого отечества и слились воедино эти Церкви – российская и грузинская»⁵. Видимо, именно без различия национальностей пытался в то время (1890-е гг.) подходить к своему служению о. Гермоген, ставя на первое место веру во Христа.

Каковым было отношение семинаристов-грузин к своим русским наставникам, изучавшим грузинский язык и культуру? Видимо, не всегда благодарным. Это ощущал и будущий епископ Гермоген. Иеромонах Алексей, сослуживец Гермогена грузинского периода, прямо писал ему в письме о ненависти грузин к русским и русскому духовенству, в частности⁶. Практически вторил ему другой сослуживец Гермогена, иеромонах Анатолий, писавший, что обучать грузинскую молодежь русскому языку и прививать ей основы русской культуры – «истинная пытка»⁷.

Но едва ли в этом подлинная причина того, что у епископа Гермогена выработалось стойкое предубеждение против евреев, которым он не находил места в многонациональной России. «Еврейский вопрос» в сознании современников, принадлежавших к разным идейным и политическим направлениям, вообще стоял особняком и не смешивался с «окраинным». Тем более, что все-таки в той же Грузии он видел результаты своих трудов, в частности, благодарность от жителей запущенного района Тифлиса Колночая Балка, который был облагорожен в конце 1890-х гг. трудами духовенства экзархата, в том числе архимандрита Гермогена.

Вероятнее всего, антиеврейски настроенным владыку сделал 1905-й год. К началу революции Гермоген уже четыре года служил в архиерейском сане. Накануне революции духовенство с небывалой силой включилось в общественные дискуссии, в том числе в газетную полемику. Не стал исключением и саратовский владыка, основавший собственную газету «Братский листок». Среди революционеров и создателей антицерковно настроенных изданий в разных уголках Российской империи было довольно много евреев. Недаром современники среди «органов русской печати» выделяли в числе прочих и «еврейские явно или еврейски замаскированные»⁸. Одновременно в

прессе часто преувеличивалась степень «угнетения» еврейского населения в империи. Все это создавало основу для острой полемики в прессе и обществе по национальному вопросу. Это была «злоба дня». Включение в подобные дискуссии превращало оппонентов в публицистов, в политических деятелей, пусть часто и незначительных по их реальной роли в общественно-политическом процессе. Церковное христианское служение не предполагало и не предполагает разделения паствы по национальному признаку, а тем более – построения специальных доктрин по этому вопросу. Но в бурную революционную эпоху, окончательно наступившую в России в 1905 г., мало кому удавалось быть на виду (а епископ практически всегда на виду), оставаясь в то же время совсем вне политики. Не удалось это и епископу Гермогену.

С одной стороны, очевидно, что в 1905 г. он не был погромщиком евреев, каким его пыталась изобразить советская историография. После событий середины октября в Саратове владыка даже инициировал сбор пожертвований в пользу пострадавших от погромов. Но в то же время антиеврейская риторика не сходит с уст владыки именно с конца 1905 – 1906 гг. Его газета «Братский листок» зачастую намеренно занималась антиеврейской пропагандой. Соответствующие материалы специально подбирались редакцией и время от времени помещались на страницах газеты. В качестве примера приведем опубликованную в 1908 г. заметку «Мнение великих людей об евреях»⁹. Она является во многом показательной, отражая в целом подход епископа Гермогена и его сторонников к еврейскому вопросу. В заметке приводятся высказывания о евреях древних мыслителей – Сенеки и Диодора Сицилийского, цитата из Корана, слова Наполеона, немецкого философа Фихте, наконец, Бисмарка. Среди цитат – ни одной из Священного Писания, ни одной из Святых Отцов Церкви, ни одной из новейших подвижников «Святой Руси».

Нецерковной была и сама идеологема, которая подкреплялась этими цитатами. Идея «все беды России от евреев» (и ее разновидности, выводимые из речей владыки и его сторонников) не имела ничего общего с христианским пониманием разделения человечества на разные народы, ведь для христианина, тем более для пастыря, по слову апостольскому, во Христе «нет ни эллина, ни иудея» (Гал. 3, 28).

Под евреями и «жидами» епископ Гермоген в большинстве случаев имел в виду, видимо, этнос, а не вероисповедание (иудейское). Доказывает это рассмотрение устава Православного Всероссийского братского союза русского народа – организации, созданной владыкой в 1907 г. в результате попытки подчинить себе полностью местное отделение Союза русского народа. Один из разделов устава предусматривал, что членами союза могут быть «только природные русские люди,

обоего пола, всех сословий и состояний, преданные целям Союза», и что «все лица некоренного происхождения и старообрядцы могут быть принимаемы в члены Союза не иначе, как по единогласному постановлению соединенного собрания членов советов и членов-учредителей»¹⁰. Кроме этого особо оговаривалось, что «евреи в члены Союза никогда допущены быть не могут, даже в том случае, если они примут христианство». Подчеркнем: это строки из устава организации, созданной православным епископом. Правда, в этом случае он выступал скорее не в роли пастыря, а в качестве крайне правого политика, пользующегося данной ему от Бога властью для того, чтобы проводить в жизнь идеи, прямо противоречившие слову Священного Писания.

Как и в области чисто политической, в которой владыка был убежденным монархистом, в сфере национальной у епископа Гермогена была главная идея – русская. Монархизм и «русскость» были в системе взглядов архиерея неотъемлемыми характеристиками идеального члена социума. Он много говорил о единстве и объединении (что вполне свойственно церковному пастырю), но в общественной сфере имел в виду объединение только русских людей. Объединяться они должны были под церковным знаменем, ведь «никогда нам не нужно забывать того, что вера православная – душа русского народа. Распадется вера, распадется и государство, на вере основанное, верою возвеличенное. Кто поддерживает веру, тот поддерживает тем самым и Государство, страну и народ. <...> Вследствие потери св. веры страна наша находится в опасности быть заповенною желтою расою. Были светские пророки, о том предсказывавшие»¹¹. Неоднократно после Русско-японской войны в своих проповедях епископ обращался к предсказанию философа В.С. Соловьева о нашествии на Россию «желтой расы»¹².

Русские в системе взглядов Гермогена делились на «истинных» и «бывших». Последние приравнивались к евреям. Выступая в 1907 г. против постановки в Саратове пьесы «Черные вороны», владыка писал, что на город налетела «безнравственная и бездарная труппа актеров, евреев и бывших русских людей»¹³. Таким образом, национальной идентичности можно лишиться – она тесно связана в системе взглядов Гермогена, как уже было показано, с религиозной и культурной идентичностью, если не тождественна им: «Современные враги света Христова все силы свои и всю полноту власти своей употребляют на то, чтобы стеснить церковное дело, чтобы ограничить свободу пастырей в религиозно-церковном созидании *русского народного* (курсив мой. – А.М.) духа»¹⁴.

Народ воспринимался Гермогеном как живой организм. Жизнь конкретной нации уподобляется жизни индивида. Так, народ грешит и может каяться. «Вероятно, русские люди не страшатся гнева Божия, – говорил Гермоген в 1909 г., – не-

ужели не вразумила их ужаснейшая Божья кара, разразившаяся над Россией в виде особой все-российской Мессины»¹⁵, начавшейся глубоким политическим провалом от Японской злополучной войны и длившейся затем несколько лет, вплоть до 1908 года, в виде революционно-вулканических ударов, междоусобиц, смут и других эксцессов революции: провал и революционно-вулканические извержения погубили, ведь, многие сотни тысяч народа русского, кроме женщин и детей, не считая ужасного и повсеместного обнищания всего народа и всей нашей страны?.. А самое бедствие итальянской Мессины, по своим ужасам не поддающееся описанию – это поистине грозное и решительное выступление карающей власти Всемогущего Бога против власти мира и наглых оскорбителей Божьей достоинства и Божьей власти на земле?!»¹⁶ Таким образом, по Гермогену, Богом каждому народу дарована свобода исторического действия, которая может быть им, народом, использоваться как во благо, так и во вред. Последнее может вызвать гнев Божий. Эпоха начала XX в. изобиловала примерами, служившими прекрасными иллюстрациями к такой концепции.

Несмотря на прорусскую и ярко выраженную антиеврейскую позицию, епископ был все же, судя по всему, сторонником многонациональной империи. В его речах встречается категория «врожденные (природные) инородцы». К ним, например, относились мордва, чуваша (характерны такие выражения, как «наши чуваша») и др. народы. На эти народы империи, по Гермогену, должна была направляться, в первую очередь, миссия Православной церкви.

С затрагиванием «дебрей» национального вопроса стройность и системность соответствующих воззрений владыки совсем падала, но повышалась обостренность нравственного понимания жизни отдельных народов. Следующий фрагмент одного из выступлений владыки 1911 г. прекрасно показывает ход его мысли: «Мы судим о народах – об их благоденствии и состоянии – по внешности: культуре, развитию, искусствам и проч. Не по этим признакам следует судить о них, а по внутренним: вере и нравственности их. Нам нет друзей среди народов: наше назначение быть апостолом, нести св. веру другим языкам. И если уж с кем-либо необходимо по каким-либо видам дружить, то лучше с немцами: у них более строгие и нравственные семейные бытовые, общественные и государственные устои, более правдивые суды; они и народ – более честный во взаимных отношениях. А мы во всем стараемся подражать японцам. И в предметах домашнего обихода и особенно в дамских костюмах заметно сильное им подражание. А между тем замечено историческое явление такое: нация, близкая к своему падению, уже заранее, как бы предчувствуя свое падение, старается подражать той нации, которая будет ее победительницей»¹⁷.

Типологически систему взглядов епископа Гермогена в период его служения в Саратове можно назвать правонационалистической, но с рядом серьезных оговорок. В историографии пока плохо разработана теория изучения националистических движений начала XX в., в частности, принципы классификации представителей этих движений, позволившие избавиться от ярлыков и штампов и дать точное, адекватное наименование тому или иному направлению. Существует еще медленно преодолеваемая тенденция рассматривать всех правых начала XX в. в виде единого лагеря, вне зависимости от того, как оценивается их деятельность и их роль в жизни России той эпохи.

Уточняя термин «правый националист» в отношении Гермогена, можно назвать его «церковным националистом». Но и здесь необходимы некоторые разъяснения. Так, церковными националистами могут быть названы такие совершенно разные деятели, как святой праведный Иоанн Кронштадтский или монах-расстрига Илиодор. Но налицо различные модели церковного национализма.

Кронштадтский протоиерей Иоанн Ильич Сергиев много говорил и писал о необходимости укреплять величие русского народа, бороться с общественными, народными недугами. При этом антиеврейские настроения были ему не чужды. В то же время, прославившись на всю Россию как праведник и молитвенник, он принимал у себя представителей не только разных национальностей империи, но и разных исповеданий, в частности мусульманского, а также представителей протестантских деноминаций.

Как отмечалось, епископ Гермоген был также последовательно антиеврейски настроен. В этом его сходство с Иоанном Кронштадтским. Но позиция владыки в отношении ряда народов и иных вероисповеданий была более категоричной, можно, думается, даже говорить о его изоляционистской позиции. Хотя есть примеры, когда на беседах, проводившихся Гермогеном в Саратове, к нему под благословение подходили протестантские пасторы, а присутствовали в зале евреи, магометане, это расценивалось корреспондентами гермогеновского «Братского листка» (сотрудниками и единомышленниками владыки) лишь как «знаменательный факт»¹⁸, а отнюдь не как обычай, поощрявшийся владыкой.

Деятельность Илиодора – пример иной модели церковного национализма. Его национализм радикален, обращен не к мыслящим людям, которые, разбирая предложенные проповедники, церковно-общественным деятелем данные, способны обратиться к изучению своей нации, уважать ее и гордиться ею, но, напротив, к толпе, готовой без лишних размышлений последовать за прямолинейным лидером. «Русь идет!» – этот и подобные ему лозунги были взяты на вооружение сторонниками неумного иеромонаха. Антиеврейские настроения илиодоровцев были наиболее

радикальными из разобранных трех моделей и практически граничили с радикальностью, выраженной известным лозунгом «бей жидов, спасай Россию», хотя и не достигали ее.

Другим подтверждением несправедливости оценки национального правового сознания как чего-то единого и целого служит сопоставление с системой взглядов епископа Гермогена сформулированных в историографии основных «постулатов» правового сознания начала XX в.

«Первым из таких постулатов правового сознания следует признать примат нации, государства, общины над личностью, отрицание самостоятельных прав личности, – отмечает Д.И. Раскин. – Декларативно-демагогически этот примат формулировался в качестве преобладания обязанностей над правами, якобы присущего христианскому сознанию»¹⁹. У церковных деятелей, в частности у епископа Гермогена, подобный примат если и проявлялся в ряде случаев, был как постоянное умонастроение невозможен. Иногда владыка действительно требовал подчинения «мыслей и стремлений отдельных людей целям государства с единой и абсолютной (монархической) властью и единой (господствующей) церковью»²⁰. Но в то же время язык его проповедей и бесед, проводившихся по его благословию саратовским духовенством, говорит о том, что собеседником епископа и его сотрудников был индивид-христианин.

Другой «постулат» – примат «национального начала над социальным, перевод всех общественных проблем – социальных, экономических, политических, правовых и даже моральных (не говоря уже о культурных) – в категорию национальных»²¹. Для епископа Гермогена это неверно. Гораздо чаще, что и логично для любого пастыря, он рассматривал существующие проблемы России с помощью категорий нравственности (в этом убеждает рассмотрение текстов его проповедей).

И дальнейшее сопоставление покажет либо полное, либо частичное несоответствие воззрений епископа сформулированным И.Д. Раскиным постулатам «правого» сознания. Хотя бесспорно, что Гермоген – представитель именно правового направления в общественной мысли изучаемой эпохи. Очевидно, что необходимо создание более разветвленной классификации национальной правой идеологии и практики в России начала XX в., чем та, которая имеется в историографии на сегодняшний день.

В заключение отметим, что в последний год пребывания владыки на саратовской кафедре количество острых высказываний Гермогена по национальному вопросу снижается: его занимали многие другие проблемы. Возможно, продолжая благословлять и поддерживать иеромонаха Илиодора до отречения последнего от Церкви, владыка одновременно осознавал, что ставка на антиеврейские настроения народных низов, сделанная его строптивым «сотрудником», неверна. В работах

периода «покоя» (1912 – 1916 гг.) Гермоген изредка продолжает использовать слова «евреи», «жиды» как полемические клише (наряду с такими категориями, как, например, «толстоцев») и т.п. Через некоторое время после трагической гибели епископа Гермогена в 1918 г. национальный вопрос в России вновь остро встанет, правда, уже совсем в другом ключе, и отнюдь не являясь предметом свободных общественных дискуссий.

Примечания

- ¹ См.: Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858 – 1918). Саратов, 2006.
- ² См.: К вопросу о политических взглядах епископа Гермогена (Долганова) // Платоновские чтения: Материалы XII Всерос. конф. молодых историков. Самара 10–11 ноября 2006 г. / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2006. С. 176–183.
- ³ См.: Платонов Г.М. Православная Церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России 1900 – 1914 гг. (На материалах Саратовской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 236.
- ⁴ Из воспоминаний русского учителя Православной Грузинской Духовной Семинарии. М., 1908. С. 4.
- ⁵ Восторгов И.И., прот. Полное собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 179.
- ⁶ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 134. Л. 9.
- ⁷ Там же. Д. 126. Л. 3 об.
- ⁸ Розанов В.В. Евреи в жизни и в печати // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2003. С. 93.
- ⁹ Мнение великих людей об евреях // Братский листок. 1908. № 164. С. 2 – 3.
- ¹⁰ Устав Православного Всероссийского Братского Союза Русского народа // Россиянин. 1907. № 25. С. 2.
- ¹¹ Братский листок. 1911. № 126. С. 3.
- ¹² См. также: Мраморнов А.П., свящ. Сочинения: Записки, епархиальные хроники, публицистика / Ред.-издатель А.И. Мраморнов. Саратов, 2005. С. 192.
- ¹³ Гермоген, еп. Нравственные тревоги и терзания большей части Саратовского общества, в виду ужасного «Пробуждения весны» и возмутительного появления «Черных воронов». Саратов, 1907. (Приложение к газете «Россиянин»). № 54). С. 1.
- ¹⁴ Братский листок. 1908. Приложение к № 127. С. 2.
- ¹⁵ Епископ сравнивает русскую революцию с землетрясением в итальянском городе Мессина 1908 г.
- ¹⁶ Гермоген, еп. Тяжкое и нестерпимое бедствие, переживаемое ныне Россией // Братский листок. 1909. № 41. С. 1.
- ¹⁷ Братский листок. 1911. № 126. С. 3.
- ¹⁸ Б[еляев] П., [свящ.]. Шестнадцатая пастырская беседа // Братский листок. 1908. № 170. С. 1.
- ¹⁹ Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX в. // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки: В 3 ч. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. С. 14.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 15.

ИСТОРИЯ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

УДК 93/99(093)(470.44–89)«17/18»

ДВОРЯНСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ КНИГИ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Т.В. Платонова

Саратовский государственный университет, Балашовский филиал,
кафедра истории
E-mail: PlatonovaTV@yandex.ru

В фонде Дворянского депутатского собрания Государственного архива Саратовской области собран 21 том уникальных документов, известных как Дворянские родословные книги Саратовской губернии (1787–1861). Их анализ позволяет сделать выводы о составе дворянского общества Саратовской губернии в целом. Документы также дают возможность выяснить многие частные вопросы по истории конкретных представителей потомственного дворянства Саратовской губернии.

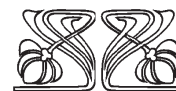
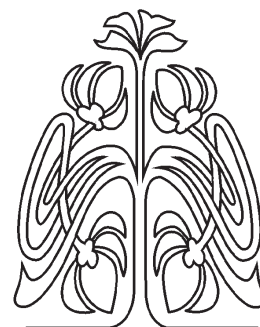
The Nobility Family Register Books of the Saratov Province in the End of the XVIII – the First Half of the XIX Century

T.V. Platonova

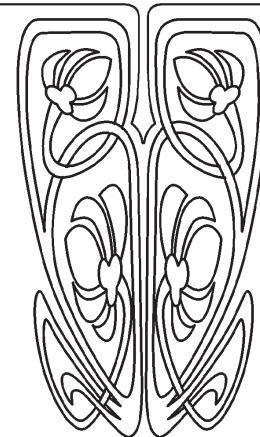
In the fund of the nobility deputy assembly of the State archives of the Saratov region there is a collection of 21 volumes of the unique documents, known as the Nobility family register books of the Saratov province (1787–1861). Their analysis brings us to the conclusions concerning the structure of the noble society of the Saratov province as a whole. The documents also give the opportunity to clarify many private issues on history of the concrete representatives of the hereditary nobility of the Saratov province.

В современной исторической науке дворянские родословные книги признаны уникальными документами, сохранившимися наиболее полно в региональных архивах. В последнее время активно ведется изучение родословных книг как источника по истории провинциального дворянства. Ещё в 1980-е гг. А.В. Елпатьевский обращался к вопросам документирования принадлежности к дворянству во второй половине XVIII – первой половине XIX в.¹ В 90-е гг. прошлого столетия были опубликованы работы Л.А. Быковой, посвященные исследованию дворянской родословной книги Тверской губернии². Тогда же появилась статья Л.Е. Шепелева об особенностях образования новых служилых дворянских родов в начале XIX в.³ Роль родословных книг XVIII – XIX вв. в системе подтверждения дворянства и лишения дворянского достоинства исследует Т.Б. Калабин⁴. В последние годы дворянские родословные книги Казанской губернии исследовала Г.А. Двоеносова⁵, Олонецкой губернии – И.В. Савицкий⁶. Перечень дворянских родов на основании сведений, содержащихся в родословных книгах Саратовского губернского дворянского депутатского собрания за 1786–1917 гг., составлен главным специалистом отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Государственного архива Саратовской области (ГАСО) О.К. Пудовочкиной.

Материалы фондов ГАСО позволяют утверждать, что родословная книга Саратовской губернии начала составляться одновременно с оформлением Саратовского наместничества, со вступлением в действие «Жалованной грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». Тогда высшее сословие в каждой

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

губернии, обособившееся постепенно в отдельное дворянское общество, окончательно получило регламентированный юридический статус.

Дворянство губернии, как и России в целом, имело сложную иерархическую структуру и отличалось неоднородностью состава. В соответствии с Жалованной грамотой и в зависимости от степени «благородства», потомственные дворяне делились на шесть разрядов. К первому разряду относилось так называемое действительное дворянство. Оно даровалось монархом лично и подтверждалось специальным дипломом, гербом и печатью. Сюда же относились дворянские роды, имевшие «давность до 100 лет». Ко второму разряду относились лица, получившие право на дворянство за военную службу. По указу Петра I от 16 января 1721 г. его получали «все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства», а также их потомки. К третьему разряду относилось «осьмиклассное» дворянство, заслужившее свое звание на гражданской службе. Под ними подразумевались «все служители российские или иностранные, которые осьми первых рангов находятся или действительно были». Иностранцы должны были принести присягу на верность российскому престолу. К четвертому разряду относились иностранные роды, принявшие российское подданство. Титулованные роды – князья, графы, бароны и др. – относились к пятому разряду. Эти титулы были наследственными, однако, каждый их носитель должен был иметь персональную грамоту от государя, подтверждающую степень его достоинства. Шестой разряд составляли так называемые благородные роды, «коих доказательства дворянского достоинства за 100 лет и выше восходят» с 1785 г. – времени подписания Жалованной грамоты, «благородное же их начало покрыто неизвестностью»⁷.

Какой разряд считался более престижным, определить сложно. Можно согласиться с определением критериев дворянской иерархии Е.Н. Марасиновой, которая на первое место ставит чин, затем происхождение и заслуги перед монархией (разряд), а также богатство⁸. Поэтому, если дворянин, даже имея княжеский или графский титул, относился к пятому разряду, это еще не означало, что он занимал высокое положение в обществе. Он мог быть беден. Подтверждением тому являются сведения о мелкопоместных владельцах имений Сердобского уезда. В списках за 1858 г. встречаем фамилию княгини М.П. Мышицкой, занимавшейся хлебопашеством на земле своих родственников Юматовых⁹. Традиционно наиболее почетными разрядами считались шестой, пятый и четвертый, менее почетными – первый, второй и третий. Хотя среди дворян первого разряда можно было встретить очень богатых представителей знати, военная служба всегда считалась почетным занятием и способствовала быстрому продвижению по служебной лестнице, а государственная гражданская служба считалась основной сферой приложения сил дворянства.

Жалованной грамотой дворянству предписывалось вести по губерниям специальные родословные книги. Законодательные основы составления и ведения губернской родословной книги собраны в объемном труде Г.Э. Блосфельдта¹⁰.

Наличие недвижимости не являлось главным условием записи в родословную книгу. Более существенной была необходимость доказательства дворянского происхождения. Законодательство империи предусматривало достаточно строгую систему подтверждения дворянского достоинства¹¹. Однофамилец знатной персоны не имел шансов выдать себя за родственника и быть приписанным к дворянству, не представив соответствующих доказательств о родстве.

Вопросами ведения родословной книги губернии занималось Дворянское депутатское собрание, функции которого сводились к тому, чтобы признать или не признавать того или иного просителя членом дворянского общества. Однако Дворянское депутатское собрание не могло даровать дворянства, полномочия были строго ограничены. Дворянское депутатское собрание могло только констатировать факты: действительной принадлежности просителя к потомственному дворянству, действительного владения в губернии просителем или его женой недвижимым имением, действительного избрания постоянного места жительства по отставке от службы в губернии¹². Таких чиновников депутатские собрания «беспрепятственно» могли сами вносить в родословную книгу губернии при наличии патентов на чины, приносящие дворянство, послужных списков, соответствующим начальством засвидетельствованных, указов об отставке. На своих детей просители должны были предоставить метрические свидетельства о законном их рождении, утвержденные Духовной консисторией¹³.

Главной задачей дворянских депутатских собраний было «приведение в известность» всех дворянских родов губернии. После этого, говорится в законе, вся обязанность их будет состоять единственно в том, «чтобы к поколению каждого рода присоединить вновь родившихся»¹⁴. Всякие злоупотребления при ведении дворянской родословной книги должны были пресекаться губернским предводителем дворянства, так как ответственность за это преимущественно падала на него. Т.Б. Калабин считает, что начиная с XIX в. случаи самозванства были практически невозможны¹⁵. Скорее могло произойти обратное: из-за недостатка доказательства потомственный дворянин мог утратить дворянство. В фондах Саратовского губернского депутатского собрания имеются документы кирасира Якова Николаева, предки которого – князья Кижелдеевы – по неизвестным причинам оказались внесенными в подушный оклад, а сам Николаев в 15 лет был отдан в рекруты. После длительного и тщательного рассмотрения дела в 1806 г. депутатское собрание отправляет его на хранение в регистратуру не-

решенным. Кирасир Яков Николаев в дворянстве утвержден не был¹⁶. Механизм подтверждения дворянства был многоэтапным, требовал огромного количества времени, документов, к тому же для просителя все это стоило денег.

Почему же дворяне записывались в родословную книгу губернии? Дело в том, что в противном случае потомственные дворяне не имели права голоса в дворянском собрании, не попадали в сферу деятельности дворянских уездных опеков, не могли пользоваться сословными капиталами, дворянскими стипендиями и вакансиями в учебных заведениях. Подтверждение дворянского происхождения требовалось при определении в учебные заведения, на службу, производстве в чины, представлении к наградам или выслуге лет, вступлении в наследство и т.д. Таким образом, мотивация регистрации потомственных дворян в родословной книге была продиктована не столько престижем принадлежности к высшему сословию, сколько практическими потребностями реализации дворянами своих сословных прав¹⁷.

Судя по количеству записей, далеко не все дворяне имели желание быть внесенными в родословную книгу. Это могло быть связано с несколькими причинами: не все помещики проживали в своих владениях, редко навещали их и не имели потребности участвовать в делах местного корпоративного дворянского общества; кроме того, не все имели деньги.

В Саратовской губернии сведения для составления родословной книги начали собираться с 1787 г.¹⁸ Вначале уездные предводители дворянства подавали алфавитные списки дворян по уездам. Сведения собирались по установленной Жалованной грамотой форме и отражали семейное, имущественное и служебное положение дворян. Для составления родословной книги выбирались депутаты по одному от каждого уезда. В журнале протоколов заседаний дворянского депутатского собрания за 1789 г. имеются подтверждающие записи. Так, выражалось сомнение, что секунд-майор Василий Бекетов, заседающий в совместном суде Петровского уезда, выдвинутый депутатом «для сочинения родословной книги», сможет совмещать две должности¹⁹. Камышинский земский исправник сообщал, что дворян в его уезде не оказалось, депутата выбирать не из кого. От Камышинского и Царицынского уезда был избран один депутат – титулярный советник Петр Поляков²⁰.

Дворянские депутаты под руководством губернского предводителя рассматривали различные доказательства о причастности того или иного лица к дворянскому сословию и принимали решение, к какой части родословной книги отнести просителя. Однако спустя 11 лет, а именно 20 января 1798 г., губернский предводитель дворянства (им был надворный советник Богдан Ильич Огарев) доложил собранию, что с момента издания Жалованной грамоты за все трехлетия дворянских

выборов родословной книги нет и таковую надо составить «с крайней поспешностью»²¹. Поспешность могла быть вызвана составлением «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи», начатого по инициативе Павла I в 1797 г. Процесс создания Гербовника приобрел характер своеобразной ревизии личного состава дворянства. Герольдмейстерской конторой привлекались все имеющиеся источники по дворянскому родословию, в том числе и губернские родословные книги²². 26 августа 1797 г. губернское правление получило предписание Сената: «Для составления Общего российских родов Гербовника немедленно истребовать от губернских предводителей ... сведения о дворянских родах»²³. Вероятно, Б.И. Огарев оказался в затруднительном положении, потому что родословная книга губернии все еще не была составлена. Всякое присутственное место и архивы обязаны были «способствовать дворянам в отыскании доказательств дворянского достоинства»²⁴. Наконец, 30 апреля 1798 г. губернскому правлению была предъявлена «единственно составленная» дворянская родословная книга – первая в губернии. Документ отложился в фондах Государственного архива Саратовской области²⁵. Он содержит сведения о потомственном дворянстве с 1787 г. по 1796 г. Книга состоит из 48 листов и приложенной описи «исправленным писцом погрешностям». Все листы прошнурованы зеленой бархатной тесьмой, концы которой скреплены сургучной печатью с четким изображением герба Саратовского наместничества. Все записи сделаны рукой одного человека, вероятно, в одно время. Приписки и дополнения делались явно позднее. Они содержат сведения о том, когда состоялось постановление дворянского депутатского собрания о внесении рода в родословную книгу и решение Департамента герольдии о верности или неверности этого решения. Часто спустя десятилетия оказывалось, что решение собрания о внесении такого-то лица в такую-то часть родословной книги не утверждено «за неимением доказательств».

Книга состоит из 6 частей. Каждая часть скреплена подписями губернского предводителя дворянства Б.Огарева, дворянскими депутатами уездов Саратовского, Камышинского, Вольского, Хвалынского, Сердобского, Аткарского, Балашовского и Пензенского, а также дворянского секретаря надворного советника В. Анцова. В книге отсутствуют подписи Петровского, Царицынского и Кузнецкого депутатов. Всего в книгу занесено 106 фамилий, представляющих 85 родов или семей.

Большая часть дворян (29) попала в заветную шестую часть родословной книги, являясь представителями «древнейших родов». «Действительное» и «военное» дворянство, вписанное в первую и вторую части родословной книги, представлено одинаковым количеством фамилий (по 23), меньшую часть составляли «чиновные»

дворяне третьего разряда (18) и представители «иностранных родов» (12), вписанные в четвертую часть родословной книги. Только один дворянин – действительный тайный советник,

генерал-прокурор, князь Александр Алексеевич Вяземский – представлял титулованную знать. Его фамилия занесена в пятую часть первой родословной книги губернии (таблица).

Состав саратовского дворянства по разрядам (80-е гг. XVIII в. – 40-е гг. XIX в.)*

Разряды	1787–1796		1807–1810		1831–1834		1843–1846	
	фамилии	%	фамилии	%	фамилии	%	фамилии	%
I	23	21,7	7	25	19	19,3	5	3,9
II	23	21,7	6	21,4	29	29,5	44	32,1
III	18	17	5	17,8	29	29,5	65	47,4
IV	12	11,4	2	7,1	1	1	--	
V	1	0,9	1	3,5	1	1	3	2,1
VI	29	27,3	7	25	19	19,3	20	14,5
ВСЕГО	106	100%	28	100%	98	100%	127	100%

* Сост. по: ГАСО. Ф.19. Оп.1. Д. 11, 605, 941, 1301.

В 1797 г. ведение родословной книги было, вероятно, приостановлено. Это могло быть связано с указами от 4 декабря 1796 г. и 23 марта 1797 г., запрещавшими дворянским депутатским собраниям «самим собою вводить в дворянское достоинство и выдавать на оное грамоты без высочайшего утверждения»²⁶. В книге выдаваемых грамот на дворянское достоинство за 1789–1797 гг. оказались зафиксированы 100 фамилий дворян, причисленных к той или иной части родословной книги губернии и получивших грамоты на дворянство²⁷. Дела с дворянскими доказательствами теперь следовало отправлять в Герольдию на утверждение. Таким образом, губернское дворянство лишалось права самостоятельно решать вопрос о внесении дворян в родословную книгу. Видимо, в конце XVIII в. ошибки допускались. Депутатские собрания в губерниях восприняли эти указы как полное запрещение своей деятельности и, вероятно, прекратили работу. Саратовский губернский предводитель дворянства (им был уже надворный советник Петр Сергеевич Шевырев) в 1799 г. получил разъяснение о том, что «не только установленное законом дворянское собрание и избираемые для составления и продолжения дворянской родословной книги депутаты должны существовать, но и все вообще, ... для сего предмета определенные, не могут быть удалены от сих должностей»²⁸.

После двухлетнего перерыва следующий том дворянской родословной книги Саратовской губернии охватывал период с 1799 по 1804 г.²⁹ В книгу внесены 32 записи. В шестой части значится титулярный советник Афанасий Кайсаров с сыновьями Алексеем, Александром и Федором. Доказательства дворянства и сама служба предков Кайсаровых рассмотрены Владимирским дворянским депутатским собранием. Род Кайсаровых внесен также в шестую часть родословной книги Владимирской губернии.

Формуляр родословной книги претерпевал изменения. Вначале он включал все элементы,

установленные Жалованной грамотой дворянству: имя, отчество и фамилию дворянина, его возраст, семейное положение, имя и отчество его жены, ее фамилию до замужества; имена и возраст детей; число крепостных крестьян, отдельно мужчин и женщин, наследственных, купленных или полученных в приданное; число находящихся во владении сел и деревень; место проживания, чин, место службы³⁰.

По указу от 25 августа 1800 г. формуляр дворянской родословной книги несколько изменился, что отразилось на содержании сведений. Появилась графа, в которую вписывались все вновь рождаемые сыновья, «с показаниями их имен» и отводилось место для герба дворянского рода с его описанием³¹. В связи с изменением формы записей в различных томах родословной книги Саратовской губернии XIX в. появляется информация о дворянских гербах с их описаниями и поколенными росписями фамилий. Так, в томе с информацией за 1811–1813 гг. содержится описание герба рода Колокольцовых³² (в это время генерал-майор Григорий Аполлонович Колокольцов являлся губернским предводителем дворянства). Титулярный советник Александр Артамонович Шахматов предоставил герб и поколенную роспись рода, начиная с прадеда Тихона Федоровича Шахматова³³. Информация записывается строго по трехлетиям, не повторяя, но дополняя собранную ранее.

За период с 1787 по 1861 г. в фондах ГАСО сохранился 21 том дворянской книги без учета дублированных экземпляров. Эти документы представляют большой интерес, так как позволяют современным исследователям выяснить многие частные вопросы по истории конкретных дворянских родов Саратовской губернии.

Составитель «Родословной книги дворянства Московской губернии» Л.М. Савелов для удобства и целесообразности разделил весь состав дворянских родов на две основные категории: дворянство «новейшее» – жалованное (первого разряда) и

выслуженное (второго и третьего разряда) и дворянство «старшее», представлявшее четвертую, пятую и шестую части родословной книги³⁴. Используем и мы эту методику (см. таблицу).

Состав саратовского дворянства в конце XVIII в. выглядит следующим образом: 60,4% потомственных дворян губернии, занесенных в родословную книгу 1787–1796 гг., получили дворянство путем выслуги или пожалования и относились к так называемому «новейшему» дворянству, записанному в первую, вторую и третью части родословной книги, 39,6% являлись «родовыми или столбовыми» дворянами или представителями «старшего» дворянства (они были записаны в четвертую, пятую и шестую части родословной книги). В течение периода картина меняется. В 1807–1810 гг. соотношение «новейшего» и «старшего» дворянства составляло 64,4 и 35,6%, в 1831–1834 гг. – 78,7 и 21,3%, в 1843–1846 гг. – 82 и 18%. В более поздний период книга велась небрежно, записи делались нерегулярно, что привело к скудости содержания и свидетельствовало о снижении значения родословной книги губернии.

Анализ данных таблицы показывает также, что в начале XIX в. количество «действительного» и «древнейшего» дворянства было самым большим и его доля составляла 50%. Постепенно увеличивается количество «военного» и «чиновного» дворянства, причем, если в первом десятилетии XIX в. преобладало военное (21,4%, против 17,8%), то к концу 40-х гг. «чиновное» дворянство значительно превосходит все остальные разряды и становится доминирующим (47,4%). Интересно отметить, что подобная ситуация складывалась и в одной из центральных губерний России – Ярославской. По сведениям О.В. Сизовой, в первой трети XIX в. в Ярославской губернии преобладающим являлось «древнейшее» и «действительное» дворянство, к середине XIX в. – «военное» и «чиновное». Представители иностранных родов и титулованной знати здесь составляли незначительный процент (3,5% в первой трети XIX в.)³⁵. Четвертая и пятая части родословной книги Саратовской губернии на протяжении всего периода также минимальны. Но обращает на себя внимание тот факт, что в конце XVIII в. в окраинной Саратовской губернии дворяне – представители иностранных родов составляли относительно большой процент (11,4%).

Таким образом, количественное преобладание «новейшего» дворянства в конце XVIII в. (60,4%), к середине XIX в. становится ещё более явным (83,4%). Количество «старшего» дворянства, составлявшего в конце XVIII в. меньшую часть общества (39,6%), к середине XIX в. сокращается до 16,6%. «Выслужившиеся» дворяне составляли большинство губернского дворянского общества, что может свидетельствовать о так называемом «расширенном воспроизводстве» дворян в результате государственной службы.

В период правления Николая I дворянству предписывалось оставаться занесенными в родословные книги только одной губернии. Как правило, дворяне выбирали Московскую или одну из центральных губерний, предпочитая их отдаленной Саратовской. Судя по архивным данным, к середине XIX в. происходит отток знати, имевшей владения в нескольких губерниях. По числу внесенных в родословную книгу дворян нельзя судить об общем количестве представителей этого сословия в губернии. Однако данные родословной книги позволяют делать выводы о составе губернского дворянского общества в целом.

Примечания

- 1 См.: *Елпатьевский А.В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII – начала XX в.) // *Источниковедение Отечественной истории: Сб. статей.* М., 1986.
- 2 См.: *Быкова Л.А.* Источники дворянских родословных книг Тверской губернии 1785–1917 годов // *Преподавание и изучение историографии и источниковедения Отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения: Сб. науч. тр.* Тверь, 1992; *Быкова Л.А.* Дворянская родословная книга Тверской губернии 1787–1797 гг.: Источники. История составления // *Генеалогические исследования: Сб. науч. тр.* М., 1994.
- 3 См.: *Шепелев Л.Е.* Особенности образования новых служилых дворянских родов в XVIII – начале XX в. // *Генеалогические исследования: Сб. науч. тр.* М., 1994.
- 4 См.: *Калабин Т.Б.* Система подтверждения дворянства и лишения дворянского достоинства в России в XVIII – XIX вв. и родословные книги // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность.* СПб., 1997.
- 5 См.: *Двоеносова Г.А.* Дворянская родословная книга Казанской губернии в 1785–1917 гг.: Региональные аспекты изучения массового источника: Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2000.
- 6 См.: *Савицкий И. В.* Ведение Дворянской родословной книги в Олонекской губернии, 1791–1841 гг. Петрозаводск, 2000.
- 7 ПСЗ-I. Т. 22. № 16187.
- 8 См.: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 10.
- 9 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1437. Л. 66.
- 10 См.: *Блосфельдт Г.Э.* Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1904.
- 11 ПСЗ-I. Т. 22. № 16187.
- 12 ГАСО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 17. Л. 5.
- 13 ПСЗ-II. Т. 9. Отд. 1. № 7007.
- 14 Там же.
- 15 См.: *Калабин Т.Б.* Указ. соч. С. 24.
- 16 ГАСО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 30. Л. 151–168.
- 17 *Двоеносова Г.А.* Указ. соч. С. 7.
- 18 ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1016. Л. 19 об.

- ¹⁹ ГАСО. Д.28. Л. 13.
- ²⁰ Там же. Л. 48.
- ²¹ Там же. Оп. 2. Д. 88. Л. 15 об.
- ²² См.: *Хоруженко О.И.* К истории создания «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи» // Генеалогические исследования: Сб. науч. тр. М., 1994. С. 223.
- ²³ ГАСО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 88. Л. 271 об.
- ²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1016. Л. 272 об.
- ²⁵ Там же. Д. 1301.
- ²⁶ ПСЗ-І. Т. 24. № 17608.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 28. Л. 426–433.
- ²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 91.
- ²⁹ ГАСО. Оп. 1. Д. 100.
- ³⁰ ПСЗ-І. Т. 22. № 16187. См. также: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1301.
- ³¹ ПСЗ-І. Т. 26. № 19531. См. также: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 11, 276, 332, 380 а, 436 и др.
- ³² Там же. Д. 227.
- ³³ Там же. Д. 100. Л.45 об.
- ³⁴ Родословная книга дворянства Московской губернии: В 2 т. М., 1914. Т. 1. С. VI.
- ³⁵ См.: *Сизова О.В.* Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. С. 18.

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 9(55) «19»

ЗА ШИРМОЙ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.В. Баранов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени и международных отношений.
E-mail: baranovav@mail.ru

Статья посвящена анализу внутриполитической и внутриэкономической ситуации в современном Иране перед президентскими выборами 2005 г. Исследуются причины и предпосылки победы на выборах, приход к власти политика-радикала Махмуда Ахмадинежада, а также причины поражения сторонников либерального президента Мухаммеда Хатами.

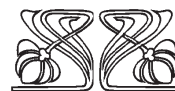
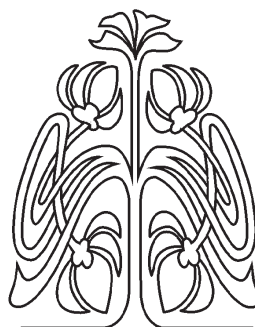
Behind the Screen of the Islamic Revolution

A.V. Baranov

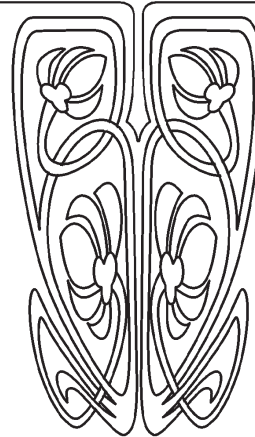
This article is dedicated of the analyses of internal political and economic situation in contemporary Iran before the President's election of 2005 year. Author is concentrating on the causes and preconditions for the victory on the elections of radical politician Mahmud Ahmadinejad. Article also represents a research on the causes of defeat of supporters of the liberal President Mohammed Hatami.

В западной, особенно американской, прессе активно формируется резко негативный имидж Ирана и его жителей. В статьях встречаются крайне нелицеприятные характеристики, вплоть до обвинений в дикости, безумстве, сумасшествии и фанатизме¹. В связи с этим возникают вполне закономерные вопросы: с какой целью всё это делается? Зачем изображать иранскую сторону в качестве скопища «безумных мулл», которые, не задумываясь, пойдут на применение ядерной бомбы против Израиля и американских военных баз на Ближнем Востоке? зачем изображать иранцев как людей, лишенных рассудка и здравого смысла? почему иностранные наблюдатели не могут увидеть в иранцах простых живых людей, со своими радостями и горестями? Спираль раскручивающихся событий дает понять, что в этом заинтересованы, в первую очередь, Соединенные Штаты. Им выгодно поддерживать «высокий градус» напряженности в регионе, оправдывая своё пребывание в Персидском заливе и Ираке в роли посредника и арбитра.

Самый простой в данном случае выход – создать некий универсальный «образ», или «образы», которые должны доходчиво объяснить западному обывателю причины, заставляющие США активно вмешиваться в дела региона Большого Ближнего Востока. На то, что на Западе привыкли мыслить стереотипами, обращают внимание и сами европейцы. Так, германская журналистка Шарлотта Виндемманн приходит к выводу, с которым сложно поспорить: «Во многих публикациях исламские страны представляют заселенными отнюдь не реальными, живыми людьми из плоти и крови, а прототипами: лукавый мулла, угнетенная женщина, террорист, светский диссидент. Эти персонажи легко узнаваемы, число действующих лиц легко обозримо, и каждая новая серия этого сериала оставляет всякий раз смутное ощущение: где-то мы это уже видели»². Действительно, этот небогатый ряд персонажей призван убедить западного обывателя, что исламский мир состоит из угнетенных женщин, ждущих своего освобождения от патриархальных пут, террористов, мешающих жить всему свободному миру, мулл, которые освящают неравноправные отношения мужчины и женщины, а также идеологически оправдывают действия террористов. И лишь

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

светский диссидент, которого необходимо всячески поддерживать – и морально и материально, стремится к истинной свободе и демократии.

Однако если присмотреться к тому, чем и как живет иранское общество, многое станет понятным. Так, к стати, произошло с непредсказуемой победой на президентских выборах 2005 г. кандидата, которого никто из экспертов даже не включал в вероятную «тройку» претендентов. Попытаемся разобраться, в чем же причина столь необычного успеха шестого президента Исламской Республики Иран Махмуда Ахмадинежада.

С именем предшественника Ахмадинежада на посту президента Мохаммедом Хатами связывались определенные ожидания как внутри страны, так и в мире, в первую очередь, на Западе. В нем видели политического деятеля, который должен был открыть миру свою страну, пребывающую в состоянии внешнеполитической изоляции и международных санкций. Ошеломляющий успех на президентских выборах 1997 и 2001 гг., когда он получил 70 и 60% голосов избирателей, позволял сделать вывод о преобладании его сторонников и популярности его взглядов.

В начале его президентства из-за доминирования в меджлисе консерваторов реформы шли медленно и с трудом. Но и здесь правительству Хатами удалось многого добиться в области расширения политических свобод и гражданских прав. В частности, обеспечить свободу прессы, когда в стране стало издаваться около тысячи газет и журналов³, отражающих весьма широкий спектр взглядов, нередко выступавших с резкой критикой как реформаторов, так и консерваторов. Другой заслугой Хатами была попытка вовлечения в политическую жизнь широких масс простых иранцев, а не акцентирование исключительно на духовенстве. По инициативе Ассоциации борющегося духовенства («Маджма»), к которой принадлежит М. Хатами, был образован «Фронт 2 хордада», куда вошли 18 политических организаций. Ведущая роль принадлежала «Исламскому иранскому фронту соучастия» («Мошарекят») во главе с братом М. Хатами – Мухаммедом Резой Хатами, «Организации моджахедов исламской революции», возглавляемой Бехзадом Набави, а также «Партии труда», созданной на базе группировки студентов – последователей линии имама Хомейни, во главе с Абольказемом Сархидизаде.

Опираясь на поддержку «Фронта 2 хордада», сторонники М. Хатами смогли одержать полную и уверенную победу на выборах в меджлис в феврале – мае 2000 г., где они получили около 70% мест⁴. Накануне выборов «Фронт» опубликовал свою предвыборную программу, которая и привела его к победе. Программа была озаглавлена «Иран для всех иранцев» и включала следующие положения: построение гражданского общества, власть закона, расширение демократических прав, включая свободу печати⁵. Как показали итоговые результаты, наиболее убедительную по-

беду реформаторы одержали в крупных городах страны. Так, например, в столице из 30 мандатов они получили 29, а 30-й достался уже бывшему президенту Али Акбару Хахеми-Рафсанджани, баллотировавшемуся в качестве независимого кандидата, в Исфахане – все 5, в Мешхеде – также все 5, в Ширазе – 3 из 4 мандатов, в Бендер-Аббасе – 2 мандата из 3⁶.

Столь убедительные результаты позволили многим политическим аналитикам делать далеко идущие выводы. «Внушительная победа реформаторов на выборах, – заявил известный иранский публицист Яхья Азими, – это своего рода протест против традиционалистов, которые монополизируют власть»⁷. Н.Мамедова, проанализировав реакцию в мире, пришла к выводу: «Результаты выборов многие эксперты, особенно на Западе, расценили почти как крушение исламской государственности. По использованию предвыборных технологий она напоминала кампании, проводимые в большинстве стран мира, были задействованы все средства массовой пропаганды, особенно печать и телевидение, представлявшей интересы различных общественных групп»⁸.

Выборы в меджлис 2000 г. привели к установлению контроля за этим законодательным органом власти сторонников президента М. Хатами. С этого времени реформаторы получили возможность проводить те мероприятия, которые ими были заявлены в предвыборной кампании. Специфика организации политической системы Исламской Республики Иран заключается в том, что наряду с избираемыми органами власти (президент, меджлис) существуют не менее властные не избираемые институты. В их числе и пост лидера исламской революции («Рахбар»), и Наблюдательный совет. Несмотря на то, что все эти должности назначаемы, причем должность «рахбара» – пожизненна, и большинство в этих органах принадлежит мусульманскому духовенству, считающимся оплотом консерватизма, результаты голосования заставили и духовенство признать необходимость перемен.

Бегло взглянув на инициативы, с которыми выступил М. Хатами, мы увидим, что они затрагивают практически все стороны жизнедеятельности простых иранцев – от внешнеполитических до внутриэкономических инициатив. В связи с тем, что реформаторы считали главной задачей для себя раскрепощение и освобождение отдельной личности, наделяя ее гражданскими свободами и правами, М. Хатами выступил и с революционной для страны идеей «открытия себя миру» и выхода из положения самоизоляции. Речь в данном случае идет о концепции «диалога цивилизаций и культуры».

«Диалог цивилизаций означает равенство народов и государств», утверждает М. Хатами. «Иными словами, диалог возможен только тогда, когда каждый из его участников уважает другого и относится к нему как к равному»⁹. В другом месте,

характеризуя современную международную обстановку, он пишет, продолжая свои рассуждения: «Международные отношения в настоящее время находятся в процессе перехода от прежней биполярной системы к новому этапу истории. На наш взгляд, сейчас в мире формируется новый мировой порядок, основанный на плюрализме, и в этом мире, если будет угодно Богу, ни одна держава не сможет обладать монопольным влиянием»¹⁰. Исходя из этих посылок, М. Хатами на международной арене выступил с инициативой начать открытые переговоры международного сообщества со своей страной. Впервые в истории Исламской Республики ее Президент не раз посещал ведущие государства Запада с официальными визитами. Апогеем внешнеполитической деятельности может служить факт посещения М. Хатами Соединенных Штатов Америки. Правда, речь шла не об официальном визите в США, дипломатических отношений между странами нет, а о посещении заседания Генеральной Ассамблеи ООН, где 2001 г. был объявлен Годом диалога цивилизаций. Но и это расценивалось как прорыв.

Однако, как показали дальнейшие события, Запад холодно отреагировал на инициативы Ирана. После трагедии 11 сентября 2001 г., США ни о каком диалоге и не помышляли, объявив «крестовый поход» против мирового терроризма. А в следующем – 2002 г. – в обращении вошла знаменитая фраза Джорджа Буша-младшего об «оси Зла», произнесенная им в ежегодном обращении к Конгрессу США, куда попали главные «спонсоры мирового терроризма» – Ирак, КНДР и Исламская Республика Иран¹¹, в отношении которых существуют подозрения в разработке оружия массового поражения. К тому же, в ноябре 2003 г. был опубликован 29-страничный доклад МАГАТЭ, в котором утверждалось, что свидетельств тайных разработок Ираном атомной бомбы найдено не было. Выводы доклада были поставлены под сомнение американской администрацией, которая заявила, что располагает данными о тайных разработках по обогащению урана и плутония, ведущихся уже на протяжении 18 лет¹².

Твердая уверенность американской администрации в наличии у Ирана тайных разработок привела к началу переговорного процесса представителей международного сообщества в лице «европейской тройки» (Великобритании, Германии, Франции), МАГАТЭ и Исламской Республики. Как заявил в июле 2004 г. старший заместитель госсекретаря США Джон Болтон, в течение ближайших трех лет Иран будет способен производить ядерное оружие, а через год – обогащать уран для производства ядерной бомбы¹³. Под нажимом «евротройки» правительство М. Хатами пошло на объявление моратория на любые исследования в ядерной сфере под контролем наблюдателей МАГАТЭ.

На протяжении следующих месяцев шли постоянные консультации между сторонами по

переговорному процессу, но, по признанию наблюдателей, они зашли в тупик. Это привело к ужесточению позиции «евротройки» и стоявшей за ними США, когда на майской встрече 2005 г. в Женеве иранской стороне дали понять, что если она не предоставит твердые доказательства своей решимости положить конец любым попыткам самостоятельно производить ядерное оружие, так называемое «иранское досье» будет передано на рассмотрение в СБ ООН. А Джордж Буш заявил, что в противном случае не исключает нанесения ракетных ударов по территории Исламской Республики.

Столь жесткое давление европейской стороны, за которой ясно просматривалась поддержка США, вызвало однозначную оценку внутри иранского парламента. Депутаты меджлиса направили на имя президента М. Хатами 1 июня послание, в котором потребовали от правительства в кратчайшие сроки возобновить деятельность по обогащению урана. Причем под посланием подписались большинство депутатов – 175 из 290. «Отсутствие результата на переговорах между Ираном и ЕС по иранской ядерной программе очевидно, – констатировали в послании депутаты меджлиса – Оно вызвано давлением со стороны США на европейских переговорщиков, которые не проявляют гибкости и уступчивости. Иран должен немедленно возобновить обогащение урана, не дожидаясь, пока американские власти подвергнут ревизии Договор о нераспространении ядерного оружия и лишат Исламскую Республику и другие государства гарантированного этим документом права доступа к мирным ядерным технологиям»¹⁴. Это негативным образом повлияло на популярность М. Хатами и его сторонников из лагеря реформистов.

Касаясь внутриэкономических инициатив и подводя итоги деятельности своего правительства к 2005 г., М. Хатами заявил: «Третий пятилетний план (2000–2005 гг.) в последние годы смог подвести Иран к точке начала экономического скачка и зародить лучи надежды на всестороннее развитие страны»¹⁵. По словам президента, в ходе реализации плана упор делался на рост уровня производства, инвестиций, повышение занятости, уровня образования и социального обеспечения, а также создания устойчивой, законной и стабильной среды для экономической, социальной, научной и культурной деятельности.

Однако, несмотря на оптимистичные заявления президента и членов правительства, деятельность властей вызвала волну критики со стороны экспертов и оппозиции. Причем со многими фактами было согласно и правительство.

Заявленный курс на либерализацию экономики страны и привлечение иностранных инвестиций в созданные для этих целей специальные экономические зоны (СЭЗ), как заявляют эксперты, не дали ожидаемых результатов. По данным, приводимым газетой *Hayate Nou*, Иран

за десятилетие (1993–2003 гг.) смог привлечь иностранных инвестиций на сумму в 4567,8 млн долл. США. Причем только за два последних года указанного десятилетия – 2393,9 млн долл. Несмотря на ощутимый рост инвестиций, приходящийся на период правления реформаторов, в газете говорится, что «возможности страны намного больше. Иранская экономика может поглощать ежегодно, по меньшей мере, по пять миллиардов долларов США»¹⁶.

Основным местом вложений инвестиций, по мнению властей, должны были стать СЭЗы, которые начали учреждаться с 1993 г. Но, по мнению той же *Hayate Nou*, правительство мало что сделало для свободной деятельности этих зон. Практически предлагалось вкладывать деньги в проекты, не обеспеченные соответствующей инфраструктурой. Поэтому в три основные СЭЗ – Киш, Кешм и Чахбар, за 1993–2001 гг. было привлечено только 1,3 млрд долл. США. В июле 2005 г. были озвучены данные секретариата Высшего совета свободных торгово-экономических зон ИРИ, согласно которым иностранные инвестиции за 2001–2005 гг. в развитие вышеназванных СЭЗ составили только 1,8 млрд долл. США, тогда как внутренние иранские инвестиции составили 25356 млрд риалов или 2,819 млрд долл. США. Причем львиная доля инвестиций соответственно 1,14 млрд долл. США и 21,89 млрд риалов, пришлось на СЭЗ «Киш»¹⁷. По мнению экспертов, это говорит о том, что не внешние, а внутренние капиталовложения стали основным рычагом развития экономики свободных зон.

По мнению другой иранской газеты *Iran Daily*, Иран смог бы обойтись и тем капиталом, которым владеют иранцы, живущие за границей. По данным газеты, большая часть проживающих за границей 3 млн иранцев приходится на четыре страны: США, ОАЭ, Германия и Великобритания, в совокупном владении которых находятся капиталы, оцениваемые в 600–800 млрд долл. США. Причем только в США проживают половина всех иранских эмигрантов, владеющих имуществом и капиталами на 400 млрд долл. США и являющихся собственниками 280 крупных компаний и совладельцами 400 американских фирм, входящих в список тысячи крупнейших американских корпораций¹⁸. Необходимо просто заинтересовать их выгодными проектами для капиталовложений под определенные гарантии, а также можно было бы задействовать иранскую диаспору за границей для привлечения иностранных инвесторов. Но власти мало что делают для этого.

В отношении роста производительности экономики, по заявлениям правительства, ежегодный прирост ВВП Исламской Республики в среднем составлял около 6,3%. Но политику, направленную на диверсификацию экономики, попытку уйти от зависимости от экспорта нефти и развивать реальный сектор экономики, не удалось реализовать в полной мере. Несмотря на резкий

скачок цен на нефть, Иран не смог удержать темпы экономического роста. По заявлению председателя Центрального банка ИРИ Эбрахима Шейбани, темпы экономического роста в 2004 г. снизились до 4,8%¹⁹.

На фоне замедленных темпов экономического роста лишь нефте- и газодобывающие отрасли показывали стабильное увеличение добычи. По словам министра нефти ИРИ Биждана Зангане, Иран смог за 4 месяца 2005 г. довести добычу нефти с 3,85 млн барр. до 4,2 млн барр. нефти в сутки. Впервые за всю историю Исламской Республики доходы от продажи нефти в 2005–2006 гг. составили около 40 млрд долл. США, тогда как стоимость добытой нефти в Иране составила более 70 млрд долл., или 50% ВВП²⁰. К тому же необходимо добавить, что основная экспортная статья внешней торговли Исламской Республики стабильно сохраняется за сырой нефтью, чья доля в общем экспорте составляет около 80%²¹.

Наряду с нефтедобычей параллельно наблюдается рост стоимости продукции нефтехимической промышленности, который составил около 50% в 2004–2005 гг. (соответственно, с 3,3 млрд до 5 млрд долл. США)²².

Правительству реформаторов так и не удалось преодолеть диспропорцию в распределении рабочей силы. В аграрном секторе сосредоточено больше рабочих рук, чем в промышленности – соответственно 30 и 25% трудоспособного населения Ирана. Несмотря на это, Исламская Республика является импортером сельскохозяйственной продукции. По заявлению заместителя сельскохозяйственного джихада ИРИ по вопросам животноводства Казема Табатабаи, сделанному в мае 2005 г., страна в последние годы импортирует по 30 тыс. т мяса, около 25 тыс. т мяса битой птицы²³. Руководитель проекта увеличения производства пшеницы Министерства сельскохозяйственного джихада ИРИ Мохаммед-Реза Эскандери сообщил, что в 2005 г. урожай пшеницы в стране составит более 15 млн т, и этого количества достаточно, чтобы удовлетворить потребности страны и прекратить импорт пшеницы из-за границы. Наоборот, по заверениям Эскандери, в 2007 г. Иран войдет в число экспортеров пшеницы и сможет уже сам экспортировать до 600 тыс. т пшеницы²⁴. Но он обратил внимание и на низкую механизацию сельского хозяйства, до сих пор более 10% урожая пшеницы в стране приходится собирать вручную, что недопустимо в современную эпоху.

Подводить итоги работы правительства М. Хагами за восемь лет нахождения последнего на посту президента страны стало «хорошим тоном» на фоне предвыборной гонки 2005 г. Так, пресс-секретарь сельскохозяйственной комиссии меджлиса Аббас Раджаи посвятил целую встречу с журналистами, на которой подробно осветил все положительные и отрицательные стороны преобразований²⁵.

В числе положительных итогов он отметил принятие закона о привлечении и защите иностранных инвестиций и установление единого курса национальной валюты, низкий уровень инфляции. В то же время курс национальной валюты значительно упал по отношению к доллару и другим мировым валютам.

В числе отрицательных итогов он отметил приватизацию. Предполагалось, что сокращение государственного сектора и соответственно государственных расходов и дотаций освободит дополнительные средства для вложения в экономику и социальную сферу, привлечет частные инвестиции, а также значительно повысит эффективность работы бывших государственных предприятий. Однако приватизация, проводившаяся в Иране по своим принципам и закону, привела, прежде всего, к расслоению общества, росту безработицы и тарифов. Кроме того, большинство государственных предприятий только формально стали частными, так как перешли в руки Страхового и Пенсионного фондов. В результате никакого экономического скачка в Иране не произошло.

К тому же, правительство М. Хатами не выполнило своих обещаний о создании миллионов новых рабочих мест, несмотря на то, что «новые реформаторы много говорят о социальной справедливости, социальных гарантиях, справедливо ориентированной экономике»²⁶. Конечно, многие просчеты правительства реформаторов можно списать на кризисное состояние, в котором оказалась иранская экономика после падения мировых цен на нефть в 1998–1999 г. и влиянием азиатского кризиса. Это, в свою очередь, вызвало резкое падение курса риала по отношению к американскому доллару – с 1764 риалов за доллар в 2000 г. до 8614 риалов в 2004 г., инфляции – в среднем в 15% в год и бюджетному дефициту. Так, в 2004 г. доходы составили 43,3 млрд долл. США, а расходы – 47,1 млрд долл. США²⁷.

В результате у правительства просто не хватило денег для достаточного финансирования нефтяной, нефтехимической, металлургической и горнодобывающей промышленности, а также сельского хозяйства. Наиболее показательно в данном случае огромные валютные траты на импорт бензина в страну, обладающую вторыми по объемам запасами нефти в мире! Это привело к росту контрабанды в Иран и отвлекло средства на создание обещанных правительством необходимых рабочих мест.

Проблема трудоустройства является для Исламской Республики, пожалуй, наиважнейшей, так как это преимущественно молодая страна, где средний возраст составляет 24 года. Около 60% населения моложе 30 лет²⁸, то есть они родились уже после Исламской революции 1979 г.

По заверениям официальных властей, уровень безработицы в стране сокращается и в 2004 г. составил 10,3%, что на полтора пункта ниже аналогичного показателя зафиксированного годом ра-

нее²⁹, а за чертой бедности проживает только 16% населения. Однако с этими цифрами не согласны многие в Иране. Так, иранская газета *Ketabehaften* пишет: «По оценкам экспертов, в последние пять лет, от 30 до 50% населения страны жило ниже черты бедности». При этом «10% самых бедных иранцев получали только 3% всеобщего дохода страны, тогда как 10% самых богатых получают от 15 до 20% дохода страны»³⁰, а по данным ЦРУ США, за чертой бедности проживают 40% иранцев³¹.

Отличительной чертой безработицы в Иране является то, что это молодежь, и к тому же практически поголовная безработица среди женщин. На эту черту обратила внимание и начальник главного управления по делам женщин МВД ИРИ Фахр-ас-Сагат Мохташамипур в своем заявлении 3 октября 2005 г. на выездном заседании правительства в Ардебиле. Фахр-ас-Сагат Мохташамипур, заявив, что уровень безработицы среди женщин в два раза выше, чем среди мужчин, и составляет 20,18%. По официальным данным, в 1996 г. доля женщин среди работающего населения Ирана составляла немногим более 9%, а после осуществления различных социальных программ – менее 15%³². Она также отметила, что одной из причин массовой безработицы среди женщин является неправильная социальная и кадровая политика администрации на местах. В результате, женщинам предоставляются места в кустарной и текстильной промышленности, а в государственных учреждениях должности предоставляются, как правило, и традиционно, исключительно мужчинам, хотя среди женщин имеется достаточно специалистов с высшим образованием.

В связи с неспособностью властей в полной мере обеспечить занятость населения, особенно среди молодежи, в Иране проявляются тенденции, которые вызывают тревогу у общественности. Так, газета *Ketabehaften* пишет: «В сфере образования и обучения у нас самая лучшая образовательная система среди всех стран MENA (Ближний Восток – Северная Африка). Мы готовим специалистов и экспортируем их из Ирана. Мы одни из крупнейших экспортеров специалистов в мире. И такой статьей экспорта мы помогаем таким странам, как Канада, Америка и Австралия стать более развитыми, и если бы эти страны не использовали нашего интеллектуального потенциала, они бы тогда не демонстрировали таких темпов экономического роста»³³. В данном случае речь идет об «утечке мозгов» из страны, причем это наиболее компетентная и активная часть молодого поколения Исламской Республики.

В целом можно согласиться с выводом, сделанным известным американским актером Шоном Пэнном, который в июне 2005 г. находился в Иране в качестве специального корреспондента *The San Francisco Chronicle* и наблюдал за ходом президентских выборов: «В то время как режим М. Ха-

тами мало внимания уделял законодательству в отношении защиты социальных свобод, народ Ирана жил эти восемь лет под увеличивающимся чувством безразличия к поступкам и намерениям реформаторов»³⁴.

Вследствие непоследовательной политики властей иранцы ответили на инициативы реформаторов ростом апатии и индифферентности к проходящим в стране событиям. На это обращал внимание и один из главных претендентов на пост Президента ИРИ – Акбар Хахеми-Рафсанджани в своих выступлениях перед электоратом. «Причиной низкой явки иранских избирателей на избирательные участки может быть недовольство сложившейся ситуацией в стране, о которой народ имеет другое представление. Результаты проведенных опросов показывают, что недовольные обстановкой избиратели не желают участвовать в выборах»³⁵. При этом Рафсанджани вполне мог апеллировать к итогам явки на недавние муниципальные и парламентские выборы.

Действительно, на прошедших в 2003 г. муниципальных выборах в сельские и городские исламские советы кандидаты от реформаторов проиграли. Например, из 15 мест в Тегеранском исламском городском совете 14 заняли консерваторы³⁶. Произошло банальное: городское население просто проигнорировало выборы. По официальным данным, по стране явка составила 49,17%, что является самым низким показателем на выборах в местные органы власти.

Еще более угрожающе для реформаторов прозвучали итоги выборов в меджлис седьмого созыва, прошедшие в феврале 2004 г. Они проходили на фоне беспрецедентного противостояния между реформаторами и консерваторами. Газета *Iran News Daily*, отражающая позицию реформаторов, писала: «Предвыборная борьба низвергла Иран в глубочайший кризис за последние годы и вызвала международную озабоченность за будущее демократии в богатейшей нефтяной стране. Реформисты обвиняют Наблюдательный совет в попытке склонить выбор в пользу консервативных кандидатов, которые потеряли контроль над парламентом на выборах 2000 года»³⁷.

Недовольство реформаторов было вызвано тем, что контролирующий и проводящий отбор среди кандидатов, которые допускаются к участию в выборах, Наблюдательный совет из общего количества в 8144 претендента оставил только 4446 кандидатов. Из тех, кто не прошел отбор – а это около 2300 человек – большинство принадлежало к сторонникам реформаторов, а более тысячи кандидатов, уже прошедших отбор, сняли свои кандидатуры³⁸. Это вызвало бурю критики со стороны властей и сторонников президента М. Хатами. Так, министр внутренних дел Абдолвахид Мусави-Лари заявил, что отказ кандидатам в участии в выборах означает, что реформисты будут не в состоянии соперничать за все места в меджлисе, а максимум только за половину.

Наиболее радикально настроенные депутаты меджлиса составили и отправили на имя президента М. Хатами письмо, подписанное 125 реформистами, в котором заявили о досрочном снятии с себя полномочий депутатов в знак протеста против решения Наблюдательного совета³⁹. Заместитель председателя меджлиса Мохаммад-Реза Хатами, младший брат президента, сказал, что выборы должны быть отложены, так как: «Если протестующие депутаты примут участие в предстоящих выборах, они тем самым признают, что выборы будут свободными и законными. Теперь же надежда на то, что так и будет, почти исчезла»⁴⁰.

Из комментариев аналитиков и политологов выходило, что реформаторы, занимая столь жесткую позицию в противостоянии с оплотом консервативного духовенства, надеялись, в первую очередь, на поддержку своих сторонников среди простых иранцев. Но кроме сидячей забастовки самих членов меджлиса крупных акций протеста не наблюдалось. Возможно, это было из-за того, что на протяжении четырех лет депутаты-реформисты не раз грозили своей отставкой, но так и не осуществили своей угрозы. Видимо, и на этот раз общественность сочла, что дальше угрозы дело не пойдет.

В конечном итоге обе противостоящие стороны апеллировали к высшей инстанции в лице Верховного лидера Исламской революции аятолле Али Хаменеи, который в своем выступлении перед многотысячной аудиторией в Тегеране заявил: «Парламентские выборы должны будут состояться 20 февраля, как запланировано, без всяких отсрочек даже на один день». Он также предупредил тех, кто стремится своими акциями отложить проведение предстоящих выборов, протестуя за не прошедших отбора кандидатов от реформистов, что это «является противозаконным и запрещено исламом», и карается законом⁴¹.

Реформаторы оказались в сложной обстановке, когда они могли реально претендовать на избрание только 191 своего кандидата. В этой ситуации среди лидеров не оказалось единой точки зрения на то, что делать дальше. Так, лауреат Нобелевской премии мира Ширин Эбади призывала иранцев бойкотировать предстоящие выборы. Некоторые реформистские партии во главе с Иранской исламской партией соучастия заявляли, что они не будут голосовать, хотя и не призывали своих сторонников к бойкоту. Президент М. Хатами, наоборот, призвал сограждан исполнить свой долг – прийти на избирательные участки и, проголосовав, помешать консерваторам получить большинство мест в меджлисе.

Первые данные, полученные и опубликованные после 20 февраля, были жалкими для реформаторов. Они смогли получить только 40 мандатов. Независимые победили на 30 избирательных участках. В соответствии с законом о выборах, за религиозными меньшинствами

зарезервировано пять мест. Тогда как консерваторы смогли завоевать 149 мандатов уже в первом круге голосования. Причем в Тегеране, считавшимся оплотом реформистских сил, они смогли сразу получить 20 мандатов⁴². В оставшихся 55 участках ни один из кандидатов не смог набрать необходимых 25% голосов. Перевыборы на них состоялись 7 мая, и вновь итоги были крайне неутешительными для реформаторов. Они смогли получить дополнительно только 5 мест, а независимые – 7 мест. Остальные мандаты достались консерваторам, которые получили в меджлисе седьмого созыва подавляющее большинство в 203 мандата. Поражение реформистов было полным, если вспомнить, что в предыдущем меджлисе они имели 190 мест, а от Тегерана оказались избраны исключительно консерваторы, получившие все 30 мандатов⁴³.

Не сбылись надежды реформаторов и на то, что иранцы проигнорируют выборы, но и здесь, по официальным данным, явка составила 50,6%, что действительно оказалось самым низким показателем за всю историю парламентских выборов в Исламской Республике⁴⁴. Несмотря на это, к избирательным урнам пришли более половины избирателей, которые высказали свою точку зрения на происходящие в стране события.

Органы средств массовой информации, как иранские, так и мировые, сразу поспешили объявить о конце реформ в Иране и обвинили в подтасовках результатов итогов выборов местные власти. Ходили слухи, что консерваторы, контролирующие Исламский городской совет Тегерана, на средства государственного бюджета доставляли группы избирателей на избирательные участки⁴⁵. Причем это, как утверждают некоторые средства информации, имело место не только в Тегеране, но и в других крупных городах страны. За распространение неподтвержденных слухов были даже временно закрыты две реформистские газеты – *Yas-e-no* и *Sharh*.

Лидер сформированного альянса *Etelafe Abadgaran-e Iran-e Eslami* (Созидатели Исламского Ирана), куда вошли депутаты-консерваторы меджлиса седьмого созыва, Голам-Али Хаддад-Адель в своей первой пресс-конференции был вынужден оправдываться, что победители не намериваются никому мстить и не намерены прибегать к насилию против кого бы то ни было. Наоборот, они будут всячески стремиться к расширению и упрочению исламских социальных прав для всех иранцев, которые были потеряны при М. Хатами. Как выразился Хаддад-Адель: «Мы не хотим возвращаться назад, мы просто хотим исправить часы реформ, которые стоят и не идут ни назад, ни вперед»⁴⁶.

Победа консерваторов на выборах в меджлис привела к тому, что они теперь контролировали все избираемые институты власти, за исключением поста президента страны. Заголовки некоторых статей неправомерно характеризовали как

сенсационное событие победу консервативного кандидата на президентских выборах. Практически реформисты сделали все от них зависящее, чтобы проиграть эти выборы.

По общему признанию аналитиков, как местных, так и зарубежных, реформисты не смогли выдвинуть действительно сильного и популярного кандидата. Фигура «выдвиженца от студентов» – Мостофы Моина не давала реформаторам больших надежд на успешный исход выборов. Согласно опросу общественного мнения, проведенному 20–21 мая 2005 г. в Тегеране, М. Моин набирал всего 5% голосов, находясь на шестом месте. Тогда как бесспорным лидером являлся «умеренный консерватор» Али Акбар Хашеми-Рафсанджани с 36,2% голосов⁴⁷. Однако в соответствии с общегосударственным опросом, проведенным в двенадцати крупнейших городах страны 31 мая – 1 июня, М. Моин входил в лидирующую тройку, получив 10,2% голосов, пропустив вперед себя Хашеми-Рафсанджани с 27,8% голосов и другого консерватора М. Бакера Калибафа, набравшего 14% голосов респондентов⁴⁸.

В основу своей предвыборной кампании М. Моин положил лозунг продолжения реформ в духе прежнего курса. В качестве связующего звена он объявил о том, что в случае его избрания пост вице-президента займет младший брат нынешнего президента – Мухаммед-Реза Хатами, а спичрайтером станет известная в политических кругах Ирана Элайя Кулая – борец за права и эмансипацию женщин. Во внешней политике он высказался за поиск прямых контактов с Соединенными Штатами Америки, чтобы положить конец отчуждению между двумя странами, длящемуся уже более двадцати лет. «Несомненно, – заявил М. Моин на встрече с избирателями, – что самым большим вызовом нашей внешней политике являются Соединенные Штаты. На основе взаимных национальных интересов мы должны начать диалог без каких-либо посредников»⁴⁹.

В связи с тем, что М. Моин опирался на поддержку молодежи, Верховный лидер Исламской революции аятолла Хаменеи в своем выступлении 27 мая перед несколькими тысячами студентов – членов Организации народного ополчения (*Басидж*) дал свою трактовку основных черт будущего президента страны. Призывая граждан прийти на выборы, аятолла Хаменеи советовал голосовать за «антизападного президента», что одним из критериев отбора должно стать отношение к нему врагов, а именно США. «Сделайте выбор в пользу того, кто поддерживает революцию, религию, закон и не боится столкнуться с трудностями», – особо подчеркнул аятолла⁵⁰.

Исходя из этого уже не кажется столь сенсационным полный провал реформаторов на президентских выборах в июне 2005 г. И пятый результат М. Моина, набравшего 13,83% голосов избирателей, вполне логичен. Куда более важной является программа действий нового президента

Исламской Республики – Махмуда Ахмадинежада, который в действительности оказался «серой лошадкой» этих выборов, одолевший во втором круге общепризнанного тяжеловеса на политической арене Ирана – Али Акбара Хашеми-Рафсанджани.

Весть об избрании Ахмадинежада, которого сразу причислили к лагерю ультраисламистов и крайних консерваторов, судя по отзывам в мировой прессе, всколыхнула всю мировую общественность. По прошествии первого года пребывания на посту президента, мы можем уже подвести некоторые итоги его деятельности, их соответствие предвыборной кампании.

Так, в отношении внутренних дел можно говорить о продолжении социальных реформ в направлении предоставления больших гарантий со стороны государства малоимущим слоям населения и молодым семьям, благо возросшие доходы от нефти позволяют это делать. В данном случае речь может идти о специальной поддержке молодых семей, выделении им определенных сумм на первоначальное обустройство и покупку жилья.

В системе государственного управления Ахмадинежад – сторонник жестких мер. Борьба с коррупцией, nepotизмом и некомпетентностью – объявлены приоритетными направлениями. Ахмадинежад активно начал претворять лозунг «сближения власти с народом». В рамках этого проекта он совершил уже шестнадцать поездок по провинциям Ирана. Цель поездок – на месте ознакомиться с положением дел, а также поддержать мероприятия провинциальных властей, которым центр начал передавать часть своих полномочий.

Во внешней политике он сторонник последовательной защиты национальных интересов на международной арене, но в рамках существующих международных обязательств Ирана, что неоднократно заявлялось Ахмадинежадом как внутри страны, так и на международном уровне. Не исключая жестких заявлений и действий, думается, что Ахмадинежад не пойдет на разрыв отношений с Западом и на самоизоляцию своей страны в дальнейшем. «На сегодняшний день, – как заметил А.М.Вартанян, – с учетом всего комплекса обстоятельств вокруг иранского «досье», в течение прошлого года Тегеран лишь получал дополнительные очки в свою копилку. Ядерная проблематика содействовала резкому повышению статуса Тегерана в регионе и за его пределами, росту его влияния на соседние государства, укрепление внешнеполитических позиций»⁵¹.

Следует обратить внимание на то, как вел себя Иран в недавнем ливано-израильском конфликте. На протяжении развития кризисной ситуации вокруг Ливана, который не мог не затронуть Иран, в связи с наличием определенных отношений с организацией «Хезболлах», Тегерану удалось не поддаваться на провокации со стороны Израиля и США. И в этом не последнюю роль сыграл

Президент ИРИ М. Ахмадинежад, принявший умеренный подход в разрешении кризиса, хотя в Тегеране и существует не менее мощное движение сторонников радикальных взглядов. Что, кстати и показали пятничные проповеди 11 августа, призывавшие к решительной борьбе с Израилем и поддержкой «Хезболлах». Однако Тегеран еще раз доказал мировому сообществу свою способность проводить прагматичный курс во внешней политике. Возможно, мировое сообщество несколько иначе посмотрело на сегодняшний Иран и не стало нагнетать напряженность вокруг «ядерного досье» Тегерана после того, как 31 августа истек срок «ультиматума» СБ ООН, и сейчас вместо конфронтации вновь продолжаются переговоры.

Примечания

- 1 См. напр.: Гингрич Н. Третья мировая война уже началась («The Guardian») // <http://www.inosmi.ru/translation/228979.html> (Опублик. 27 июля 2006 г. на сайте ИноСМИ.Ru) Tsothe Bakuria. Unfinished Business // <http://www.washingtontimes.com/commentary/20060415-091640-5883r.html>
- 2 Видеманн Ш. Невежество, виной которому мы сами // Internationale Politik. 2005. №6. М., С. 119.
- 3 См.: Степанов А. У Ирана – особый путь // Россия и мусульманский мир: Бюл. реф.-аналит. информации. 2000. №7. С. 92.
- 4 Там же. С. 93.
- 5 См.: Шило Н. Иранская «перестройка» набирает обороты // Россия и мусульманский мир. 2000. №6. С. 103.
- 6 См.: Мамедова Н. Новый этап политической жизни Ирана // Россия и мусульманский мир. 2001. №4. С. 111.
- 7 Цит. по: Шило Н. Указ. соч. С. 103.
- 8 Мамедова Н. Указ. соч. С. 112–113.
- 9 Хатами М. Диалог цивилизаций и исламский мир // Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С. 5.
- 10 Хатами М. Исламский мир и современные задачи // Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. С. 42.
- 11 Baker P., Linzer D. U.S. Policy on 'Axis of Evil' Suffers Spate Of Setbacks // <http://www.inosmi.ru/translation/221587.html>
- 12 Iran made plutonium, atomic agency reports for 18 years, Tehran conducted secret research // URL: <http://sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?file=/c/a/2003/11/11/MNG4B2USCS1.DTL>
- 13 Богданов В. Смертельные миниатюры // <http://www.rg.ru/2004/08/27/iran/html>.
- 14 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30544
- 15 <http://www.irna.ir/ru/news/view/menu-291/0508021004154224.html>
- 16 Iran can lure \$5b. foreign investment annually // Hayate Nou, 2004. No. 487. Aug. 31th, (*). (*) – этим знаком здесь и далее отмечены ссылки на английские переводы

- материалов персоязычных публикаций, опубликованные в Интернете на сайте <http://www.netiran.com>.
- 17 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=32316
 - 18 Where the Iranian treasures? // Iran Daily. 2004. No. 2904, Sep. 6th. (*)
 - 19 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30404
 - 20 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=32114
 - 21 <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ir.html>
 - 22 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=32664
 - 23 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30459
 - 24 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30559
 - 25 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=32930
 - 26 Мамедова Н. Указ. соч. С. 116.
 - 27 <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ir.html>
 - 28 Ibid.
 - 29 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30404
 - 30 *Danesh Pour Safi*. Iran is the best exporter of intellectuals in the world // Ketabehaften. 2005. No 735. Jan. 12nd. (*)
 - 31 <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ir.html>
 - 32 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=34106
 - 33 *Danesh Pour Safi*. Op. cit.
 - 34 Sean Penn in Iran. Day five // <http://sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?file=/c/a/2005/08/26/DDG6SE9BDG25.DTL>
 - 35 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30649
 - 36 *Снегурев В.* Уран и Коран // www.ng.ru/2003/09/10/UraniKoran.html
 - 37 Lary: Government cannot hold Feb Election // *Iran News Daily*. 2004. No. 2067, Sunday, Feb. 1st. Архив англоязычной иранской газеты размещен на сайте в Интернете: <http://www.irannewsdaily.com/v2/home.asp?home=true>
 - 38 Fact and figures on Iranian election // *Iran News Daily*. 2004. No. 2620, Saturday, Feb. 21st.
 - 39 *MEHRDAD SERJOOIE*. Can Reformers Postpone the Elections? // *Iran News Daily*. 2004. No. 2608. Tuesday, Feb. 3.
 - 40 Lary: Government cannot hold Feb Election.
 - 41 Ayatollah Khamenei Rules Polls to Go Ahead on Time // *Iran News Daily*. 2004. No. 2610, Thursday, Feb. 5.
 - 42 Conservatives Sweep Reformers Out of Majlis // *Iran News Daily*. 2004. No. 2624, Wednesday, Feb. 25.
 - 43 http://en.wikipedia.org/wiki/Iranian_Majlis_election_of_2004
 - 44 Turnout in Majlis Election 50.6% // *Iran News Daily*. 2004. No. 2622. Monday, Feb. 23.
 - 45 http://en.wikipedia.org/wiki/Iranian_Majlis_election_of_2004
 - 46 Conservatives Sweep Reformers Out of Majlis.
 - 47 Rafsanjani leads in opinion poll: reports // http://www.khaleejtimes.com/Displayarticle.asp?section=middleeast&xfile=data/middleeast/2005/may/middleeast_may791.xml
 - 48 Hardliners seeking consensus nominee to defeat Rafsanjani // http://www.khaleejtimes.com/Displayarticle.asp?section=middleeast&xfile=data/middleeast/2005/june/middleeast_june245.xml
 - 49 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30556
 - 50 http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30440
 - 51 *Вартанян А. М.* Первый год президентского правления М. Ахмадинежада: внешнеполитические итоги // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/15-08-06c.html>

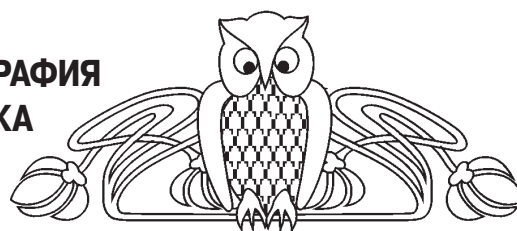
УДК 913.1(4–15) «04/16»

ПРОГРАММА КУРСА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ»

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории средних веков
E-mail: sar-sredvek@mail.ru

Предлагаемый вариант программы курса подготовлен профессором А.Н. Галямичевым на основе многолетнего опыта преподавания студентам исторического факультета СГУ, специализирующимся по кафедре истории средних веков. Программа составлена в соответствии с логикой построения курса. К программе прилагается список основных источников и литературы.

The Programme of the Course «Historical geography of Western Europe during the Middle Age»

A.N.Galyamichev

The author of this programme – professor A.N. Galyamichev. He give his lectures about a historical geography of the middle ages in Saratov University during a long time. This programme demonstrate a maintenance and a logic of construction of this course. The programme include a list of origins and literatures.

Курс исторической географии занимает важное место в структуре дисциплин специализации по кафедре истории средних веков СГУ. Он, как правило, преподаётся в качестве вспомогательной исторической дисциплины в рамках 4-го семестра обучения. Постановка курса определяется исключительной значимостью знания особенностей географии изучаемого историком региона в интересующий его период, которое позволяет, с одной стороны, правильно интерпретировать свидетельства письменных источников, а с другой – выявить те явления и процессы, которые повлияли на ход исторического развития, но не нашли отражения в письменных памятниках. Это особенно важно для изучения истории средних веков – той эпохи, когда географический фактор оказывал на ход исторического развития гораздо большее воздействие, нежели в последующие времена.

Необходимость подготовки авторской программы связана с тем, что имеющееся в распоряжении университетского преподавателя учебное пособие В.В. Самаркина предлагает не самую удачную, на наш взгляд, структуру изложения материала, кроме того, оставляя за рамками рассмотрения ряд важных аспектов, прежде всего – процессы формирования современной карты Западной Европы и те следы Средневековья, которые она продолжает в себе хранить сегодня.

Введение

Предмет исторической географии и её место в системе специальных (вспомогательных) исторических дисциплин. Основные этапы развития исторической географии как научной дисциплины. Пространственные и хронологические рамки курса.

1. Особенности физической географии Западной Европы в Средние века и Раннее Новое время. Значение физико-географического фактора в историческом процессе. Специфика его роли в эпоху Средневековья и Раннего Нового времени.

Рельеф Западной Европы и его влияние на социально-экономическое и политическое развитие средневековой Европы. Многообразие ландшафтов и физико-географических регионов как фактор развития Западной Европы.

Очертания береговой линии Западной Европы, её физико-географическая уникальность.

Изменения очертаний береговой линии в Средние века и Раннее Новое время и их влияние на судьбы стран и народов Западной Европы.

Изменения очертаний побережья Аппенинского полуострова и Южной Франции и их исторические последствия. Влияние «морского» фактора на судьбы Равенны, Венеции, Амальфи, Нарбонна в раннее и классическое Средневековье.

Изменения очертаний побережья Северного моря и его влияние на историческое развитие прилегающих территорий. Море и переменчивые

судьбы средневекового Брюгге. Борьба жителей Нидерландов с морем и её влияние на социально-экономическое и политическое развитие страны, формирование национального характера.

Особенности очертаний береговой линии Западной Европы и развитие международной торговли в Средние века.

Влияние «морского» фактора на климат Западной Европы. Своеобразие климата и особенности социально-экономического развития.

Климатические колебания в эпоху Средневековья и в Раннее Новое время. Влияние изменений климата на движение варварских племён в эпоху Великого переселения народов. Климатический оптимум XI – XIII вв. и историческое развитие стран Западной Европы. Особенности климата XIV – первой половины XVII вв. и их влияние на европейское общество.

Антропогенный фактор и природа Западной Европы в Средние века и Раннее Новое время. Великое переселение народов и образование Венгерской степи. Внутренняя колонизация XI–XIII вв. и её естественно-географические последствия: преобразование ландшафтов, оскудение водных ресурсов, исчезновение исконно европейских видов диких животных и растений.

Прекращение колонизационных процессов на рубеже XIII–XIV вв. и его причины.

2. Экономическая география Западной Европы в Средние века и Раннее Новое время. Основные особенности экономического развития стран средневековой Европы.

География сельского хозяйства. Деградация сельскохозяйственного производства в эпоху Великого переселения народов. Расселение германских племён и стирание региональных отличий ведения хозяйства.

Прогрессивные изменения в сельском хозяйстве в эпоху Раннего Средневековья и их географическая составляющая. Формирование трёх основных зон сельскохозяйственного производства в средневековой Западной Европе. Особенности агрикультуры и своеобразие хозяйственных функций общины в каждой из аграрных зон Западной Европы. Региональная специализация сельскохозяйственного производства как фактор повышения его продуктивности и формирования условий возникновения средневековых городов.

Географические закономерности градостроительного процесса в странах Западной Европы. Места возникновения городских центров: природно-географическая характеристика. Формирование городской сети в средневековой Европе. Густота городской сети и её объективная обусловленность. Характер разделения труда между городом и деревней.

Влияние городов на развитие региональной хозяйственной специализации в средневековой Европе. Международная торговля как первая отрасль региональной специализации хозяйственной жизни Средних веков. Торговые

города и природно-географические условия их возвышения. Морская торговля и причины её господствующего положения в структуре международной торговли.

Два района международной торговли в Европе. Средиземноморский район: причины возвышения, главные центры, основные торговые пути, состав и объёмы товаропотоков, особенности организации. Типы морских судов. Причины и формы участия североитальянских городов в крестовых походах. Торговые фактории итальянских купцов в странах Ближнего Востока.

Северный район европейской торговли: главные центры, торговые пути, основные предметы товарообмена. Роль Новгорода и Новгородской земли в международной торговле на Балтике.

Шампанские ярмарки как историко-географический феномен. Причины расцвета ярмарочной торговли в Шампани: географический аспект. Особенности организации, участники, масштабы торговли. Причины угасания значения шампанских ярмарок на рубеже XIII – XIV вв.

Два периода в истории международной торговли эпохи Средневековья: сравнительная характеристика. Развитие региональной специализации ремесленного и сельскохозяйственного производства в странах Западной Европы как определяющий фактор развития международной торговли.

Истоки региональной специализации ремесленного производства. Районы высокоразвитого сукноделия и факторы их становления. Особенности развития сукноделия в Северной Италии и во Фландрии.

Горное дело и своеобразие его развития в средневековой Европе. Особая значимость добычи драгоценных металлов и её причины. Технология горной добычи. Перемещение крупнейших центров добычи драгоценных металлов в XIII – XV вв. и его причины.

Металлообработка. Формирование центров оружейного производства в Северной Италии и Южной Германии.

Районы добычи соли. Особенности технологии и организации производства.

Истоки региональной специализации сельскохозяйственного производства. Становление центров развития виноделия, плодового садоводства, маслоделия. Развитие сукноделия в Северной Италии и во Фландрии и формирование районов товарного овцеводства.

Великие географические открытия, их причины и исторические последствия. Перемещение важнейших путей мировой торговли на Атлантическое побережье. Формирование португальской колониальной империи и возвышение Лиссабона. Начало добычи драгоценных металлов в Южной Америке и рост экономического значения Севильи.

Перемещение важнейших центров международного торгового обмена на европейский Север

и его причины. Новые центры хозяйственной жизни – Антверпен, Амстердам, Лондон. Становление новых форм организации международной торговли.

Развитие мануфактурного производства в промышленности: пространственно-географический аспект. Дальнейшее развитие региональной хозяйственной специализации. Новые отрасли промышленного и сельскохозяйственного производства. Рыболовство и его роль в экономическом подъёме Республики Соединённых провинций. Складывание национальных рынков. Особенности становления национальных рынков в различных странах Западной Европы.

3. Социальная география Западной Европы в Средние века и Раннее Новое время.

Понятие исторической «социальной географии».

Проблема типологии генезиса европейского феодализма: пространственно-географическая составляющая.

Зрелый феодализм: классическая модель и региональные особенности. Общее и особенное в экономическом и правовом положении крестьянства. Региональные особенности в развитии средневекового рыцарства: правовой статус, вассально-ленные отношения, самосознание, быт и нравы. Церковный феодализм в различных регионах средневековой Европы.

Пространственно-географические особенности градообразовательного процесса в странах средневековой Западной Европы. Степень урбанизации региона как историко-географическое явление. Региональные особенности социальной структуры городского населения и политико-правового статуса городов и горожан.

Формы социальной борьбы в средневековой Европе. Географические закономерности в развитии коммунального движения. География крупнейших крестьянских восстаний западноевропейского Средневековья.

Разложение феодализма и генезис капиталистических отношений: региональные особенности.

Эволюция аграрных отношений в Европе XVI–первой половины XVII в. Две зоны аграрного развития. „Второе издание крепостничества“: пространственно-географическая характеристика.

Социальные последствия Реформации в странах Западной Европы.

Региональные особенности социального развития в Раннее Новое время и первые буржуазные революции.

4. География населения Западной Европы в V–середине XVII в.

Предмет географии населения как отрасли исторической географии.

Влияние Великого переселения народов на численность и размещение населения Западной Европы. Экономический рост, социальная и военно-политическая стабилизация в Европе к

исходу Раннего Средневековья и «демографический бум» XI в.

Миграционные процессы XI–XIII вв. и их влияние на размещение населения. Крестовые походы: демографическая характеристика. Внутренняя колонизация и география населения. Возникновение и развитие средневековых городов: демографические аспекты.

География населения Западной Европы в XIV – XV вв. Снижение темпов демографического роста и его причины. География «чёрной смерти» и вызванных ею демографических потерь. Опустошения Столетней войны.

География населения Западной Европы в Раннее Новое время. Обострение социальных противоречий, массовая пауперизация трудящихся слоёв населения и динамика численности населения: пространственно-географические особенности.

Изменение характера войн и военного искусства и география населения. Демографические последствия Тридцатилетней войны.

Особенности миграционных процессов в Западной Европе Раннего Нового времени. Их причины и масштабы. Начало освоения европейцами Нового Света: географические закономерности.

5. Этнополитическая карта Западной Европы в Средние века и Раннее Новое время.

Этнополитическая карта Западной Европы на рубеже Античности и Средних веков. Романизация населения Западной Римской империи: причины, степень интенсивности в различных регионах.

Этнополитические последствия Великого переселения народов. Образование варварских королевств, их география. Особенности этнополитической структуры варварских государств.

Особенности этнополитического развития Западной Европы в эпоху Раннего Средневековья. Судьбы варварских государств. Нестабильность политической географии раннесредневековой Западной Европы: границы и столицы. Формы этнических общностей в Западной Европе в период Раннего Средневековья.

Образование империи Карла Великого и её география. Оформление основ территориально-политической структуры средневековой Европы. Распад империи Карла Великого, его причины и последствия для этнополитического развития Средневековья.

Феодалная раздробленность как особенность политико-географического развития средневековой Западной Европы.

Две тенденции в процессах политической консолидации Западной Европы в период классического Средневековья. Универсалистские устремления римских пап и германских императоров – первая тенденция политико-географического развития Европы XI–XIII вв.

Процессы политической централизации в странах Западной Европы. Переплетение и взаи-

мовлияние процессов политической централизации и этнической консолидации. Формирование национальных государств – вторая тенденция этнополитического развития Средних веков.

Окончательный крах средневекового универсализма на рубеже XIII и XIV вв. и торжество второй тенденции этнополитического развития Средневековья.

Особенности формирования французской и английской народностей. Столетняя война, её место на пути этнополитического развития Англии и Франции и завершение процессов складывания национальных государств к концу XV в.

Своеобразие этнополитического развития стран Пиренейского полуострова в период классического Средневековья. Основные этапы Реконквисты и складывание Испании и Португалии.

Особенности этнополитического развития средневековых Германии и Италии, причины сохранения и углубления политической раздробленности к концу Средних веков.

Эпоха Реформации и её влияние на формирование современной политической карты Западной Европы. Реформация в Германии: последствия для политического развития страны.

Тридцатилетняя война и её итоги. Территориальные потери и приобретения европейских государств. Государственное самоопределение Швейцарии и Нидерландов.

6. Следы незавершённости процессов этнополитической консолидации на современной карте Западной Европы.

Западноевропейские государства, не принадлежащие к типу национальных государств. Становление Австрии и Бельгии: влияние наследия Средневековья.

Государства-карлики как феномен политической географии Западной Европы. Причины их сохранения на политической карте континента. Сан-Марино. Ватикан. Андорра. Люксембург. Монако. Мальта. Лихтенштейн.

Народы Западной Европы, не имеющие собственной государственности. Причины сохранения этнической самобытности: общее и особенное.

Народы Испании. Каталонцы. Галисийцы. Баски. Районы проживания и особенности их исторических судеб. Традиции Средневековья в хозяйственном быте, политической жизни, самосознании и культуре. Основные этапы борьбы каталонцев и басков за автономию.

Народы Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Шотландия: страницы политической и этнической истории. Особенности национального самосознания шотландцев и их исторические корни. Гэлы: язык, материальная и духовная культура. Уэльс и его роль в средневековой истории Англии. Валлийцы: язык, культура, самосознание. Английское завоевание Ирландии и его исторические последствия. Северная Ирландия: особенности

исторических судеб и этнического состава населения.

Народы Франции. Средневековая история Бретани и становление бретонской народности. Следы Средневековья в хозяйственном укладе и культурной жизни современной Бретани. Судьбы средневековой Корсики и формирование корсиканской народности. Корсиканцы: особенности хозяйственного строя, культуры и самосознания.

Ретороманские народы Швейцарии и Италии. Происхождение, страницы истории, особенности хозяйства и культуры.

Народы Германии. Фризы. Естественно-географические особенности районов расселения и традиционные хозяйственные занятия. Исторические судьбы Фрисландии. Средневековые традиции в современной жизни. Сербы-лужичане. Особенности исторических судеб. Сербы-лужичане в эпоху славянского Возрождения. Место сербо-лужицкого населения в экономической, политической и культурной жизни современной Восточной Германии.

7. Конфессиональная карта Западной Европы в Средние века и Раннее Новое время.

Христианизация Римской империи: пространственно-географический аспект. Христианство и варвары. Распространение арианства среди германских племён и его причины.

Конфессиональная ситуация в варварских государствах.

Арабские завоевания в Западной Европе и их влияние на изменения конфессиональной карты.

Христианизация стран Центральной и Северной Европы: общее и особенное. Миссионерство и крестовые походы.

Еретические движения в странах средневековой Западной Европы: пространственно-географическая характеристика.

Реформация в Западной Европе. Католицизм и протестантизм: история территориального размежевания.

Евреи в средневековой Европе: география расселения, миграции и их причины.

8. Географические представления и открытия Средних веков и Раннего Нового времени.

Космогоническая и географическая теория Птолемея – основа географических представлений Средних веков.

«Географическая теория» Козьмы Индикоплова.

Роль арабской культуры в сохранении античного наследия и накоплении новых географических знаний.

Путешествия Раннего Средневековья: паломничества, миссионерства, посольства.

Географические открытия норманнов.

Роль крестовых походов в расширении географических представлений европейцев.

Путешествия в Восточные страны. Книга Марко Поло. Дипломатические миссии европейских правителей к монголо-татарам. Плано

Карпини. Гильом Рубрук. Одорико из Порденоне и его «Описание восточных земель мира».

Начало поисков морского пути в Индию в XV в. Плавания португальских моряков вдоль западного побережья Африки. Генрих Мореплаватель.

Эпоха Великих географических открытий: содержание и хронология. Открытие морского пути в Индию. Открытие Америки. Кругосветное путешествие Магеллана. Географические открытия английских и голландских мореплавателей в XVI–первой половине XVII в.

Становление современной системы космогонических и географических представлений.

Список источников и литературы

Источники

Агрикультура в памятниках западного средневековья. М.; Л., 1936.

Древние германцы. М., 1937.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.

Григорий Турский. История франков. М., 1987.

Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Книга Марко Поло. М., 1956.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения: тексты, перевод, комментарий. М., 1986.

Пифагетта. Путешествие Магеллана. М., 1950.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Путешествия Христофора Колумба. М., 1952.

Свет Я.М. После Марко Поло. М., 1968.

Фиц-Стефен У. Описание благороднейшего города Лондона / Пер. и коммент. Н.А. Богодаровой // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.

Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961.

Хрестоматия по истории средних веков. (Разные издания).

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.

Эйнгарт. Жизнь Карла Великого // Левандовский А. Карл Великий: через империю к Европе. М., 1995.

Учебные пособия и исследования

Абрамсон М.Л. Состояние производительных сил в сельском хозяйстве Южной Италии // Средние века. М., 1965. Вып.28.

Авдеева К.Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв. Л., 1973.

Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967.

Авербух М.С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970.

- Алексеев В.П., Бромлей Ю.В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // Советская этнография. 1962. № 2.
- Барг М.А.* К вопросу о росте населения Англии в XI–XIII вв. // Вопросы истории. 1947. № 11.
- Басовская Н.И.* Природно-географический фактор в истории: к вопросу об эволюции проблемы // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 1996. № 3.
- Бейкер Д.* История географических открытий и исследований. М., 1950.
- Беркович М.Е.* К вопросу об особенностях процесса формирования немецкой народности // Средние века. М., 1965. Вып. 27.
- Беркович М.Е.* О характере немецкой средневековой этнической общности в XI–XIII вв. // Средние века. М., 1973. Вып. 36.
- Бессмертный Ю.Л.* Некоторые данные по истории земледелия в бассейне Рейна в XII–XIII вв. // Европа в средние века: экономика, политика, культура: Сб. ст. к 80-летию акад. С.Д.Сказкина. М., 1972.
- Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
- Близнюк С.В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре. 1192 – 1373. М., 1994.
- Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
- Бондарев Л.Г.* Особенности экологической ситуации в Средневековой Европе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. 1996. № 1.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1986–1992. Т. 1–3.
- Бродель Ф.* Что такое Франция. М., 1997. Т. 1–2.
- Бродель Ф.* История моря и суши (Средиземноморье) // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1997. М., 1998.
- Бродель Ф.* Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002. Ч. 1. Роль среды.
- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Буданова В.П.* Этнические процессы и власть в раннем средневековье // Власть и политическая культура в средневековой Европе: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1.
- Буданова В.П.* Этнонимия племён Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1993.
- Бусыгина И.Н.* Регионы Германии. М., 2000.
- Вайнштейн О.Л.* Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха // Историк-марксист. 1938. № 6.
- Варьяш О.И., Черных А.П.* Португалия: дороги истории. М., 1990.
- Виноградов В.Б.* Аланы в Европе // Вопросы истории. 1974. № 8.
- Гомес-Табанера Х.М.* Происхождение и формирование народов Испании // Советская этнография. 1966. № 5.
- Грацианский Н.П.* Из истории сельскохозяйственной техники во Франции в феодальный период // Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
- Грымко М.М.* Внешняя торговля Голландии и Зеландии в XVI в. // Из истории средневековой Европы. М., 1957.
- Гумилёв Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2002.
- Гуревич А.Я.* Походы викингов. М., 1966.
- Гусарова Т.П.* Город и деревня в Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983.
- Гусарова Т.П.* Программа курса «Историческая география Западной Европы в средние века». М., 1986.
- Даркевич В.П.* Аргонавты средневековья. М., 1976.
- Даркевич В.П.* Пути средневековых мастеров. М., 1972.
- Добрынин Б.Ф.* Физическая география Западной Европы. М., 1948.
- Дробков В.А.* На перекрёстке дорог, культур, истории: Очерки о Бельгии и Люксембурге. М., 1989.
- Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII – XV вв. Тюмень, 1995.
- Ерамов Р.А.* Физическая география зарубежной Европы. М., 1973.
- Ингстад Х.* По следам Лейва Счастливого. Л., 1969.
- История крестьянства в Европе: В 3 т. М., 1985–1987.*
- Калесник С.В.* Общие географические закономерности Земли. М., 1970.
- Камышев Н.С.* Основы географии растений. Воронеж, 1961.
- Карпов С.П.* Пути средневековых мореходов: черноморская навигация венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.
- Карпов С.П.* От Таны – в Ургенч: эти трудные дороги Средневековья // Средние века. М., 2000. Вып. 61.
- Кертман Л.Е.* География. История и культура Англии. М., 1979.
- Килль Ж.* Тысячелетний Люксембург. М., 1965.
- Колесницкий Н.Ф.* Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.) // Средние века. М., 1963. Вып. 23.
- Колесницкий Н.Ф.* Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. н.э. // Средние века. М., 1985. Вып. 48.
- Косминский Е.А.* К вопросу об образовании английской нации // Вопросы истории. 1951. № 9.
- Котельникова Л.А.* Агрικультура и урожайность зерновых в Тоскане в XII–XIV вв. // Средние века. М., 1973. Вып. 36.
- Котельникова Л.А.* Торговые пути и некоторые стороны социально-экономического развития Центральной Италии в XIII–XIV вв. // Средние века. М., 1975. Вып. 38.
- Корсунский А.Р.* Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе // Средние века. М., 1968. Вып. 31.
- Лавринович М.В.* Физическая география Евразии. Минск, 2003.
- Ле Руа Лядюри Э.* История климата начиная с 1000 года. Л., 1971.
- Ле Руа Лядюри Э.* История регионов Франции. М., 2005.

- Левандовский А.П.* Об этническом составе империи Каролингов // Вопросы истории. 1952. № 7.
- Лесников М.П.* Некоторые вопросы балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV–начале XV в. // Средние века. М., 1955. Вып. 7.
- Лозинский А.А.* О росте населения Парижа в XVI в. // Средние века. М., 1973. Вып. 37.
- Люблинская А.Д.* К вопросу о развитии французской народности (IX–XV вв.) // Вопросы истории. 1953. № 9.
- Люблинская А.Д.* Источники в смежных с историей наук (по материалам зарубежной медиэвистики) // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979.
- Люццато Д.* Экономическая история Италии. М., 1954.
- Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. М., 1967.
- Магидович И.П., Магидович В.И.* История открытия и исследования Европы. М., 1970.
- Майер В.Е.* Виноградарство и его место в аграрной истории Германии XIV–XVI вв. // Средние века. М., 1965. Вып. 27.
- Майер В.Е.* Деревня и город в Германии в XIV–XVI вв. (Развитие производительных сил). Л., 1979.
- Малаховский К.В.* Кругосветный бег «Золотой лани». М., 1980.
- Масленников Н.С.* О предпосылках образования испанской нации // Вопросы истории. 1954. № 11.
- Матвеев Г.П.* Андорра. Лихтенштейн. Монако. Сан-Марино. М., 1959.
- Медушевская О.М.* Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина. М., 1959.
- Мельникова Е.А.* Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
- Мельникова Е.А.* Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе X–XIV вв. М., 1998.
- Мильская Л.Т.* Аграрное развитие Каталонии и окружающая среда (XII–начало XIII в.) // Средние века. М., 1981. Вып. 44.
- Можейко И.В.* В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV–XX вв.). М., 1980.
- Муравьев А.В., Самаркин В.В.* Историческая география эпохи феодализма. М., 1973.
- Неусыхин А.И.* Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964.
- Печников Б.А.* Лихтенштейн – княжество на Рейне. М., 1986.
- Печников Б.А.* Цифрами на карте обозначены... М., 1986.
- Пименова Л.С.* Французская галера XIV в. // Судостроение. 1976. № 10.
- Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. М., 1937.
- Пичугина И.С.* Особенности Реконксты в Кастилии XIII–XIV вв. // Проблемы испанской истории. М., 1979.
- Подоляк Н.Г.* Ганза: мир торговли и политики в XIII–XVII столетиях. Киев, 1998.
- Пчелина И.В.* Баски // Вопросы истории. 1979. № 1.
- Пчелина И.В.* Каталонцы // Вопросы истории. 1979. № 9.
- Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988.
- Ревуненкова Н.В.* Население Монпелье в XII в. // Средние века. М., 1967. Вып. 30.
- Репина Л.П.* Феодалы и процесс этнической консолидации в средневековой Англии // Элита и этнос средневековья. М., 1995.
- Ролова А.Д.* К вопросу о состоянии промышленности Флоренции во второй половине XVI и в первой половине XVII в. // Средние века. М., 1963. Вып. 23.
- Рутенбург В.И.* От Пеголотти до Уццано // Средние века. М., 1965. Вып. 28.
- Рутенбург В.И.* Торговые пути в XV–XVI вв. по итальянским хроникам // Средние века. М., 1975. Вып. 38.
- Савина Н.В.* Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
- Самаркин В.В.* Историческая география стран Западной Европы в средние века. М., 1976.
- Самаркин В.В.* «Чёрная смерть» по данным современной зарубежной литературы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1976. № 3.
- Самаркин В.В.* Историческая демография западноевропейского средневековья // Вопросы истории. 1977. № 2.
- Серовайский Я.Д.* Севообороты средневековой Франции // Средние века. М., 1972. Вып. 35.
- Синицын В.М.* Введение в палеоклиматологию. Л., 1980.
- Сказкин С.Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Скржинская Е.Ч.* Техника эпохи западноевропейского средневековья // Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.; Л., 1936.
- Смирин М.М.* К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969.
- Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
- Стам С.М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII вв.). Саратов, 1969.
- Токаревич К.Н., Грекова Т.И.* По следам минувших эпидемий. Л., 1986.
- Тушина Г.М.* Марсельский торговый флот XIII в. // Учен. зап. Горьк. ун-та. Горький, 1971. Вып. 109(1).
- Филитов И.С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
- Флоря Б.Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI–начало XVII в.) // Средние века. М., 1973. Вып. 36.
- Фримен Э.* Историческая география Европы. М., 1892. Т. 1–2.
- Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI–XVIII вв.). М., 1976.
- Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1956.
- Чистозвонов А.Н.* Транспортные цехи, их смежники

и торговля в Амстердаме в XVI в. // Средние века. М., 1975. Вып.38.

Шаскольский И.П. Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып.2.

Шаскольский И.П. Основные направления и пути торговых сношений России с Западной Европой в XVI–XVII вв. // V Междунар. конгресс по экон. истории. Ленинград, 1970. Доклады. М., 1976. Т.6.

Шевеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V–X вв. // Вопросы истории. 1969. № 10.

Шевеленко А.Я. Производственно-трудовой опыт народных масс Европы VI–X вв. // Вопросы истории. 1975. № 8.

Шевеленко А.Я. Феодалные территории и феодалная надстройка в Бретани IX–XI вв. // Французский ежегодник. 1978. М., 1978.

Шервуд Е.А. Некоторые особенности этнических про-

цессов у германских племён в период разложения перво-бытнообщинных отношений (К становлению этнического самосознания у саксов VI–IX вв.) // Проблемы романизации, этногенеза и городского устройства. М., 1977.

Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам. К проблеме формирования английского народа. М., 1988.

Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997.

Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.

Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. М., 1950. Вып.20.

Яцунский В.К. Историческая география. История её возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М., 1955.

Яцунский В.К. Историческая география // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М., 1965. Т.6.

Подписка на II полугодие 2008 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 11 «Известия высших учебных заведений».

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

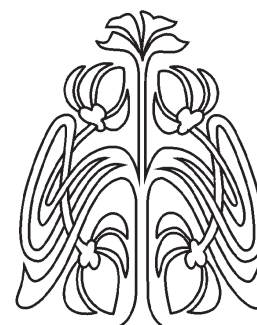
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

